

18+

Вера Мещерская

В СЕРДЦЕ АВСТРАЛИИ

Роман

Вера Мещерская

В сердце Австралии. Роман

«Издательские решения»

Мещерская В.

В сердце Австралии. Роман / В. Мещерская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518676-8

По мотивам романа Нэнси Като. В русской литературе советского периода была такая традиция, благодаря которой появились «Доктор Айболит», «Золотой ключик» и «Волшебник Изумрудного города»

ISBN 978-5-00-518676-8

© Мещерская В.
© Издательские решения

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	6
Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвёртая	19
Глава пятая	25
Глава шестая	28
Глава седьмая	33
Глава восьмая	37
Глава девятая	42
Глава десятая	48
Глава одиннадцатая	55
Глава двенадцатая	60
Глава тринадцатая	65
Глава четырнадцатая	72
Глава пятнадцатая	77
Глава шестнадцатая	82
Глава семнадцатая	86
Глава восемнадцатая	92
Глава девятнадцатая	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

В сердце Австралии

Роман

Вера Мещерская

Эта книга посвящается всем храбрым медсёстрам и бесстрашным лётчикам. В Австралии люди этих профессий давно и плодотворно сотрудничают.

И, конечно, всем мамам и дочкам, без которых жизнь на земле может остановиться.

И, конечно же, посвящается роман светлой памяти австралийской писательницы Нэнси Като Фазерингейм, её сыновьям и дочери Бронли Норман – драматургу из г. Нуса (Австралия).

© Вера Мещерская, 2021

ISBN 978-5-0051-8676-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

– Пстой! Ну, пстой же! – Нэнси Маклин чуть не задохнулась от быстрого бега, пытаясь догнать подругу. Длинный подол юбки мешал ей бежать быстрее, да и мокрая трава в парке была скользкой.

– Не отставай. Нам надо успеть вовремя. А то Синеносая Бабка пожалуется старшей медсестре. Ты можешь быстрее?

– Бегу, как могу.

Они возвращались пешком через парк в северно-аделаидскую больницу, сэкономив мелочь.

Всё их жалованье составляло пять шиллингов в неделю, и каждый пенс был на учёте. Первый год, как стажёрки, они не получали ничего, работая по двадцать четыре часа в сутки, обучаясь при этом сестринскому делу. Теперь пошёл 1911 год – третий год их работы, и обе по-прежнему работали и занимались на лекциях.

– Идём же Маклин! Зря ты ела булку! Тем более, что... —

Да... Мы не можем позволять себе этого часто... Но... как было от неё отказаться? – облизнулась Нэнси, вспомнив поджаристую сахарную булочку с кремом и клубничной начинкой. Заканчивался долгий жаркий летний день, становилось прохладней – шумный ветер «обманщик» начинал свой путь через город, уже с высот восточного квартала навевая прохладу, и резко слетал вниз к равнинам.

Розовые от заката холмы казались спокойными, а их золочёные верхушки упирались прямо в небо, отражаясь в лучах вечернего солнца. Девушки пересекли ту часть парка, где росли молодые деревца, начисто объеденные тощими коровами; редкие насаждения в порывах разыгравшегося ветра качались и хлестали ветками, ломая при этом остатки коры, теряя уцелевшие листья.

– Станислава Честертон! Остановись сейчас же! – крикнула Нэнси (её полное имя «Агнесса» все находили слишком длинным и называли её именно так.) Теперь она пыталась наклониться и поймать слетевшую шляпку, её мягкие, аккуратно-уложенные светло-каштановые кудри разлохматились. Они вообще были слишком мягкими и шелковистыми, и их приходилось туго стягивать в пучок, чтобы надеть форменную шапочку, при этом расходовались все имеющиеся шпильки.

– Синеносая Бабка уже ждёт, а я не могу быстрее! Та медсестра, которую они называли «Синеносой Бабкой» была совсем не старой – ей было не больше тридцати, но молоденьким девушкам она казалась очень солидной. К тому же у неё была болезненная склонность к расстройству желудка, делавшая её сердитой, и в холодные аделаидские зимы её нос казался поси́ншим от холода.

Молодые медсёстры не могли укрыться от её грозного надзора во время обхода и в отместку дали ей такое не ласковое прозвище. Стэн прошла вдоль стены до дерева, по которому ползали муравьи.

«Вдоль и поперёк, – подумалось ей, – Совсем как городской транспорт». – Мы сэкономим на дешёвом транспорте, – заметила она вслух, – но потратили столько свободного времени!

– Прости, Честер! Я просто дух перевела.

– Ладно, сестрёночка! – и Стэн взглянула на свои наручные часики, – Через пять минут нам надо быть переодетыми в форму.

Они уже подходили к госпиталю со стороны террасы, выходящей в парк. Нэнси облегчённо улыбнулась подруге. Девушки долгое время называли друг друга по фамилиям «Честер» и «Маклин», звучащим не так женственно, как их имена. Стройную Нэнси с хрупкой талией

пациенты называли не иначе как «сестрёночка», а Стэн часто брала её под своё покровительство и называла «сестрёночкой». Худенькое личико Нэнси нельзя было назвать особенно красивым, но её васильковые глаза, ярко очерченные губы и мягкие локоны не раз давали повод назвать её «симпатяночкой», что её очень сердило. Волосы Стэн были прямыми и светлыми, а лицо розовым с широким прямым ртом, которым она почти не смеялась, лишь изредка обнажая в широкой улыбке все свои зубы. Пациенты боялись Стэн, пока та не начинала улыбаться. Подруги вбежали в сестринское отделение, в комнату, где жили, переоделись, сбросив одежду, и шесть минут спустя, направлялись по коридору, на ходу закрепляя форменные шапочки.

– Держись! – бормотала себе под нос Стэн, с трудом закрепляя шапочку на своих непослушных волосах, от чего уголки её рта выжили из-под контроля, обнажая зубы.

Вечерняя раздача пищи закончилась, им лишь оставалось обойти палаты с ужином и медикаментами, рассеивая толпу последних посетителей, разобрать цветы и распределить работу с пациентами в предстоящую ночную смену.

Они работали по девять часов в сутки, но руководство распорядилось о перерывах через каждые три часа.

Выпив в шесть утра по чашке чая, они дежурили до 10.00, потом после завтрака до половины двенадцатого, когда был перерыв на ланч. Отработав оставшиеся три часа, они шли отдыхать.

К шести часам вечера нужно было вернуться на дежурство до девяти, в конце которого они перехватывали чаю с бутербродом в больничной столовой, после чего отправлялись спать. И ровно в половине шестого утра всё начиналось сначала. Летом работать в таком режиме было неплохо.

Летнее утро – лучшее время, когда можно встретить рассвет, вдоволь налюбовавшись видом восточной части города, едва освещённого сверкающим солнцем и ожидающего ветерка.

Широкую веранду больницы по устоям внутреннего распорядка завершали большие тяжёлые шторы. Днём их опускали, а вечером поднимали – как флаг на плацу. Эту работу Нэнси ненавидела. Она ловко накладывала повязки, но ненавидела всё, что связано с физическими нагрузками и механическим трудом. Стэн же напротив справлялась с этим и одна. Едва она бралась за шторы, как те послушно разворачивались или сворачивались в ровные рулоны, в то время, как в руках Нэнси они укладывались, как попало.

Дважды в неделю обе учились на лекциях для медсестёр.

После чего поглощали знания за учебниками и конспектами. Физиология, анатомия, биология, диетпитание, спецодежда, бактериология, медицинский транспорт и повязки...

Во время практических занятий было вольнее, применяя сестринские навыки, а то и готовить яичницу, молочный пудинг или омлет, также интересно было учиться накладывать сложные повязки и шины добровольным помощникам.

Поначалу Нэнси казалось, что с ней обращаются как с неразумным ребёнком, и она всячески этому сопротивлялась. В конце каждого рабочего дня усердно накрахмаленный воротничок её форменной блузы становился таким жёстким, что можно было натереть шею. В соответствии с медицинским этикетом нужно было отвечать старшей медсестре, встав также прямо, как её накрахмаленный воротничок и манжеты, соединив пятки вместе и расправив плечи. Порой Нэнси хотелось огрызнуться или показать старшей медсестре язык, но всё же она кротко и смиренно сдерживалась: «Да. Нет.»

Нэнси понимала, что дотошная медсестра делала её жизнь несносной. Одно время Нэнси дежурила по столовой, приготавливая бутерброды для пациентов, и начальство то и дело проверяло и оговаривало её: «Вы не так держите нож, когда отрезаете с этой стороны!.. Разворачивайте его вот так... Так, так и так... И убирайте пальцы подальше от лезвия!» «Да уймётся ты?!» – вздыхала «про себя» Нэнси, но виду не подавала, бросая короткое:

«Да. Нет. Спасибо.» а когда начальство уходило, бросала нож и тайком глотала бутерброд, чтобы заглушить гнев.

Ночью в своей тесной комнатухе с большими окнами, где едва хватало места для пары кроватей с тумбочками и «благородного комода» с подвесным зеркалом, девушки мечтали о будущем, когда через три года они получат дипломы медсестёр.

– Ты останешься работать в больнице? – интересовалась Стэн у подруги.

– Боже упаси! Одни ночные дежурства чего стоят!.. – Да ещё Крокодилица (так они называли старшую медсестру) и Синеносая бабка!.. Спорим, таких хватает в каждой крупной больнице!

– Может, поработать в центре страны, – размышляла Нэнси, – Хотелось бы повидать разные австралийские штаты – Квинсленд, Северные территории...

– Там слишком жарко. – ...или Западную Австралию...

– А это слишком далеко.

– Мать захочет, чтобы я вернулась домой и послушно готовилась к замужеству, – предсказала Нэнси самой себе, – Только в этом случае я и смогу покинуть Аделаиду.

– Хорошо, что мой старик не беспокоиться, зная, что я ещё долго могу содержать себя и не у него просить о помощи, – задумчиво заключила Стэн Её мать умерла два года назад, и Стэн ухаживала за ней до последнего.

– Ещё успеем решить. Давай спать. И она уснула мгновенно, даже не переворачиваясь на бок – здоровый сон сморил её уставшее за день тело до пронзительного звонка в полшестого утра.

Глава вторая

Мать Нэнси была шокирована выбором дочери.

– Не представляю себе, как можно помышлять о таком, – взволнованно говорила она, – Отец и слышать об этом не захочет!.. Быть нянькой на побегушках!.. Такова особенность этой работы!.. А ещё тебе придётся мыть голых мужчин! В силу своего возраста, ты не понимаешь, как это унижительно, а мне ты наносишь смертельный удар, уж это точно! Как посмотрев в глаза своим друзьям, я объясню им, почему моя дочь ушла в няньки?!

Так, подчёркивая каждое слово, миссис Маклин и вникла в прихоти своей дочери Агнессы. Августина Маклин к тому же огорчала и расстраивала её собственная близость к «аделаидскому обществу» – её отец Картер владел пивными заводами.

Когда же после замужества она сменила имя отца на звучное имя майора Грегори Маклин, почувствовала явное восхождение по социальной лестнице. Её стали приглашать на официальные балы к лорду мэру и светские вечеринки в доме правительства. Августина была маленькой и пухленькой, её тёмные волосы вились, а ангельские голубые глазки всегда выражали участие.

Высокий представительный майор Маклин находил её неотразимой, когда она застенчиво покусывала пухленькие губки жемчужными зубками. У майора не было родных в Австралии, так что против брака с «торгашами» возражать было некому – в былые времена в Австралии «сливками общества» становились те, у кого было больше денег или земель, что и оправдывало их существование.

Маклин владел крупными мукомольнями ради торговли мукой по всей стране.

Выбирая собственный путь, Агнесса рисковала многим, но они с матерью были одинаково упрямы. Девушка упорно отстаивала свой выбор профессии медсестры.

– Этот труд больше похож на монашеский, – вмешивался отец, – Боже Милостивый! Надеюсь, ты не собираешься принять постриг?! – мягко улыбнулся он в усы, оформляя погашение штрафа.

– Нет, нет, отец!.. Всего лишь ухаживать за больными!.. – Боюсь, что этому не бывать. Мать и слышать об этом не захочет. Нэнси дулась всю неделю, сознавая, что отец принял сторону матери. Дальнейшее стечение обстоятельств помогло ей окончательно. Большой пожар уничтожил пивоварню её деда, а банк, в котором старый Вилли Картер ссуживал средства на ремонт, грозил банкротством. Августина не выдержала бы позора своего отца, а потому просила мужа о продаже его городской недвижимости и поддержании пивоварни Картера. Майор Маклин согласился неохотно. Время для продажи было неподходящим. Немного же оставалось у него наличных после уплаты долгов тестя.

– Даже не знаю, – жаловался он жене, – Как мы удержимся на плаву... Две мукомольни уже не вернёшь, а цены растут каждый день...

– Годы Депрессии не кончились...

– И ремонт этого дома, и плата за аренду мельниц... Жаль, что у меня нет сыновей, чтобы помочь мне...

– Грегори, не бросай камни в мой огород!.. – Августина надула хорошенькие губки и поднесла к глазам кружевной платочек. Это было их давней бедой.

Единственный сын этой четы не прожил и дня, и после было несколько выкидышей – так что последним и единственным ребёнком оставалась Агнесса – больше Августина не могла иметь детей.

– Всё-таки я рожала! – в сердцах упрекала себя Августина, – А моя дочь Агнесса не интересуется молодыми людьми, не собирается выходить замуж, а хочет пойти в няньки!.. Пока она изливала роившиеся в голове мысли, её супруг задумчиво поглаживал усы:

– Да. Если Нэнси не выходит замуж и хочет сама себя содержать, то, пожалуй, эта мысль не так плоха...

– Грегори!.. неужели ты одобряешь такое решение?! Я умру со стыда, сознавая, что моей дочери придётся мыть «больничные утки»!..

– Да, это не слишком удачное начало карьеры. Но после того, как я по твоей просьбе спас твоего отца от позора банкротства, мне больше ничего не страшно.

И вот Нэнси по достижении совершеннолетия отправилась в частный госпиталь на севере Аделаиды, что казался её матери более приличным, чем общественный. Работа оказалась тяжелее, чем предполагала Нэнси, но о принятом решении девушка не жалела.

– Сестричка! – позвал старичок дребезжающим голосом. Его недавно перевели в палату из операционной, и он ещё не знал, что голубоглазенькая, кудрявенькая нянечка Маклин прячет за кроткой внешностью сильную волю.

Старичка привезли в мужское отделение из хирургического с двадцатью семью швами на ноге – у него был открытый перелом после падения под экипаж.

– Сестричка! Грелку бы!.. я на охоте с дичью меньше жесток, – натужно заволновался он. – Сейчас, мистер Хаккет. Грелки дают всем, кого привозят из операционной. Вы не спросили о ней у сестры Брайт, когда та уходила? – Да. И мне отказали...

– Видно, из-за наркоза. Вы бы не почувствовали, как грелка обжигает Вас...

– Да, но я мёрзну... – Подождите, я принесу для Вас одеяло потеплее...

– Все вы няньки какие-то недоделанные, – пожаловался он. – Когда Вы пришли в сознание, чувствовали боль в ноге? Если надо, сестра даст Вам успокоительное...

– Ох, не люблю я их снотворные пилюли!.. И так справлюсь...

Нэнси отошла к окну и выглянула на пустынный двор больницы. Уже светало, и её ночное дежурство подходило к концу. Обходя с маленькой лампой палаты, она продолжала ставить холодные компрессы и менять бутылки с горячей водой, которые служил грелками.

Один из пациентов – сильный мускулистый бушмен с перебитым носом, у которого признали повреждение печени от длительных запоев – внезапно впал в бред, крича, что на него напали змеи.

– Мистер Эткинс, успокойтесь! Вы разбудите всех остальных. Тот неосознанно пристально взглянул на неё, дико сверкнув глазами и откинул простыню.

– Мистер Эткинс! Не вставайте с постели! Тот порывисто оттолкнул её и побежал к окнам палаты, находящейся на втором этаже:

– Ради Святого!.. Уберите! Они на мне... Змеи!.. Дьяволы!.. Нэнси преградила ему путь к окну:

– Смотрите, мистер Вилкинс, змеи уползли! Оглянитесь! Он умолк, на мгновение бросив умный взгляд налитыми кровью глазами:

– Уползли?.. Они вернуться!.. Будьте покойны!

– А какого они были цвета?

– А?.. Красного... И алого, и жёлтого, и с большими ядовитыми зубами...

– Ладно... Их уже нет. Идёмте, приготовлю для Вас на кухне чаю... Нэнси не смела поднять на больного глаза.

– Сестричка! – слышался шёпот мистера Хаккета, – Хотите помощи справиться?

– Нет, нет! Вы же знаете, Вам нельзя вставать!

– Нэнси пыталась успокоить больного бушмена слабым чаем, но едва он тянулся к чашке, как его глаза дико закатывались. Он начал по новой, выбив чашку из её рук:

– Это не честно!.. на меня напали! – вскрикнул он и выхватил из раковины острый нож, разорвав при этом свою пижамную кофту. – Ну, теперь держитесь! – бормотал он, ударив себя в чалую грудь.

Нэнси в отчаянии схватила его руку:

– Отдайте нож! Но больной оттолкнул её и попятился в сторону. Дрожащей рукой Нэнси смешала снотворный порошок с молоком:

– Вот, мистер Эткинс. Выпейте. Обещаю вам, что все демоны исчезнут.

– Да?.. А змеи...

– И змеи тоже. Пейте.

Тот сразу выхватил из её рук чашку и осушил её, но нож всё ещё держал остриём вверх.

Нэнси бросила взгляд на свои форменные наручные часики – три часа ночи, помощь прибудет лишь через три часа. Она подошла к шкафу, где хранились наборы игр для пациентов и взяла оттуда колоду карт:

– Мистер Эткинс, помните Вы говорили, что хорошо играете в карты? Как насчёт покера?

– Что? – искажённое выражение его лица от недоумения начало приобретать разумные человеческие очертания.

Нэнси уселась за столик старшей медсестры, освободив его от бумаг. Стасовав карты, она начала раздавать их. Бушмен нехотя подошёл к ней. Он сел в кресло напротив, взял карты и положил нож перед собой лезвием вверх:

– Ха! Однако, – сверкнул он глазами в сторону Нэнси, когда та бросила на него мимолётный взгляд, – Вам-то я этого не говорил, ведь так?

Пропустив его слова мимо ушей, Нэнси начала игру, первой взяв блокнот и карандаш для записи счёта. А сама только и молилась, что бы сопернику досталась хорошая карта.

Они играли так с полчаса. Нэнси всё время проигрывала. Казалось, на больного ещё находило во время перерывов. Он схватился за нож.

– Прочь! Прочь! – внезапно вскрикнул он, ударив что-то на полу.

– Что такое, мистер Эткинс?

– Огромная красная мерзость – вот что! Нэнси боялась всего, что ползает, и с содроганием посмотрела под стол. Там никого не было. – Нет... Там никого нет... Вы не помните, был ли у меня джокер?

– А? – неопределённый загадочный взгляд затуманил его глаза. Нэнси приходила к выводу, что он всё ещё опасен.

– Может, ещё чаю и постель?

– Нет, там полно змей!

– Я перестелю постель, и все змеи уползут, – тихий шёпот и игра в карты отвлекли его, пока остальные спали. Не спал только старичок, предложивший помощь. Он и теперь зашептал:

– Довести-то его помочь, сестрёнка?

– Справлюсь, мистер Хаккет! Будьте спокойны!

– Круто! Вы его прямо, как австралийского «робин гуда» Неда Келли!

И Нэнси, взглянув на себя как бы со стороны, изумилась. Одна среди ночи она играла в юкер с душевнобольным при свете единственной лампочки, и все прочие беспомощные пациенты оставались лишь под её надзором, другой помощи не было.

– Э-э, что если ему дать мою дозу снотворного? – прошептал мистер Хаккет.

– Неплохая мысль. Нэнси всыпала и эту дозу в чай и в конце концов уложила больного в постель.

На другой день во время утреннего обхода мистер Хаккет расписывал старшей медсестре, какая эта «сестрёнка умелая».

– Ей бы медаль дать – вот что!

– Маклин всего лишь выполняла свой долг, мистер Хаккет.

– Да, но вы бы видели, как она успокаивала того здоровенного детину!.. Играла с ним в карты. Пока он не уснул, – и он указал на мирно храпящего Эткинса.

То ночное дежурство Нэнси закончилось, но не прошло и недели, как она узнала, что мистер Хаккет подготовил для неё награду на собственные средства.

Заступив на следующей неделе в ночную смену, Нэнси начала со смены повязки на ноге мистера Хаккета, а тот вручил ей маленький свёрток.

– Возьмите. Мой брат сделал этот специально для Вас, – объявил он, – Всего лишь скромная награда за Ваш мужественный поступок.

– Но, мистер Хаккет... – и Нэнси в смущении развернула бумагу для записей – внутри оказалась маленькая серебряная медаль, на которой было выбито её имя и дата «19 октября» с одной стороны, и надпись «За мужество!» на другой. Бумага же была исписана рукой мистера Баррета: «Няне Маклин с наилучшими пожеланиями от палаты №7, в память о её мужественном поступке, когда она в одиночку справилась с больным, страдающим белой горячкой!» Нэнси смутилась, но, поблагодарив мистера Хаккета, спрятала медаль в карман.

Утром, во время обхода Нэнси помогала старшей медсестре, замещающей сестру Эванс.

Они совершали обход, сопровождая божественно-обворожительного хирурга, и Нэнси почувствовала, как увлажнились её ладони, а во рту пересохло от страха и волнения.

Стоило ей лишь взглянуть на доктора Стемплтона, как её пульс учащался. Доктор был уже не молод, русые волосы его уже начинали редеть, обнажая макушку, но сам он, приятно сложенный, широкоплечий, в белом халате, держался чинно и благородно, а его слово было законом, перед которым преклонялись студенты-медики и все медсестры.

– Няня, к обходу готовы? – донёсся голос старшей медсестры.

Её бюст сильно выдавался под накрахмаленной форменной блузой, придавая всей фигуре вид шхуны с поднятыми парусами, наполненными ветром.

(У молоденьких нянечек сложилась теория, совершенно необоснованная научно, что эти «излишества» разрастаются из-за «возбуждений» – неопределённых, но сопутствующих её любовным похождениям в молодости.)

Доктор Стемплтон и старшая медсестра вошли в палату. Агнесса плелась позади.

– Ну, Джон, как твоя нога? – спросил мистер Стемплтон, остановившись у постели мистера Хаккета.

– Нормально. Я здесь долго не задержусь.

– Ну, что ж. Давай посмотрим. И его длинные чувственные пальцы ловко начали снимать повязку с ноги больного.

– Повязка наложена превосходно, – одобрил он, разворачивая аккуратно сложенные бинты,

– Чьё было дежурство? У Нэнси перехватило дыхание. – Няня! – звонко позвала старшая медсестра.

– Ма – аё, доктор Стемплтон!

– Хорошая работа, няня!

– Благодарю Вас, сэр! – и щеки Нэнси залились румянцем, а голубые глаза засияли светом обожания, но доктор даже не взглянул на неё – ему было не до благодарностей.

– Да. Славно поработали. Рана была сложной.

– Да, доктор, – вторила ему старшая медсестра.

Когда Нэнси шла отдыхать, у неё всё пело внутри, но сама она не посмела бы петь так, как её душа. Великий доктор Стемплтон похвалил её! (Ну, да, он похвалил её повязку!)

В тот вечер она долго не гасила свет, не давая уснуть Стэн, читая свою «библию» – так Стэн назвала зачитанное издание 1890 года «Современные методы сестринского дела».

В разделе «гигиена» она прочла? «Грудь и живот вытереть насухо и укрыть. Гениталии тщательно промыть и в недоступных местах. В большинстве случаев больные способны на это сами с некоторой помощью сиделки.

Беспомощные или бессознательные пациенты не должны оставаться запущенными из-за ложного стыда. Кожа в этих частях тела наиболее подвержена воспалению из-за естественной секреции, если её тщательно не вымыть». С матерью Нэнси случился бы обморок! Ложного

стыда у миссис Маклин было хоть отбавляй: когда-то она так подготовила Агнессу к предстоящей менструации, что та паниковала два дня.

Пока школьная подружка не просветила её.

– «Переворачивание на спину, профилактика и лечение пролежней...» – прочитала девушка.

– Ради Бога, Маклин! Ты можешь не так громко!..

– Ой, прости! – Нэнси прочла «про себя», шевеля губами, чтобы запомнить незнакомые слова, – «После промывания спины, ягодицы и точки наложения шва промыть спиртом и высушить тальком. Из-за массы тела бока наиболее подвержены появлению пролежней от сырости, складок и крошек в постельном белье. Бельё нужно менять чаще и следить за местами испражнений при пользовании больничным судном...»

– Крошки... – чуть громче повторила Нэнси.

– Что? – не поняла Стэн.

– Крошки в постели – причина пролежней. Представляешь, что было бы со старшей медсестрой, если бы она обнаружила хоть одну крошку в постели пациента?..

– С трудом!.. Она пришла бы в ужас!

– Послушай: «С первых дней учащиеся должны быть внимательны и прилежны в работе... Никаких разговоров на личные темы в палатах быть не должно. Нельзя повышать голос, делать резкие движения...»

– ...и читать в вслух постели после рабочего дня! Гаси лампу и давай спать!

Нэнси так и сделала, убрав заветную книгу под матрац.

Но сон не шёл к ней. Ей не давал покоя внезапно нахлынувший образ доктора Стемплтона. Сначала ей представилось, будто она спасла его, задержав скачущую прямо на него обезумевшую лошадь под уздцы, а доктор горячо благодарил её, склонив перед ней большую русую голову и поцеловав её руку...

В другом видении Нэнси загородила собой дорогу этой лошади и, раненая, была доставлена к этому доктору на операцию. Давая понять, что совершила это ради него, что обречена томиться его безразличием. А он вдруг раскается и совершит подвиг, удачно завершив операцию. И тогда, тогда... сон сморил её окончательно.

Глава третья

В июне 1911 года Нэнси и Стэн получили дипломы медицинских сестёр. Вместе с дипломами каждой из них вручили по пурпурному эмалевому знаку Мальтийского креста.

Весь их выпуск сфотографировался вместе, облачившись в свои бледно-голубые униформы с застёжками по краям, но без белых передников и надоевших всем высоких голубых вельветовых шапочек и голубых пелеринок – завершающей детали костюмов.

Нэнси радовалась, что скучное время обучения и стажировки уже позади, но одновременно её охватила и глубокая грусть о том, что она никогда больше не увидит доктора Стемплона, даже в качестве его пациентки. Она слишком хорошо себя чувствовала.

Нэнси была уверена, что никогда никого так больше не полюбит, а чувство сохранит, чтоб посвятить свою жизнь облегчению человеческих страданий, заботам о больных. Её не привлекали ни акушерство, ни педиатрия, хотя Стэн уже оформилась на полугодичную практику в роддом имени королевы Виктории.

Нэнси же хотелось попрактиковать в самых разных районах и условиях.

Застав как-то Стэн в маленьком кафе за лимонадным коктейлем, Нэнси озарилась восторженной идеей. Она уже успела ознакомиться с изложением отчёта главы пресвитерианской церкви Джона Флайна об оправлении миссии на верблюдах.

В отчёте говорилось о плане строительства аделаидской миссии, об открытии первых жилых помещений в необжитых районах Австралии, туда-то и требовались медсёстры. И Алекс решила подать туда заявление.

Стэн закончила практику в роддоме и получила соответствующую аттестацию – можно было поехать вместе.

– Как твои пациенты? – спросила Нэнси, присаживаясь рядом и заказав себе напиток.

– Так себе... Наверное, долго там не задержусь. Да и мой старик...

– Вот и отлично!

– Маклин! Что ты задумала?!. Мне становится не по себе, когда твои глаза так блестят!..

– Но... Но послушай, Честер, есть великолепное место для двух медсестёр с проживанием, на самом севере штата Южная Австралия.

Помнишь, я рассказывала тебе об аделаидской миссии? И она с жаром принялась расписывать всю прелесть необжитых районов, где им придётся практиковать одним, за четыреста миль от докторов.

– Я уже подала заявление. Ты тоже можешь. В этот малонаселённый район требуются две медсестры. И это за Херготт Спрингс, конечная станция железной дороги, что тянется до Уднатты. Будто специально для нас.

Но Стэн язвительно возразила:

– Ты уговариваешь меня покинуть насиженное местечко в крупном городе ради центральной части с её песчаными бурями да ради сопливых детишек аборигенов?!. Ты сошла с ума!

И всё же Нэнси уверяла, что Стэн ещё будет благодарить её.

И через неделю от Стэн пришёл ответ: «Свобода! Объявила своему старому скряге, он, конечно, поворчал, и, по-моему, для виду. Так что в течение месяца я готова уехать.»

Нэнси практиковала в стоматологической клинике, где тоже кое-чему научилась.

Чем выше будет их квалификация, тем скорее их возьмут. В течение трёх недель происходило собеседование с главой пресвитерианской церкви, и он обрисовал им всю страшную картину борьбы с ожидаемыми трудностями:

– В Херготт Спрингс лишь гостиница да магазин. А ещё там есть минеральные источники. Ну и конечно, железнодорожная станция.

Поселковый загон, через который прогоняют скот по пути в Бёрдсвилль. Вот и вся цивилизация. Действительно, гиблое место...

Заметив в глазах Нэнси вспыхнувшую заинтересованность, он пронзительно глянул на неё, нахмутив пепельные брови:

– Надеюсь, для вас это не просто романтическое приключение, – сказал он, – Там тяжёлая и механическая рутина в трудных условиях...

– Не беспокойтесь, это как раз то, что нам нужно!..

– Ого! Ну, что ж, добро! Билеты получите через месяц, но, боюсь, что лишь II класса... Вы назначаетесь на два года, потом вас сменят... Ну, вот, пожалуй, и всё...

Он пожал им руки, и его сдержанное лицо наконец-то озарила улыбка:

– Вы – отчаянные девчонки! Хотел бы я, что бы вы преуспели в качестве медицинских сестёр аделаидской миссии. Работы там и в самом деле много...

На обратном пути Нэнси будто летела по тротуару. Их приняли на работу!

Они отправятся на север по сказочной железной дороге на небольшом паровозе. Это дорогу назвали афганской в честь тех афганских караванов, что везли первопроходцев – строителей этой железной дороги – дополнительной ветки огромной железнодорожной австралийской магистрали Оверланд Телеграф, протянувшейся с севера страны до города Дарвин.

Вот и они отправятся вслед за первооткрывателями, увлечённые северным простором громадных голубых сияющих озёр, которые, пересыхая, превращаются в глиняные котлы, наполненные солью.

Нэнси не терпелось оглушить этой новостью свою маменьку.

– Ты уезжаешь так далеко, на север?! В буш?.. – расплакалась Августина, услышав о назначении Агнессы,

– Молодая девушка, одна, без соответствующего сопровождения!..

– Не одна, маменька. Моя подруга Черстертон тоже едет.

– Ну, две молодые девушки, и что?! Даже представить себе не могу ничего подобного!

– Маменька! Мне двадцать два года. Я – медицинская сестра. И больше не дитя.

– Нет, и тебе следовало бы подумать о замужестве, – не унималась миссис Маклин, – Тебя скоро сочтут старой девой!.. Мы с отцом давно мечтаем о внуках, а ты!..

– Я не намерена выходить замуж, пока не увижу заповедный уголок Австралии и не попробую себя в качестве медсестры там, где я нужнее. Было бы глупо, выйти замуж, зря проучившись три года.

– Я всего этого не вынесу! – И всё же у нас разные взгляды на жизнь, не так ли?

– Ох, Агнесса, ты невозможна! – в отчаянии мать перевела своё негодование на кофточку из тафты.

Сидя в своей спальне, окна которой выходили на восточную часть пригорода, плотно укрытую грядой австралийских холмов, известных, как подножие, но возвышающихся меньше, чем в самом городе.

Нэнси достала из ящика свою «заслуженную» медаль.

У девушки не было серебряной цепочки, на которой её можно было носить, да и не ловко было. Куда её деть? Выбрасывать всё же не хотелось.

Нэнси взглянула в окно на пологие склоны, ещё зелёные благодаря последним зимним дождям, на овец, пасущихся небольшими стадами близ крохотных террас и разбредшихся вокруг холмов. Снова взглянув на «памятку» от мистера

Хаккета, девушка бережно завернула её и спрятала в карман юбки:

– Маменька, я пойду пройду! – крикнула она.

– Далеко? Может зайдёшь в магазин на углу за...

– Нет. Только прогуляюсь. Слишком уж хорош полдень.

Их улица упиралась в пустые, никем не занятые лужайки. Подойдя к склонам, Нэнси бодро зашагала вдоль них, ориентируясь на соседний холм. Чтобы мелкий сор не прилипал к её длинной добротной габардиновой юбке, она приподняла подол, оголив лодыжки.

Нэнси не хотелось оглядываться, однако ж краем глаза она замечала гладкие равнины пригорода. Хотелось забраться повыше и осмотреться.

Внезапно поднялся сильный ветер, вырывая из-под ног гладкую траву. Нэнси поднималась по одному из склонов Осмондского холма и теперь до вершины оставалось примерно восемьсот футов.

Кое-где из серых скал торчали поросшие лишайником и травой каменные глыбы. Тяжёлое высохшее пастбище уплывало из-под ног. Нэнси отвернулась от ветра и перевела дыхание.

Скрытые холмами аделаидские равнины простирались теперь перед ней вплоть до синеватой на западе линии залива, задымлённой портовыми трубами. Некоторые из представших взору крыш домов обнажали свою ветхость.

Однако стоило преодолеть ещё милю.

С запада солнце закрывали тучи, но один луч всё же пробился сквозь них, окрасив траву в изумрудный цвет.

С суеверным страхом Нэнси взглянула на этот снизошедший луч. Здесь она и решила дать клятву Господу о посвящении своей жизни человеческим страданиям. Девушка принялась взбираться по серым камням и глине навстречу ветру, сокрушая и сваливая всё на своём пути.

Вынув медаль из кармана, Нэнси выкопала для неё ямку, устроив над ней шотландскую пирамидку, вроде памятника.

Преклонив колени на вырванный дёрн и воздев руки к небу, Нэнси произнесла клятву:

– Господи! – молила она, – Научи меня самопожертвованию, смирению и подари мне исцеляющую силу. Обещаю, где бы я ни была, я буду молиться... Аминь.

И, будто в ответ, в небе сверкнула молния, озарив свежий холмик, и сверкнул гром.

Но поблекнувший золотой луч переместился в другую часть неба, образовав среди туч крохотное голубое озерцо. Едва порывы ветра начали стихать,

Нэнси прислушалась к меланхолическому «бе-э-э» идущей по склону овечки. С волнением сбегая с холма вниз, девушка ускорила шаг. Раскинув руки, будто в полёте, в духовном порыве она узрела весь залитый солнцем путь и смело съехала вниз. У деревца внизу она перевела дыхание и отряхнулась.

Тут она обнаружила, что порвала один из хлопковых чёрных чулок о куст чертополоха – ничего себе! – хорошо, что незаметно, когда прикроешь юбкой.

Проголодавшись, Нэнси вернулась домой, порозовев от волнения, чувствуя, что подступила к важной миле в своей жизни. Августина Маклин сердито взглянула на дочь:

– Где это ты валялась, Агнесса? У тебя какой-то сор в волосах!.. – и мрачно добавила, – Отец ждёт тебя в библиотеке...

Библиотекой она называла кабинет, в котором майор штудировал счета и долевыe расценки на муку.

– Итак, барышня, – галантно встретил он Агнессу, явившуюся к нему переодетой в поплиновую юбку и белую блузу с высоким воротничком, – Х—хм, – откашлялся он, размышляя и растягивая время, – Маменька говорит, что ты собралась на медицинскую практику в дикий район...

– Отец, я...

– Выслушай меня, пожалуйста... Дело серьёзное... Я-то намеревался вывести тебя в свет, как только откроется бальный сезон, или как маменька сочтёт необходимым...

– А как быть с тем, что мне необходимо?.. я выросла, и сама могу решать это. Отец, я уже сталкивалась с реальностью, с жизнью и смертью, с людьми «социально незащищёнными», и мне бы хотелось...

– Но Агнесса, матери всё это не по нутру. И я боюсь за её здоровье...

– О матери не беспокойся. Она вынослива. А я – в неё. Как нас не ломай, не гни – всё равно не сломимся. Нэнси знала, что отца не беспокоили никакие расходы на балы, ради счастья супруги.

– Понимаешь, отец, эта медицинская практика, как ты её называешь, и есть моя жизнь, и я хочу её прожить.

– Надеюсь ни в каком-то далёком северном посёлке. Кажется, придётся поскучать по нашей дочке, – и он взглянул так жалобно, что Нэнси подскочила к нему с поцелуем, – Ну, что ж, по крайней мере, это в Южной Австралии!

«Да, то ли ещё будет!» – подумала Нэнси. Рыжий центр, пустыня Никогда, которую они пересекут, вдаль за таинственную голубую гладь северных просторов, откуда летом приходит обжигающий воздух, окутанный пыльным рыжим туманом бесконечной тверди.

Нэнси дожидаться не могла, когда увидит всё сама.

Глава четвёртая

Небольшой поезд следовал к северу по бесплодной степи. По краям путей пробивалась трава, редко поливая грозowymi дождями и потому прибитая книзу. Бесконечно мелькали белые вершины гор.

Соседка девушек по купе сошла со своей койки и, потирая глаза, заглянула в окно, растормошила волосы и застыла в изумлении:

– Боже! Вы только взгляните! Разве можно представить подобное?! – обратилась она к ним.

– Вот это простор, правда? – поддержала беседу Нэнси.

– Это чёртова пустыня никак не кончается!.. Скорей бы уж проехать!

– Боюсь, не получится. Разве тебя не предупреждали в аделаидском агентстве?

– Что-то вроде говорили. Обычная работа кухарки в гостинце, в ничем не привлекательном месте. Где-то на севере. Херготт Спрингс. Звучит неплохо. По крайней мере, раз источники, значит – оазис. Хотя о жаре тоже говорили. Нэнси и Стэн переглянулись:

– А тебя не предупреждали, что источники горячие? – спросила Стэн.

– Что?

– Это артезианская скважина, и вода в ней горячая, потому что кипит. Её нельзя пить.

– А вокруг посёлка – горная степь и бескрайние пески, – добавила Нэнси, – Может, и найдётся пара деревьев, да и то вряд ли. Разве что, вековые пальмы, но, знаешь, они так же редки здесь, как и оазисы.

– Боже! Что же мне делать?

На станцию Херготт Спрингс они прибыли поздним утром через двое суток.

Рыжеволосая кухарка пришла в ужас, взглянув в окно. Она молча созерцала тучу пыли.

Прибывших вышел встречать радушный плотный человек, хотя и с морщинистым (в редкие минуты радости) лицом:

– Вы – новые медсёстры? – спросил он, – Мне доложили, что вы прибудете нынешним поездом. И пригнал для вас двуколку. Я – местный констебль, Роберт Макдональд, – и он приветствовал обеих медсестёр крепким рукопожатием. – Это ваши вещи?

Девушки подтвердили, а их соседка-кухарка, сидевшая поодаль, рассматривала группу аборигенов, встречавших поезд.

– Ах, да, они ожидали поезд с другой стороны, сейчас подойдут сюда, – кивнул ей Роберт Макдональд.

Констебль вёз медсестёр вдоль того, что здесь считалось главной и единственной улицей, пыльно и столь широкой, что всю её загородили два домашних козла.

Они подъехали к двухэтажному с балконами по кругу зданию гостиницы, коло которой стояли четыре верблюда, запряжённые в двуколку, и, сомлев, дремала посиневшая от пыли собака.

Двуколку полисмена вели два обученных верблюда.

Нэнси и Стэн с сомнением посматривали на этих гигантских творений природы, сосредоточенно жующих жвачку и свысока посматривавших на седоков. Один их верблюдов пронзительно вскрикнул, обнажив большие жёлтые зубы. Нэнси испугалась.

– Не бойтесь, – смеясь, успокоил её констебль Макдональд, – Я привык ездить на верблюдах и неплохо лажу с ними.

Да и сам констебль был громадного роста. «Примерно шесть футов и два дюйма, – смекнула в уме Нэнси, – Дюжину глыб одной левой сдвинет!»

Силу его воли можно было угадать по тёмным бровям, соединяющимся на лбу.

– Время от времени я даю верблюдам приманку, – пояснил он, – Но много им вредно.

– А они точно не кусаются?

– Обычно, нет. Но лучше подходить к верблюду, спрятав руки за спину, а ещё лучше, позволить «поцеловать» себя в щёчку или хотя бы пофыркать в ухо.

Тут один из верблюдов, стоящих рядом, повернулся к Нэнси, разинул рот, обнажив жёлтые зубы и издал жалобный звук.

– Нет уж, спасибо, – заторопилась от него Нэнси.

Роберт Макдональд почтительно подал руку. Его сразили васильковые глаза девушки и её мягкие каштановые локоны, кокетливо выглядывавшие из-под её широкого капюшона.

К сожалению её серое дорожное платье слегка помялось в дороге.

Стэн же всегда одевалась скромно, а её серые глазки, прикрытые светлыми ресницами, и здоровый румянец на щеках излучали стойкое равнодушие ко всем новым лицам.

Нэнси же на фоне здешних грубоватых мест выглядела стройней и свежее. Да и белых женщин здесь было немного – худощавая крепкая жена почтальона, с прямыми как солома волосами да семидесятилетняя хозяйка магазина миссис Томпсон, на которую не стоило любоваться днём.

Нэнси и Стэн огляделись.

Тут и там вокруг дома вопреки нехватке воды пытался расти чахлый кустарник да дикорастущие деревья с запылёнными кронами слабо затеняли постройку от палящего солнца.

– Чем-то напоминает сад! – прокомментировала Стэн.

Но выглядел он всё же диковато. Большая часть окон в домах выходила прямо на железную дорогу, ничем не загороженную – всё обглодали козы. Констебль объяснил, что артезианская вода, поступающая в посёлок из источников, в полумиле отсюда, для питья не годится – её используют для полива.

– Здесь она не такая горячая, не то что в самой впадине, но для полива огорода лучше брать воду из бака. Если сможете, – добавил он.

Макдональд остановил верблюдов напротив здания общины.

Это было старинное сооружение из местных пород дерева, перестроенное специально для медсестёр.

В нём было две больничные палаты, спальня для медсестёр, аптека и большая кухня.

Крышу, похоже недавно покрыли железом – она так блестела на солнце, что было больно смотреть, центральный фасад открывала веранда, защищённая сеткой от мошкеры.

– У – ду! – скомандовал Макдональд верблюдам, – Вершигора, Великан! Стойте! – и когда те остановились, помог девушкам сойти на землю, – Верблюдам пора отдохнуть – всю ночь работали, – кивнул он в сторону животных, а те, невозмутимо глядя на него продолжали жевать. – Сейчас перенесу ваши вещи и затоплю камин в кухне, – бросил Роберт и в мгновение ока подхватил и огромный чемодан, и корзину.

Нэнси и Стэн молча оглядывались.

Ни травки, ни кустика вокруг – лишь бумажные обрывки на рыжем запылённом заборе. Издали виднелась полоса дороги, а за ней – рельсы железнодорожной станции. Здесь они будут жить.

Первой пришла в себя Стэн. Обнаружив погреб, полный снеди: жареное мясо, козьё молоко, яйца, хлеб домашней выпечки – всё это местные жители заготовили для новых медсестёр.

На кухне помещались л; дники, в которых можно было и воду охлаждать. А один из них Стэн приспособила для вентиляции, пристроив между ячейками л; дника поднос с водой так, чтобы испаряющаяся влага охлаждала воздух.

Кухонный шкаф был также забит до отказа – в нём были: чай, кофе, сахар, мука. И ящик с дровами был полон. К своему сожалению, Роберт Макдональд не смог остаться с ним на чай.

И они прошли в свою комнату и уселись на подготовленные для них мягкие кресла с маленькими цветастыми подушечками. За всё это они торжественно выпили по чашке чая с козьим молоком.

– За нас! – подняла чашку Стэн

– За нас! – ответила Нэнси.

Несколько дней подряд местные жители стекались «поприветствовать» новых медсестёр. Жена почтальона, миссис Симпсон принесла им к полднику свежее испечённый шоколадный торт.

Хозяин гостиницы преподнёс им корзину бутылок с лимонадом. Остальные то и дело приглашали их на чай и не нарадовались, что именно здесь теперь есть медсёстры – больше не надо ездить за двести миль в Порт Августу.

Нэнси и Стэн распределили между собой обязанности – первые две недели Нэнси дежурила по больнице, а Стэн – по кухне, после чего обе менялись дежурствами. Так было удобней.

Первым несчастным случаем в их практике была сильно прокушенная верблюдом рука. Пострадал подручный дровосека, Роб, с которым тот вместе уходил в глубь зарослей местной акации, так как ближний пролесок был начисто обглодан козами и вырублен. Здесь и за десять миль вокруг шныряли лишь козы да верблюды. И не было ничего кроме песка, пыли и птичьего помёта.

Верблюжьи поводыя, продававшиеся в местных магазинах, быстро приходили в негодность, и бывалые погонщики использовали поводыя своих предков, а младшие отправлялись за ними в посёлки покрупнее и крупные южные города. Страшно повреждённая рука парня начала гноиться. Стэн промыла и обработала рану, наложила компресс из свежего хлеба, что привозили в поезде с пометкой «яд».

– Только не трогай хлеба из нашего пайка! – предупредила Нэнси, – Не забывай, что этот на неделю!

– По-моему, в забегаловке можно одолжить. Уж у кухарки-то, точно, – и Стэн ловко отжала промытый в воде компресс, так что даже хлеб в нём стал сухим.

Теперь она успокаивала этого испуганного худенького загорелого паренька (впрочем, сложно было понять, был ли он загорелым, или родился с цветом кожи метиса – спросить об этом она сочла неловким):

– Как совсем остынет, так и наложу компресс, чтобы не обжечь. Но может быть горячо. Скажи, если что. Тот вздрогнул, но храбро вытерпел всю перевязку с наложением промасленных тряпок и мягких бинтов.

Бэн – так звали дровосека – ждал парня в двуколке, запряжённой четырьмя верблюдами.

– Рой может оставаться дома, – предупредила Стэн Бэна, – Но пусть каждый день приходит на перевязку. Больная рука должна оставаться без движения. Хорошо, что она левая. Я подвязала её ремнём.

– Глупый телёнок! Ведь говорил же: «Не давай руки – не лошадь!..» – верблюды не поняли, испугались и...

– Наверное, на месте верблюда я бы тоже испугалась, – пошутила Стэн.

Роб смущённо улыбнулся ей и поблагодарил, как мог. Оказалось, что у него нет никого в Херготт Спрингс, но он устроился в гостинице. На север он прибыл в поисках приключений и заработка. Но скопить денег так и не удалось – все ушли на гостиницу. Но кормили там хорошо.

– А кухарка неплохо устроилась, правда? – заключила Нэнси, услышав всё это в пересказе Стэн, – кто бы мог подумать? Надо будет зайти к ней в воскресенье.

– Да. Могу поспорить, жаркое там будет даже в жару. И пудинг с пылу, с жару.

Так как пациентов больше не было, можно было сменить рабочую одежду на выходную.

Нэнси, переделалась в светлое муслиновое платье, а Стэн – в шёлковую юбку и белую гофрированную блузку.

Добираясь до гостиницы, девушки изрядно вспотели и запылились – такой старой была трасса Оверланд Телеграф.

– Два жарких из баранины с овощами! – покрикивала мулатка в кухонное окошко.

Удерживая подносы в обеих руках, она толкнула бедром шатающуюся дверь.

Официантка поставила на стол перед сёстрами две запотевшие тарелки с мясом и поджаренной отварной картошкой с подливой.

– Интересно, откуда эта баранина, и как её хранили всю неделю? – засомневалась Нэнси,

– Вроде, овец здесь нет, – но едва попробовав мясо, Стэн озарилась догадкой, – Это – жареная козлятина, но похоже на слегка провяленную баранину!

– Десерт будете? – спросила официантка с другого конца зала.

– Ах, да, пожалуй!

– Обе?

– Да.

– Два пудинга! – крикнула она уже в окошко и вскоре вернулась с двумя белыми чашками, наполненными золотистым пудингом с кремом.

– Что я говорила! – победно заключила Стэн – Даже самые обычные блюда английской кухни никогда не бывают ниже средней температуры!

– А в кухне-то поди какая жара рядом с печкой! После ужина они встретились с кухаркой, находя теперь её работу не такой уж и лёгкой.

В столовой было полно народу, в том числе их новый знакомый Роб, и констебль (без жены, значит, холост!) Джек с улыбкой кивнул им, когда они входили, и теперь подошёл к их столику:

– Ничего, если я выпью с вами чаю? Не часто доводится в обществе дам.

– Да, пожалуйста!

– Какие проблемы?!

Он скинул свою широкополую шляпу рядом со стулом и сел. Чай завершил обед, как ночь завершает день.

В ожидании чая они разговорились. Разговор был пустячным. Смуглое, добродушное лицо констебля не располагало к сплетням.

Стэн лишь поинтересовалась:

– В посёлке мы почти не видели аборигенов, зато их было полно на железнодорожной станции, когда мы прибыли.

– Чёрные живут за железной дорогой. Такой порядок завели афганцы.

– Афганцы?

– Да. Путешественники на верблюдах. Среди них были исследователи вроде Маккинли и Ларри Веллса, были и торговцы и потомки торговцев, некоторые и сейчас владеют магазинчиками вдоль Стрзелецкой трассы до Иннамики.

– Мы не видели ни тех, ни других.

– Если пожелаете, я познакомлю вас с Ахмедом Али. Он, конечно, мусульманин, и у них пятница вроде воскресенья. Но в целом народ законопослушный. Проблем с ними никаких.

– А что аборигены?

– Занимаются скотоводством. Временами пьянствуют. Порой агрессивны и способны на убийство. Если белый принесёт в одиночный лагерь ром, то могут убить собрата в пьяной схватке. Сам раскрывал подобные преступления.

– А как далеко Вы совершаете обход? – поинтересовалась Нэнси.

– С юга от Флайнерс Роджерс до севера Диамантины, перегороженной в восточной части.

Мой участок занимает около четырёх тысяч квадратных миль, – и он засмеялся, обнажив ряд зубов, – Каждые два месяца со мной служат местные.

– С той станции, откуда мы приехали на верблюдах?

– Да. Здесь хорошо путешествовать и кататься на верблюдах. Верблюды неприхотливы – пройдут и в буше, и между деревьями, везде, где лошадь умерла бы с голоду, особенно в то время, когда растёт трава кенгуру.

Он ещё долго развлекал девушек рассказами о своих наблюдениях, о погибших в пустыне, которых, к сожалению, не всегда удавалось разыскать.

– Вам, как медсёстрам, это должно быть интересно, – прибавил он, серьёзно нахмутив брови, – От погибшего в пустыне уже через несколько недель остаются чистый высохший скелет с редкими кусками мяса. Жуткое зрелище!

– Могу представить! – и, взглянув на Стэн, Нэнси, отодвинула тарелку с пудингом, – Но надеюсь, Вы избавите нас от этих мерзких подробностей, особенно если учесть, что мы съели сухую козлятину!

– Чёрт меня подери! Прошу прощения, леди! Я забылся. Эта тема не для послеобеденного разговора.

– Всё в порядке, констебль. Вы открыли нам много нового, – успокоила его Стэн, – Мы убедились, насколько опасна эта местность.

– И всё же гостеприимна. За что и люблю ей. Когда подрубаешь деревья на холмах, невозможно не остановиться, чтобы узреть, какой широкий горизонт открывается в пустыне – уезжать не хочется! Разве что в Иннамикку, до невысыхающего русла Купера.

– А мы ещё ничего не видели. Только из окна поезда...

– И источников?! Я свожу вас туда после полудня, когда будет чуть прохладней.

«А без формы он интересней, – подумала Стэн, разглядывая его обнажённые из-под закатанных рукавов рубашки цвета хаки загорелые руки. А когда тот улыбался, его серо-зелёные глаза тонули во множестве морщинок, ... Уже не молод. За тридцать или около сорока. Трудно сказать – здесь кожа стареет рано.»

– Ну, что, идём?

Они встали из-за стола и направились к выходу, но Нэнси, вернувшись за его шляпой:

– Прошу прощения, – старалась не засмеяться она, но лукавые голубые глаза выдавали её, – А как же Ваша большая шляпа?

– Не беспокойтесь, – галантно отозвался Макдональд – Теперь она мне вдвое дороже, – и он полушутливо нахлобучил её.

Широкая пыльная улица жила своей жизнью.

По одной стороне передвигались лошади, по другой – располагалась железная дорога, будто танцует танец аборигенов вилли-вилли, и каждый плыл в своём направлении по пыльной мостовой под ослепительно голубым небом.

Отсюда отдалённые горные вершины выглядели особенно красиво, омываемые небесной лазурью, как морской водой.

Казалось, скала разделилась на трое и превратилась за горизонтом в три высокие башни, меняющие форму.

– Мираж, – пояснил констебль, – Первым исследователям казалось, что озёра Торренс и Фром полны воды, и потому их нанесли на карту голубым цветом.

Макдональд позвал девушек дальше и повёл к источникам. Вода из них скапливалась в небольшие лунки, образуя год за годом тёмные наросты вокруг.

Здесь с помощью ветряных мельниц вода подавалась в посёлок скотоводам и путешественникам.

Стэн забралась на круглый выступ лунки и зачерпнула горсть прозрачной зеленоватой воды.

– Вполне приятно, если забыть о грязи вокруг сооружения, – выпитая вода показалась вкусной, – Ничего, если не принохиваться!

– Ну, в этом Вы заблуждаетесь. Скоро сами обнаружите.

– Она же не ядовита, раз годится для скота?!.

– Н-нет. До поры, до времени.

– Ой! Констебль подал ей руку, но Стэн прыгнула сама.

Итак они пересекли равнину и вышли на главную улицу, когда небо на западе уже озарилось румянцем. Этот закат был похож на морской – линия горизонта затерялась в ярких красках, а горы вдаль приняли очертания кораблей.

Однако к юго-западу от Виллоран Рэндж открывался другой вид – лучи заходящего солнца окрасили местность в ярко-розовый и алый цвета.

На востоке уже взошёл золотой диск луны. Солнце уже постепенно зашло, и небо из розового и золотистого приобрело чистый холодный зеленоватый оттенок.

И, наконец, тьма накрыла посёлок своим вечным как мир плащом.

– Я никогда не видела такой луны! – восхитилась Нэнси, – Такая полная, чистая и золотая! Вот бы подлететь и коснуться её!

– Да, все по достоинству оценивают здешнее полнолуние. А в холодные ночи луна приобретает даже рыжевато-песчаный оттенок. Но подождите, ещё чуть-чуть стемнеет, и Вам откроется такое звёздное небо, какого Вы не видели нигде и никогда! Один Млечный путь чего стоит!

– Взамен прочих неудобств, да?.. Должно быть тяжеловато из-за жары, пыли, уединения?..

– Мне по душе уединение! – усмехнулся Роберт Макдональд.

Глава пятая

Почту в Бёрдсвилль и из Бёрдсвилля отправляли, как и во всём Квинсленде, на разного рода лошадиных упряжках.

Четвёрка обученных лошадей тащила королевскую почту через пески и высохшие равнины, а сбоку бежала запасная.

Так бывало и во время засухи, и во время наводнений. С подручным метисом Волт Кромби правил всю дорогу, указывая повороты. В обычных условиях они преодолевали до пятидесяти миль в день и достигали Бёрдсвилля за неделю. Порой они не останавливались ни днём, ни ночью, чтобы не опоздать.

Роберт Макдональд зашел в общину, сказать им, что собирается с одним из его чернокожих проводников на поиски путника пропавшего без вести на Бёрдсвилльской трассе.

– Он выехал примерно недели три назад поездом, – сказал Констебль Макдональд, – И я предупредил его о долгих безводных путях.

Даже зимой, воздух столь сух, и солнце так горячо, что обезвоживание начинается очень быстро. Он не послушался меня.

Волтер Кромби подобрал его, довёз до Копераманны и советовал возвращаться в Спрингс. С тех пор его больше не видели. На обратном пути в Бёрдсвилль почтальон заметил, что следы незнакомца свернули с Трассы и достиг высохшего русла Купера. Волт следовал по ним, как мог, но следы терялись, не оставляя никаких признаков человека. Едва вернувшись домой, Волт поднял тревогу.

Прошла почти неделя, и сильные ветры за прошлые два дня, вероятно, смели все следы.

Констебль Макдональд и проводник Ларри выезжали теперь на поиски на двух верблюдах. Легкомысленно, успокоившись лишь предстоящей констеблю опасностью, Нэнси, положила руку на его загорелое плечо. Она всё сильнее привязывалась к этому крупному полицейскому, часто помогавшему им с Стэн по мелочам, так что обе называли его просто РОбертом.

– Будьте осторожны! – она сказала. – Наверное, опасно уходить с Трассы пустынную сторону дюны, да?

– Не очень, с двумя верблюдами. Один повезёт на своём горбу снаряжение, другой – запас воды.

Верблюд здесь отлично заменяет лошадь. Нэнси, хотела сказать ему что-то доброе, но не успела, так как Роберт обратился к ней первым:

– Всю дорогу буду вспоминать Вас! – и он пожал её ладошку своей широкой сильной рукой. Нэнси, смущённо убрала свою руку, чтобы прикрыть внезапно вспыхнувший румянец. На прощанье Роберт пронзительным взглядом зелёных глаз.

Потом молча надел шляпу, хлопнул по ней и вышел.

В отсутствии констебля Макдональда прибыл стокман со станции Этадунна, что в ста милях от Бёрдсвилльской трассы.

Там обгорела из-за неосторожного обращения с огнём дочка управляющего Пола Смита, а обезумевшая от горя мать не знала, чем её можно помочь. Стэн была занята в общине – принимала роды у юной аборигенки, которой едва исполнилось пятнадцать.

Так что Нэнси, пришлось отправиться на вызов одной вместе с отъезжавшим в этот момент почтальоном. С собой она взяла всё необходимое: дезинфицирующие и болеутоляющие мази, мягкие бинты – но как она поняла со слов стокмена, ситуация была почти безнадежной из-за сильных ожогов, и девочку следовало бы отвезти в аделаидскую больницу, но для перевозки возможности не было.

Проезжая по каменистой степи, они остановились на отдых, где-то вдали виднелись редкие серо-серебристые крошечные хохолки зарослей солончака. Выглядели они совсем чух-

лыми – высохший солончак из последних сил впитывал влагу из воздуха, слабо надеясь на осадки.

Удачно приспособился!

Несмотря на жуткие обстоятельства путешествия Нэнси, чувствовала себя первооткрывателем, выехавшим из города по легендарной Бёрдсвилльской трассе.

До конца пути было меньше сотни миль. Но по дороге через каменистую пустыню и песчаные барханы её приятно поразило простое и оригинальное сочетание природных красок: побледневшую от зноя землю едва заметно оттеняли редкие поросли и ярко-голубой мираж бездонного озера, возникавший на фоне розовато-рыжих холмов.

Казалось, в этих миражных красках отражается небо.

Однако пески были реальными и создавали впечатление островков-оазисов, несущих влажную прохладу в пустыню. Потом вдруг картина резко менялась, нарушая обманчивый покой.

Без сомнений, то была страна иллюзий.

Уже вечерело, когда они добрались до реки Клайтон, преодолев безграничную изменчивую равнину, где большая пойма не давала разрастаться зарослям, и вдоль горизонта всё вокруг на шестьдесят градусов загораживал лес – настоящие живые деревья.

Ныне русло реки было пересохшим и заполнялось из артезианской скважины само собой, и, казалось, пересохло всё вокруг. С каждого дерева слетали розовогрудые какаду, белые попугаи с жёлто-зелёными клювами нарушали тишину своими криками, всюду сновали зяблики. Стаи попугайчиков в высоте, напоминавших издали зелёных рыбок, заполняли всю округу звонким щебетом. Птиц здесь было не меряно – голуби и дикие утки, плачущие ржанки, ибисы и белые цапли. Во время стоянки, пока лошади отдыхали, а чай только закипал, Нэнси, прошлась вокруг.

После мёртвой пустыни это место казалось полным жизни, дышащим легко, свободно, было звонким и весёлым. Зной, высохшая кора ясеня, на которой был подан кусок солёной говядины, крепкий сладкий чай – всё это были атрибуты незабываемой в жизни Нэнси трапезы. Ей даже захотелось прожить всю жизнь в этом лагере, чтобы вставать и ложиться с пением птиц, но почта обязана идти по назначению, да и ей следует спешить к пациентке.

Нэнси, с Волтом уже преодолели большую часть пути – и в всё на Мёрвине.

Медленно передвигаясь под неспешные разговоры, мулат – помощник почтальона, бережно хранил почтовую сумку. Алекс разбудил крик Волта:

– Дулканинна! Лошадям нужен отдых. Они к тому же прихрамывают – так что, остановимся здесь на ночлег. Шмотки вынести или в бричке будете спать?

– Не беспокойтесь. У меня с собой тёплое пальто.

Волт верхом на Мёрвине удручённо посмотрел вниз, и по его взгляду Нэнси, прочла: «С женщинами одни проблемы!»

– Можете взять одно из моих одеял и выкопать возле огня ямку. Так будет удобнее.

Нэнси, протестовала, но, в конце концов, согласилась.

Всё равно в такую ночь, озарённую взошедшей в десять вечера яркой луной, не уснуть. Но усталость взяла своё, и Нэнси, стало клонить в сон. Она уже вошла во вкус походной жизни в необжитых районах, где вокруг никого, и только динго воют от голода. Крик потерявшегося в этих зарослях мог показаться лишь эхом.

Дальше начинался крутой спуск, такой, что повозка могла разбиться. Это-то и было опасным, по словам Волта, самым худшим с самого начала подъёма.

Вершина располагалась в продолжительной стоянке, если бы не движение песка.

В самом деле, начиналась песчаная буря, и путешествие продолжать было невозможно.

– Хотя в песчаных дюнах всегда теплится жизнь, даже в пустых на вид. На другой раз Вас приятно удивит растительность, особенно цветы, растущие прямо из песка.

– Представляю, каково им. После дождя, конечно, барханы напоминают сад: алая паракелия, жёлтые маргаритки, множество малиновых бутончиков пустынного горошка... Но за последнюю засуху, что я застала здесь, был набег саранчи, и ничего не осталось.

– Точно. А кролики завершили дело. Конечно, ещё велика вероятность пожара, особенно когда выгоняют овец, а тогда, где-то в 1900 году кролики пошли на юг.

Правительство распорядилось о заграждении от них на тысячи миль, но это их не остановило: они либо перепрыгивали ограды, либо прорывали под ними норы. И всё пожирала.

Волт сравнивал кроликов с чумой. Эти твари подкапывали корни солончака и голубых кустарников, поглощали всю траву, ни оставляя на песке ни росточка, так что пески начинали дрейфовать. Кролики поглощали даже молодые побеги малги, а также кору молодых железных деревьев и хвойных кустарников.

– Но засуха закаляет, – добавил Волт, – кролики дышат, причинив вред.

Нэнси, наблюдала за другим барханом из рыжего песка.

Как Волт и предупреждал, здесь были и изящные цветы, и крохотные кустарники, и несколько огромных деревьев казаурины, и посеребрённый солончак, который девушка даже попыталась откусить, чтобы попробовать на вкус.

Она когда-то поднималась на корабле напротив этой вершины только за тысячу футов или выше, но на вид оттуда земля казалась пустой и вымершей.

На мягком песке также можно было заметить следы ящериц и крохотных сумчатых мышей – тех, кто живёт в норках весь день, а по ночам выходят на охоту.

В Блайзес-Вел не было воды, сточные воды здесь не удерживались, горячий ветер обжигал глиняные стоки между барханами, засыпая скелеты животных, погибших во время засухи. Место дышало погибелью, и Нэнси, обрадовалась, что они не остановились здесь, повернув к заливу Кануваулкинны, где пробивался родник, в котром они смогли напоить лошадей.

Внезапно трасса стала снижаться; за горизонтом показались зелёные насаждения залива; стайки крошечных изумрудно-зелёных попугайчиков порхали в воздухе, и зелень вокруг радовала глаз.

– Мы подъехали к станции Этадунна, – пояснил Волт, – Но путь ещё не окончен, здесь нет заграждения, и станция простирается на тысячи квадратных миль.

Нэнси, предложила остановиться на ланч здесь.

Её разбудил лай собак, уставившихся на неё. Вокруг было скопление заброшенных хлевов и загонов для овец, существовавших здесь с первых переселенцев из Германии.

Теперь скотина разбрелась от загона до загона. И только изгородь, не считая лошадиных пастбищ, оставалась единственной постройкой во всей округе; по другую сторону изгороди простирался зелёный сад с задержавшейся в росте вековой пальмой и естественными цветами.

Как только бричка остановилась, Мёрвин выпустил Нэнси, и та была поражена открывшемся ей видом. Нэнси, молилась лишь о том, чтобы успеть вовремя.

Сердце её сжалось при виде лица матери, поражённой горем, и её натужный измождённый от быстрого бега голос. Та как будто только что встала. едва собрав тёмные волосы в пучок на затылке:

– Сестра! Слава Богу! – схватила Нэнси за руку миссис Смит, – Слава Богу, Вы добрались невредимой!

– Сколько... Вашей девочке?

– Моей Мэри всего четыре...

Волт выгрузил почту и поклажу Нэнси, попросил стакан свежей воды, и отправился в обратный путь.

Он останавливался, только вымыть руки.

А Нэнси, подошла к детской кровати и склонилась над маленькой пациенткой, что была на грани жизни и смерти.

Глава шестая

Далеко от Бёрдсвилльской трассы предстояла борьба со смертью среди зыбучих песков и колдобин у русел водоворотов к северо-востоку от Каппераманны.

Как только двое мужчин обнаружили, что Волт Кромби пересёк пустыню, Ларри разгрузил верблюда с головы до пят и провёл его за удила по кругу.

Роберт Макдональд проверил, не осталось ли за трактором ещё путников. И тут к нему бросился Ларри с распостёртыми объятиями:

– Босс! Это Вы?! – срезав путь, он опустил глаза, утапывая бледный отпечаток следа на земле боком эластичного ботинка.

В былые времена он проходил сквозь песчаные бури и каменные заносы, сбиваясь с дороги, кругами, пока в очередной раз не побеждал их. Он не расставался с красным головным убором полицейского надзирателя с тех пор, как у него конфисковали форменную одежду.

А ночь указала на еле заметный путь вдоль высохшего русла Купера. По крайней мере, кругами ходить не пришлось.

Для Ларри снова «засияла Пикканинна», и он ринулся, как гончая, взявшая след. Для настоящего походного костра дров не было, но Ларри раздул тлеющие угли в крошечном костерке.

Должно быть, они продвинулись на пятьдесят миль, то и дело петляя, пока уставший Ларри не пересел на верблюда. Оттуда было видно дальше и отчётливо просматривались дорожные ориентиры.

– Отдохнуть бы верблуду, – заявил наконец Ларри.

Пути приняли прежнее направление. Они пересекли широкую (?заросшую) степь, где Роберт Макдональд не обнаружил ни одного ориентира, кроме ярко-очерченных силуэтов гор на фоне горизонта, подёрнутых нежно-розовой дымкой.

Трасса сворачивала в сторону высохшего русла Купера. Здесь Ларри изрёк:

– Тут точно крышка! Похоже, бегал-бегал в поисках воды...

– Но, по-видимому, пока не сдаётся. Если бы Купер разлился, всю трассу бы затопил.

Они шли по высохшей песчаной косе, усеянной скелетами высохших деревьев.

Здесь он попытался голыми руками докопаться до воды, но вода находилась случайно, безо всяких признаков. Он скинул рубаху и уже начал пошатываться. Наконец дошли и до места, где он выбросил свой бурдюк.

– Теперь точно – крышка! – заключил Ларри.

И на целых два дня он неожиданно опустил голову и заплакал.

В его распахнутых глазах призраками отражались мёртвые деревья.

Присев на берегу высохшего русла, путник обхватил голову руками. Заслышав неясный крик, он сдавил свои рыдания.

Язык его распух и потемнел, губы потрескались, но он был жив.

Благодаря смекалке и упорству Ларри.

Когда путнику сунули в рот влажную тряпку, он стал постепенно приходить в себя.

Так его и погрузили на верблюда Ларри, чтобы продолжить дальний путь через Копераманну до Дулканинны к Херготт Спрингс.

А маленькая девочка лежала в лихорадке с широко открытыми глазами. Её тельце горело с головы до ног.

– Мэри, слышишь? Пришла медсестра, чтобы помочь тебе!

На обожжённом лице едва зашевелились глаза.

– Я пробовала разрезать на ней одежду, – объяснила мать, – Но она так кричала, что я не посмела. Только смазала её оливковым маслом.

– Значит, напугана, – и Нэнси, открыла свой чемоданчик, – Сейчас введу ей дозу морфия, чтобы она не чувствовала боли. Я только чуть-чуть уколою тебя, Мэри, – обратилась она к девочке, – и ты уснёшь!

Когда же глазки девочки закрылись, а дыхание стало ровнее, Нэнси, разрежала на ней обугленную одежду и промыла раны холодной водой.

Зная о болезненных последствиях ожогов, а их было не два и не три, учитывая обстоятельства, да ещё испуг ребёнка и повреждение почек представляло большую опасность.

Нэнси, бережно смыла остатки одежды, снимая их с кусками кожи. А когда тельце девочки стало чистым, промыла его тёплым раствором борной кислоты.

– Наверное, одеть её не получится, – пробормотала она, – Раны слишком глубоки, ей будет больно менять одежду. Лучше оставить их открытыми.

Нэнси беседовала сама с собой, будто с матерью Мэри.

Она посыпала ожоги стерильной цинковой пудрой и огородила колыбельку простынями, оберегая ранки от малейшего прикосновения.

– Новую дозу морфия я не могу ей дать, – пояснила она, когда девочка, проснувшись, начала ворочаться, – А Вам стоит отдохнуть. За последнее время Вы не сомкнули глаз. Если не отдохнёте, Вас тоже придётся лечить.

Миссис Смит слабо улыбнулась:

– Да нет. Скоро подойдёт муж, и поможет, если надо. У меня была возможность передохнуть. Пойду что-нибудь приготовлю и заварю чай. Вы и сами, наверное, утомились.

– Нет, я в порядке.

Когда Нэнси, приводила себя в чувство за чашкой чая на веранде, показался мистер Смит, одолжив лошадь у чернокожего стокмена, чтобы быстрее доехать:

– Сестра! Как хорошо, что Вы здесь! – и он сжал руку Нэнси, едва та встала с плетёного кресла, – Жена с Мэри?

– Нет. Я уговорила её прилечь. Мэри ещё не совсем оправилась после инъекции морфия. За ней присматривает одна из чернокожих служанок.

– Боже! Всё это ужасно! Это произошло в одно мгновение, едва девочка пробежала под лампой, керосин пролился ей на платье, и она сама вспыхнула факелом... – губы отца дрогнули.

Мистер Смит был невысоким, крепким, коренным бушменом с бронзовым загаром лица и лучистыми морщинками вокруг глаз.

– Как она, сестра? Говорите всю правду!

– В общем... не очень. Её бы в больницу положить. Есть опасность осложнения, которое в домашних условиях не вылечишь.

Лишь на счастливый случай надеяться не стоит...

– Конечно, нет. Пойду, взгляну на неё... Можно?

– Пока нет. Я сама пойду к Мэри.

Пол Смит бросил взгляд на открытую дверь веранды, где рядом с колыбелькой его дочери висел чемоданчик медсестры.

– Потом я научу Вас промывать и обрабатывать раны. А сейчас Вы, наверное, устали.

– Может, миссис Смит так думает, но это не так. Поездка не была утомительной, и у меня была возможность отдохнуть – утро было прохладным. Умывался я холодной водой да и запасы её пополнил. И он отвернулся, слегка подёргивая плечами.

– Мистер Смит, по крайней мере, первый кризис миновал. А значит, есть надежда...

– Да-да... Мне надо увидеться с женой.

Нэнси, в это время ушла в отведённую ей комнату, чтобы ополоснуться в тазу и переодеться в свежую форму.

Остальные дети – русая девочка лет шести и маленький мальчик – заглянули в распахнутую дверь, но тут же убежали, едва Нэнси, попыталась заговорить с ними. Как дикари из буша.

А на другой день у Мэри поднялась температура. Она чувствовала неуполимую жажду, но почти не пила – плохой знак!

Рядом со станцией росло лимонное дерево, с которого Нэнси, сорвала несколько плодов и выжала из них сок на веранде.

У Мэри разболелась обожжённая спина, на которой она лежала.

– По-моему, я смогу погрузить её, – рассуждала Нэнси, – Есть небольшая ванночка, куда бы она поместилась?

Хорошо, что сегодня тепло. Девочке нельзя переохладиться. Надо приготовить чуть тёплую ванну.

И Нэнси приготовила содовую ванну и, продезинфицировав присыпкой раны малышки, она опустила её в ванночку, придерживая за голову.

– Вода не пропустит воздух на раны, – пояснила она матери, успокаивающей дочку.

Мэри слабо заплакала, но выпила немного молока и съела жидкой каши, которую дала ей мать.

На третий день ожоги приобрели угрожающие формы.

Мэри перенесли в колыбельку, обработав раны раствором пикриновой кислоты. Но температура её тела не спадала. На четвёртый день она подскочила до 104° F. Девочка лежала в полузабытии. А Нэнси была в отчаянии.

На лицо все симптомы почечной недостаточности: слабое мочеиспускание и вместе с тем сильная жажда и рвота.

Нэнси дала Мэри успокоительного и попыталась напоить её лимонным соком, но девочка тут же срыгнула его...

Нэнси едва не заснула, сидя в кресле у кровати, но встрепенулась на окрик миссис Смит:

– Сестра! Сестра! Она без сознания!

Маленькая Мэри Смит впала в последнюю кому...

Её похоронили под песчаным холмиком за домом, где уже покоился её младший братик, умерший при рождении.

Пока Нэнси ухаживала за малышкой, почта уже вернулась из Херготт Спрингс и отправлялась на север. Можно было спокойно возвращаться в общину по Бёрдсвилльской трассе.

Нэнси беспокоилась, как там справляется Стэн в одиночку, но по женской солидарности сопереживала и миссис Смит, замкнутой здесь в одиночестве со своей семьёй и темнокожей прислугой – мать была безутешна из-за смерти дочери.

Нэнси дала её успокоительного и уложила спать, а перед тем, как уехать, сходила с ней к свежей могилке, где уже росли несколько петуний; поначалу ей не хотелось этого видеть.

Нэнси было не по себе от убитого горем материнского взгляда. Маленькая жизнь теперь покоилась под холмиком даже меньше её земного роста.

Нэнси оцепенела. Хотя ей уже приходилось ухаживать за подобными пациентами, но в этом последнем случае человек и жизни-то ещё не видел – девочку так и не удалось спасти.

Может, Мэри умерла без сильных болей. Но почему невинное существо вообще должно страдать?.. Как Бог допускает такое?!

Ещё во время стажировки Нэнси с трудом давалась работа в детских палатах.

Сейчас она сидела на задней веранде, мысли её путались, и тут она встрепенулась.

Вдали ей послышался звон верблюжьего колокольчика... Мигом пробежав через зелёный сад, Нэнси оказалась перед верблюжьей упряжкой.

У ворот прохаживался Роберт Макдональд, дожидая Ларри.

– О, Роберт! – подскочила к нему Нэнси и в мгновение ока уже прятала усталое лицо в его сильных объятиях, – О, Роберт! – только и повторяла она, сильно сконфузившись и боясь расплакаться.

– Ну-ну, – успокаивал её Роберт Макдональд.

– Не удалось спасти! Я сделала всё, что смогла!..

– Ну-ну, да, я слышал от стокмена... Насколько я понял, положение было безнадёжным. Я могу помочь с формальностями. До Херготт Спрингс подбросить не могу, но скоро придёт почта.

– О-О, Роберт! – она опять не смогла вымолвить ничего больше, но на миг встрепенулась, – А как тот путник?

– Жив и вне опасности. Его довели на верблюде Ларри. Сейчас он в порядке, но потом хорошо бы Вам осмотреть его. Его губы так потрескались...

– Обязательно. О, Роберт, как приятно видеть Вас невредимым!

На мгновение он взглянул на неё так нежно, что та, смутившись, выскользнула из его объятий:

– Простите, обычно я не плачу, это от последних переживаний...

Спасённый путник, ещё ослабленный, сидел на веранде, а Нэнси смазывала успокаивающим кремом его потрескавшиеся губы и обожжённые участки тела.

Замутнённый взгляд его был устремлён далеко за трассу, а сам он при этом размышлял о том, что Купер недалеко, и он мог бы проплыть по течению.

Пол Смит недоверием покачивал головой, поглядывая сквозь ветви:

– Купер в сорока милях отсюда. Если плыть по течению до пересохшей Иннамикки.

– Хорошо иметь такого проводника, как мой Ларри, – заявил констебль.

Когда они уехали, Нэнси немного поболтала с местными управляющими:

– Боюсь, что миссис Смит ещё долго не утешится, – начала она, – Вы ведь не оставите её?..

– Конечно, ещё до начала осмотра. Такова здесь женская доля. Божья воля, сестра!..

– Буду рада, если смогу хоть чем-то помочь!

Подъехавшему из Бёрдсвилля Волту Кромби уже была известна печальная новость. Ещё на трассе он узнал о ней в общих чертах по «телеграфу буша».

Он вёз священника на могилку аж из Аделаиды, за пять тысяч миль отсюда.

Вернувшись в общину, Нэнси обнаружила, что соскучилась по ней за эти дни и тогда же следующим поездом с юга вернулся констебль.

– Другие люди могли бы потерять свои жизни, присматривая за вами, – сказал он, – Не забывайте, что вступили на тернистый путь. Здесь суровые условия.

– Я поняла, что Вам с Ларри я обязана жизнью, сударь. Такие жизненные уроки не забываются. Я пронесу его и на побережье.

Стэн очень обрадовалась возвращению Нэнси. У неё за это время не было особых случаев. Лишь последние два дня юная аборигенка была на грани смерти из-за родовых схваток.

– В былые времена её бы не спасли. Местные женщины редко болеют, но если это случается, то... К примеру, при деформации таза обычно умирают. И что характерно, это не влияет на последующую репродукцию.

– А ребёнок?..

– Родился мёртвым. Пуговина обвилась вокруг шеи.

– Это отразится на её последующей беременности?

- Не должно. Несчастное стечение обстоятельств. Жалко, что тебя не было рядом!*
- Да, у меня там тоже дела не важные.*
- Не вини себя, Нэнси, ситуация была почти безнадежной. По крайней мере, ты облегчила страдания ребёнка.*
- Да... Хорошо, если так... – ей всё ещё казалось, что девочку можно было спасти.*

Глава седьмая

Нэнси прошла до склада небольшой огороженной постройки на обочине дороги.

Миссис Эдисон, невысокая седая женщина, в рабочем фартуке поверх хлопкового платья, тепло приняла её.

Она казалась добродушной, а её грубоватый, каркающий тембр голоса будто осип от пыли.

Здание склада было достаточно прочным. Чего здесь только не продавалось: подковы и сёдла, обувь и верблюжьи колокольчики, синие шерстяные одеяла и парусиновые бурдюки, громадные простыни и походные печки, узкогорлые фляги, глиняные кружки, жаровни для изготовления походных лепёшек, жестяные миски, складные ножи, ножи для резки мяса, ведра...

Миссис Эдисон была идеальным снабженцем. У неё в продаже были светлые хлопковые платья для поселковых аборигенок, а также брюки для верховой езды, леггинсы, военные штаны и шляпы, мужские резиновые сапоги, но, главное, сюда поставляли товары для лошадей подчас лучшие, чем для людей.

Посуда громоздилась на полу и на полках за прилавком.

– Так чему могу помочь? – тепло приветствовала из-за прилавка миссис Эдисон, – Я уже слышала о вашем прибытии, но всё никак не навещу вас. Могу поспорить, все в посёлке просто в восторге от новых медсестёр.

– Да, нас многие навещали, и все с добрыми пожеланиями. У Вас продаются открытки? – спросила Нэнси у миссис Эдисон.

– Ага. Где-то были, – и миссис Эдисон порылась в выцветшем мешке поодаль и вернулась с четырьмя видами открыток: изображения главной улицы и верблюдов.

– Да... неплохое отражение здешних мест... – и Нэнси выглянула из дверного проёма на пустынную улицу, где лишь дремлющая в пыли собака подтверждала наличие жизни, – Наверное, когда начнётся посевная, будет оживлённее?..

– Может быть. А ещё когда начинается отбор верблюдов на шерсть – оживлённее места не сыщешь. – А давно Вы здесь?

– Около пяти лет. Раньше мы с моим держали лавку у Бёрдсвилльской трассы. Там не было никого, кроме наездников на верблюдах и афганских торговцев, да почтальон проезжал дважды за вечер. Всё это вынудило нас уехать. Не то что раньше, когда здесь всё было не так.

– В посёлке не так много женщин вроде Вас? Жена почтальона и кухарка тоже из Аделаиды прибыли.

– Ага. Не выносят здешнего климата, – презрительно бросила миссис Эдисон, – кому же понравится старый холодный юг, влажный от дождей или мокрого снега с дождём, а я всё переносу. Ночами здесь нулевой холод, да и зимы довольно суровые, а уж солнце как припечёт. Так припечёт.

Задумавшись, она умолкла.

Нэнси купила у неё мыла, сухого молока и маслобойку. Иногда им давали свежее козье молоко, но снабжение было ненадёжным.

Аборигенки выпускали своих коз с колокольчиками на шее на пастбище туда, где росло хоть что-то, пусть сухое и малосъедобное, чего им недоставало до сумерек, приходилось оставлять их пастись до утра на обглоданных равнинах из-за высохшего вымени.

– Аборигенки бывают выгодными покупательницами, когда берут помногу шоколада. – Со сладкой водой?

– Нет, с мылом. Как говорить, все покупки разом и на все случаи жизни. Мужчины никогда ничего не покупают. Разница между мужчинами и женщинами далеко не в цвете кожи.

– Да, похоже, Вы правы. Разница далеко не просто биологическая... Просто противоположности миров.

В ответ миссис Эдисон разразилась кашлем.

– Вы как-то боретесь со своим кашлем? – спросила Нэнси.

– А что с ним, сестра?

– Похож на хронический... Может, из-за суровой зимы.

– Меня это уж и не беспокоит. Привыкла.

Когда Нэнси возвращалась назад, обнаружила, что Бэн и юный Роб принесли им целую поленицу дров совершенно бесплатно. Рука Роба начала значительно поправляться, и он больше не нуждался в помощи.

– В посёлке все так добры, – приговаривала Нэнси, отбирая сухие дрова для кухни.

– Куда лучше, – отозвалась Стэн, – как тебе миссис Эдисон?

– Вот камень! У неё такой жуткий кашель курильщика, а её это, похоже, несколько не беспокоит. На днях она зайдёт к тебе.

– И тогда мы увидим её с другой стороны.

– Мы и с афганцами ещё не так знакомы. Помнишь, Роберт представил нам Ахмеда Али?

На другой день три верблюда, не щадя своих натруженных горбов, пересекли железно-дорожный путь.

Они несли керосинку и волнисто-железные от черноты горбы, что считалось у афганцев «другой стороной», а проще востоком.

Горбы выглядели облезлыми, кроме тех участков кожи, где детишки не успели отхватить играючи клоч шерсти.

Афганцы, чьи имена часто заканчивались на «хан», в основном прибывали с Северной Индии или из Афганистана и приживались не хуже аборигенов. Они разукрашивали свои дома в голубые или белые оттенки, безжалостно сдирая прежние краски.

Один из них, по словам Роберта Макдональда женился на аборигенке, некоторые женились на белых.

Существовала и школа для их детей, где малышей обучали Корану по канонам Ислама. Ахмед в молодости славился как заводчик верблюдов и путешественник-исследователь.

Как только они прошли к дому через пыльный двор, девушки расступились.

На крыльце были свалены груды окровавленных потрохов, а на полу виднелись следы крови. Роберта Макдональда позвала к двери изящная молоденькая красавица с тёмными раскосыми глазами восточной принцессы.

Она также позвала и своего отца Ахмеда Али, необычайно высокого и загорелого, в широких белых штанах европейского покроя и в сером шёлковом тюрбане на голове.

Лицо его украшала борода, чудесно отливающая серебром и сильно выступающий нос.

Он улыбнулся вошедшим, сделав гостеприимный жест. Девушка мягко скрылась из виду.

– Ну, Ахмед, вот новые сёстры из аделаидской миссии. Как попадёшь в больницу, познакомишься с ними поближе!

– Ни за что не попаду! – дважды пригрозил кулаком Ахмед двум своим симпатичным дочерям.

Старшая помогала разносить кофе в изящных металлических кувшинах, разливая его для гостей в хрупкие пиалы.

Обе сестры сами кофе не пили, а встали поодаль.

– Моих дочерей зовут Заира и Шебиб, – представил их Ахмед Али, – Эти имена дала им их мать, да упокоит аллах её душу.

И афганец с важностью стал показывать гостям свои сокровища, в числе которых было сапфировое кольцо, сделанное из найденного им же самим материала.

Провожать гостей он тоже вышел сам.

По ту сторону ограды был вырыт канал, в пойме инкрустированный минералами, а по краям росли две многолетние пальмы.

И Ахмед не преминул дать сёстрам урок элементарной биологии:

– Вот это, – похлопал он по стволу первой пальмы, – Женская особь. А вот это, – он похлопал по стволу второй, – Мужская. Друг без друга они не растут.

Он и ещё обещал им показать, когда деревья войдут в силу, но им необходима солевая подкормка.

– Когда-нибудь в Херготт Спрингс поднимется целая роща вековых пальм, – пообещал он, – А пока всё мертво.

Когда-нибудь здесь будет больше народу, не то, что сейчас. Верблюдов и то больше.

Юноши, и среди них мой сын, ушли... ушли на юг. А за кого здесь в посёлке мне выдавать своих дочерей?

Сын Ахмеда Али ушёл с верблюжьей упряжкой по Стрезелецкой трассе с припасами всякой всячины к отдалённым станциям.

Долго ещё стоял Ахмед под пальмами, погружённый в свои мрачные раздумья, и его тюрбан издали казался высоким, когда девушки уходили.

– В общем-то, он прав, – кивнул Макдональд, – Здесь некому жениться на них. Местные женятся на белых, и редко выбирают женщину другой расы... Разве что аборигены... Но Абдул считает их недостаточно цивилизованными. Вот проблема.

– Но девушки красивы, – вступилась Нэнси, – Жалко, что они не привыкли к большим городам, где в меньшей мере проявляются расистские принципы и где больше возможности встретить человека своей расы.

– У них нет матери, а без присмотра Ахмед Али их никуда не отпустит, и не выдаст за иноверца.

Стэн, подумав, предложила одной из девушек поработать с ними.

– Мы же и вдвоём справляемся, – недоумевала Нэнси, – И сама знаешь, как в больнице мало места.

Но Роберту Макдональду идея понравилась, и он пообещал поговорить с Ахмедом Али.

Девушкам неплохо бы поучиться самостоятельности. А распределение обязанностей можно назначить попеременно, чтобы каждая приходила в своё время.

На другой день пришёл невысокий бородатый бушмен, опираясь на костыли, вырезанные из мулги. Он обварил ноги, опрокинув горшок с кипятком, да так, что пришлось оттирать ботинки с кусками кожи.

– Если кончится септик, придётся отправлять его на поезде в Аделаиду, – сказала Нэнси, – Иначе ногу потеряет. А он из тех, кто скорее умрет, чем останется калекой.

Нэнси наложила ему компресс, предварительно промыв раны зеленоватой водой из скважины, содержащей в себе минеральные соли, чтобы смягчить кожу.

Стэн пыталась даже пить такую воду, но через пару дней вынуждена была бегать на двор.

Она и ржавую воду из подземной скважины пробовала, когда пересыхала дождевая вода, стекающая с крыши их домика.

Потом она наловчилась удобрять этой водой помидоры – теперь они уже начали краснеть, выдержав даже песчаную бурю пришедшую с северо-востока...

Огород будто миновали эти столбы песка и пыли. Хотя все всходы сжёг и иссушил на корню горячий ветер смешанный с пылью. Будто в соревнование с жестокими морозами юга.

Но на следующее утро часто всё успокаивалось.

Бледно-золотой рассвет озарял такое же бледное облачное небо.

Нэнси принялась очищать от пыли главный вход, а Стэн колдовала над высохшим огородом, потом, опираясь на метлу, любовалась на какаду.

Большая стая розово-голубых попугаев миновала провода железной дороги и уселась на них как на длинных жёрдочках.

Попугаи смешно кувыркались, держась за провода коготками или клювами, нарушая своей вознёй покой и уединённость этих мест, не прекращая щебетать ни на минуту.

– А ведь на юге их держат в клетках, – задумалась Нэнси, – И зачем их приручают?

Но птицы не обратили на неё никакого внимания, даже когда она подошла к ним по пыльной дороге.

А когда она развернулась, попугаи решили, что их хотят поймать и мигом перелетели на железнодорожный путь, пить скопившуюся в лунках росу.

Потом их бледно-серое пятно постепенно исчезло из виду. И тут проступила розоватая свежесть на фоне голубизны неба.

«Да, ради этого стоит жить!» – подумала Нэнси.

Глава восьмая

Несколько необычных пасмурных ночей (так и не принесших с собой дождя!) раскалили воздух. Духота продолжалась даже после заката. В женской палате томилась единственная пациентка.

Это была миссис Эдисон со склада. Она вполне пошла на поправку.

Сёстры поручили её Заире, которая за всю ночь не сомкнула глаз, ухаживая за ней. Заира, дочь Ахмеда, теперь числилась в штате, но её старшая сестра присматривала за ней и по наказу отца сопровождала по дороге.

Миссис Эдисон споткнулась о старую железяку во дворе и сломала кости на обеих ногах выше колен.

Перелом был закрытым и вскоре она уже могла ходить, опираясь на костыли.

Временами после тяжёлой жизни с небольшими просветами она баловалась сервированным дневным чаем и тем, что три дня подряд ей не пришлось готовить. Она понарасказывала им о складах в буше и забавного и не очень. Её покойный муж однажды помогал человеку, упавшему с лошади и сломавшему себе плечевую кость. Да так, что та даже выпирала. Он находился неподалёку от канала, что и помогло ему выжить, но когда он предстал перед миссис Эдисон, рука начала чернеть:

– Так и пришлось её ампутировать, – говорила она, – Прошла неделя, пока его не осмотрел доктор, а гангрена продолжалась.

А когда в посёлке появились движущиеся растения, и она была в панике.

– Сколько надо сил, – стонала она, – Особенно, когда дело касается работы, в которую вложил всё. Я смогу преступить к ней, сестра Стэн?

– Не раньше, чем через неделю. Мы сделали всё, чтобы кости начали срастаться, не стоит напрягать ноги, пользуясь костылями.

За помощью к ним обратился Сэм Мэнди, главный погонщик – у него слезились глаза.

Раздражение было вызвано горячим песком во время перегона скота в бурю.

Это был крепкий человек лет тридцати с тёмной шевелюрой, начинающий обрастать длинной бородой усами. Одет он был в длинные штаны, рубашку цвета хаки с закатанными рукавами и высокую габардиновую широкополую шляпу.

– Как будто проехался по маршруту «Квинсленд – ад», – бросил он, – Бедные насаждения, в начале их завезли на подошвах, как я понимаю, сначала один из них умер, потом другие оставили меня, поехав верхом назад. Я остался с подручным мальчиком аборигеном, который правил телегой. Один с целым стадом! А проходили мы всего по семь миль в день. Мэб промыла ему глаза тёплым раствором борной кислоты и предложила ему прилечь с холодными компрессами у глаз.

– Не могу, – отрезал Мэнди, – Надо гнать скотину к поезду.

А у Купера напоить перед отправкой всю тысячу голов. Стэн угостила его чаем и объяснила, что тёплым чаем также можно промывать глаза в дороге.

– Благодарю, Сестра! – и он ушёл, тряхнув на прощанье головой так, что пыль с его шляпы посыпалась на его тёмные волосы.

Скотина напилась у насыпи из родника, где вода подавалась через открытые желоба, двинулась дальше через двор железнодорожной станции.

До Нэнси и Стэн донеслось постепенно смолкающее мычанье тысяч звериных глоток, сопровождаемое щёлканьем кнутов и голосами погонщиков аборигенов.

Девушки вышли на веранду понаблюдать за ними:

– Это самый мужественный человек из всех, кого я знала, – сказала Стэн, глядя вслед Сэму.

– Безобразие! Долго вы ещё собираетесь держать меня здесь? – проворчала с кровати миссис Эдисон.

– Не беспокойтесь, дела не касаются Вашего склада, там всего лишь погонщик, миссис Эдисон.

Море тёмно-рыжих спин и лес рогов перетекло дорогу вблизи торгового двора.

Погонщик легонько направил свою лошадь, подгоняя стадо сзади с помощью хлыста и серой собаки. А его помощник Вилли подъезжал на каурой лошади с другой стороны, контролируя поворот: окрики погонщиков, щёлканье кнута и мычанье животных сливались в причудливую симфонию.

Завораживающее зрелище! Вагоны доставляли скот с юга в течение двух дней и уже к утру отправлялись в Порт-Августу или Аделаиду, где на лучших лужайках скотину откармливали хорошенько напоследок, перед тем, как она превратиться во вкусную говядину.

Когда стадо ушло дальше, погонщик заглянул в харчевню на кружечку пива. Его помощник абориген по местным законам не имел права употреблять алкоголь.

Он объезжал дворы Рэйли, пока хозяин «принимал» в гостинице.

Раньше Билли встречал его отборным куском мяса, припасённым на случай.

На другую ночь стояла такая жара, что сёстры оставили с вечера дверь распахнутой. А спать легли рано – около десяти.

Однако их разбудил страшный шум. Будто по всей округе простучало копытами целое стадо.

– Сестра! Сестра! Запричитала миссис Эдисон.

Неужели на их домик обрушилось стадо?..

Нэнси и Стэн накинули платки и взяли лампы.

В коридоре чувствовался зловещий дух.

Девушки проследовали за ним в кухню. И что же?..

Белая козочка, забравшись на стол, поела сладкий молочно-яичный крем прямо из-под прикрывавшей его сетки.

А другие две козочки проникли в женскую палату, грациозно передвигаясь среди коек.

– Уберите их отсюда! – причитала миссис Эдисон, отталкивая одну из коз ногой.

Но это было не так-то просто сделать.

Козы не сдались и через десять минут погони.

Стэн чуть не упала от смеха:

– Слыхала я про слона в посудной лавке, но про козу в больнице!..

– Про трёх коз! – поправила Нэнси.

– Я пошла за погонщиком. Пусть заберёт их, – и Стэн решительно натянув на себя платье, подхватила фонарь и направилась в гостиницу.

В баре гостиницы было светло; заглянув в окно, Стэн нашла там Сэма Мэнди за кружкой тёмного пива.

Независимо оглядев плотные ряды мужчин, девушка прошла в дверь и позвала мистера Рэйли.

Поскольку она была не в обычной форменной одежде, Рэйли не сразу узнал её.

– Сестра Честертон из общины, – представилась Стэн, – У нас... козий бунт! Никак не можем их прогнать! Они уже всё порушили... Вы нам не поможете?

– Конечно, сестра... Никогда не узнал бы Вас в простом наряде.

Оба рассмеялись, и Сэм Мэнди вышел из бара.

– Ага, по-моему в штатском, без формы медсестры Вам лучше, – улыбнулся Сэм, а Стэн взглянула рассерженно, – Зайдём по пути к Вилли с его хлыстом...

В общине всё ещё гостили козы, обгладывая по углам тонкие прутки.

– Предоставьте их нам, – заявил погонщик, щёлкнув хлыстом.

Но нужной реакции не последовало.

Через несколько минут они всё же поймали одну из коз при попытке к бегству и выдворили её. Оставшиеся две вольготно устроились в женской палате к наслаждению миссис Эдисон, которая просто тряслась от смеха:

– Зовите своих погонщиков! – не унималась она, – Не каждый справится с козой! Эх, если б я могла встать с постели!..

Сжав зубы, Мэнди напал на козу и промахнулся.

Тогда животные пустились бежать по коридору к задней двери. Та была закрыта. И в тесном пространстве двора коз схватили за шкурки и оттащили в сторону.

Пыхтя от запаха «козьего горошка», погонщики вернулись к заливающимся счастливым смехом Стэн и Нэнси.

– Простите, – промолвила Нэнси, – Вы проделали такую работу, чтобы поймать их!..

– Прямо, как в цирке! – добавила миссис Эдисон.

– Может, угостить вас чаем? – предложила Стэн, – Пива у нас, наверное, не найдётся.

Когда чай был готов, они уселись на одну из пустых коек в женской палате. Вилли был крайне застенчив и мало говорил, но всё же широко улыбался:

– Вот так-то хозяин! Я и то лучше коз загоняю! – говорил он.

Миссис Эдисон добавила в беседу свою «изюминку». Она призналась Стэн, что уже давно так не смеялась, когда та уже убирала на кухне чашки.

Миссис Эдисон сидела в ночной сорочке, её больная нога была подвешена.

– Так я никогда не усну. Может, дадите мне аспирина, сестра?

Стэн подала ей таблетку и стакан воды. Миссис Эдисон попыталась взять это в руки, но чуть не уронила. Но лекарство всё же приняла.

– Помогите, я подумала, что таблетка упадёт в бюро (ящик для писем).

Уже потом в кухне Стэн вымолвила:

– Конечно, я никогда не сталкивалась с подобным. А поначалу вообще не поняла, чего она хочет. Но готова была рассмеяться.

После случая с козами последовало приключение с верблюдом. Они в это время обедали в гостинице и встретились с рыжеволосой кухаркой.

Та заметно похудела и изменилась в лице, но уверяла, что ей работается «не так уж плохо», особенно по вечерам, когда остаются лишь несколько «постоянных посетителей»: два железнодорожника, подручный дровосека Роб, владелец гостиницы и бармен.

– Я пользуюсь успехом, – прибавила она, – Но вы не говорили мне, что здесь так холодно. Когда поднимается ветер, здорово холодает. Наверное, даже холоднее, чем в Лондоне.

Роберт Макдональд возвращавшийся со службы мимо питомника динго, подошёл к их столу и спросил, не хотят ли они попробовать покататься на верблюдах.

Нэнси взглянула испуганно, но Стэн тут же выпалила:

– Почему бы и нет?! Правда, Нэнси?

– Ну... да... – Конечно, хотим! А можно?

– Да хоть сейчас, если пожелаете!..

И он помог им забраться на Великана. Стэн – на сиденье, расположенное на горбу, а Нэнси – между двумя горбами, как на ослике.

Было не слишком страшно, пока верблюд сидел, согнув колени, но когда он резво вскочил на ноги, да так, что суставы хрустнули, было похоже, что они находятся в эпицентре землетрясения. Земля с высоты верблюжьего горба казалась далёкой.

Нэнси невольно смяла накидку от мух, которой она привязала к подбородку свою шляпку.

Констебль провёл их по кругу. Затем выхватил у Стэн поводья:

– Если хотите управлять им, – пояснил он, – скажите: «Ибна!» – он не понимает по-английски.

Хотя слово «Но!» Великан воспринял как собственную кличку и радостно пустился в галоп, высоко поднимая передние ноги и пританцовывая задними.

Сидеть в седле стало опасно. Роберт цеплялся за седло всякий раз, когда корабль пустыни шатался из стороны в сторону. Джек не сдерживал Великана, чуть не рассмеявшись над тем, как Стэн справлялась с уздой, продетой через ноздри животного. Сказать что-либо возможности не было, но Роберт крикнул сам:

– У-ду!

Верблюд остановился так же быстро, как и побежал. Издав утробный звук, он крепко плюнул.

– По-моему, – проговорила Нэнси, – Эта реакция на наше вождение!

Они попросили Роюерта проводить их назад, и он не отказал.

– Я бы, скорее, предпочла слона, – сказала Стэн, – У него спина пошире.

– И повыше. Подъехав к своей общине, девушки попытались скомандовать верблюду:

– Хуш-та! – все убедились, что Великан послушно присел на колени, согнув по себя задние ноги, и наклонился, как требовалось.

Стэн быстро соскочила с него, а Нэнси зацепилась в седле своей длинной поплиновой юбкой, потом с её ножек соскочили белые ботинки.

– Доверьтесь мне, – с этими словами Роберт Макдональд помог ей спуститься.

Испуганная Нэнси поблагодарила его и тут же убежала.

Нет, он не увидел ничего постыдного, но девушка остро ощутила трепет молодых мужских рук.

Несколько дней спустя констебля вызвали на участок близ озера Эйр – безлюдный район между западным берегом озера и железнодорожной станцией Удната.

Соглашение перешло черту, так как было возник крупный скандал в лагере дорожно-ремонтных рабочих и одного человека убили.

– Поездка не представляет сложностей, – пояснил Роберт, – в конце концов, я не смогу взять потерянное с железнодорожных путей на одной стороне и озеро на другой. Кстати, я, кажется, успеваю на завтрашний «афганец».

Девушки угостили его чаем в прохладной гостиной, обставленной плетёной мебелью с диванными подушечками.

Нэнси прикрыла куском ткани цвета морской волны, подаренной матерью на платье. (А Нэнси не любила шить и не нуждалась в новом платье!). Роберта рассмешила история с набегом коз.

– Жаль, меня не было. Надо было вызвать!.. Я бы их арестовал за хулиганство!

– А воровство?! Не забудьте про плюшку рисового пудинга!

Через несколько дней началась песчаная буря. Началась с обычных песчаных вихрей, потом небо на северо-востоке приобрело красновато-жёлтый оттенок, будто в буше начался пожар, но буш нельзя было разглядеть и за сотни миль.

За дверьми мельчайшие частички каждая отдельная песчинка колола тело и набивалась в уголки глаз. Лишь одно могло утешить путника во время песчаной бури: жадных мошек далеко отнесло ветром.

Совсем рядом появилось красновато-жёлтое облако, прикрывая солнце и отворачивая его от живительной лазури.

Так продолжалось двое суток, и за это время пришлось дважды в день зажигать фонари.

Песок с мусором пролетали сквозь москитную сетку, оседая на веранде, просочившись под дверь и даже приправляя собой кушанья.

Миссис Эдисон успела покинуть больницу, и больше пациентов, к счастью, не было. И Заира не приходила на работу.

Девушки сели, прислушиваясь к завыванию ветра сквозь железный настил крыши, удивляясь, как он до сих пор не рухнул.

По улице прокатилась пустая бочка для воды, громокая, как гигантский барабан.

– Надеюсь только, – заволновалась Нэнси, – Что Роберт поехал поездом.

В его открытой верблюжьей бричке как-то ненадёжно!

– Он не поедет в такую бурю. Там по дороге есть лагерь, где можно переждать.

При закрытых окнах было душно, а ветер дышал адской испариной.

Стэн попыталась открыть окно с подветренной стороны, но вихрь тучей пробился в комнату и стал оседать спонтанными барханчиками на линолеуме.

Рёв ветра сквозь не заклеенные должным образом окна переходил в дребезжащий визг, и было едва возможно сбросить на другую сторону, на улицу. Солнце не излучало света, такое бледное и прозрачное, будто дневная луна.

Нэнси посмотрела на главное окно и разразилась плачем:

– Главную ограду занесло! – вскрикнула она, увидев вместо неё гладкий рыжий бархан.

– А нам и ставить нечего!..

– В магазине приобретём. У миссис Эдисон чего только нет.

Когда ветер начал стихать. Они вышли наружу. Птицы умолкли, даже мошки ещё не вернулись.

Песчаные пригорки грудились напротив каждого заграждения. Даже собаки и козы не решались выглянуть на пустынную улицу.

– Ладно, не стоит плакать над пролитым молоком, – деловито заявила Стэн, – Хорошо бы всё это разгрести!

Даже занавески казались пропитанными мельчайшими украшениями пыли, и их требовалось выстирать.

Девушки вытрясали постельное бельё, занесённое пылью, зелёные накидки, и лишь тогда начали разгребать песок.

– Если бы Роберт был сейчас в посёлке, он бы помог нам, – приговаривала Стэн.

Они уселись друг напротив друга на кровати, подавленно созерцая занесённый песком пол:

– А как же Волт Кромби? Он поедет через Бёрдсвилль?

– Надеюсь, нет. И тут с веранды до них донеслось бодрое приветствие – прибыл Волт со старшим сыном:

– Мы привезли ко двору тачку и лопаты, – сказал он, – так что входные ворота отстоим! Эта работа не для женщин.

С признанием наблюдали сёстры, как мужчины копали песок, также как откапывают занесённые снегом жилища в холодных краях.

Кроме того, часть песка и пыли растекалась водой, стекаясь сквозь углубление в тачку, а песок был не белым, а рыжим.

Вопреки всему, Стэг принялась возделывать огород с новой силой.

– Я выращу всю рассаду в комнатных горшках, – не сдавалась она, – В огороде из семян её дождётсяя.

Глава девятая

У Заиры появился парень, абориген-полукровка. И теперь он поджидал её вечерами у больницы и провожал домой, так как в общине она не проживала.

Нэнси научилась у Заиры готовить приличный яичный пудинг, но студни и желе получались только зимой – в другое время здесь и не сделаешь.

Сёстры находили, что летом они даже термометры хранили в холодильнике или пациентам могло показаться, что записи температур ужасны. Обычно 110° F снаружи далеко за полдень.

Но в сухом чистом воздухе жара быстро спадала после заката солнца, и ночи обычно были холодными.

Заира надела вышитую блузку и белую хлопковую юбку, едва прикрывающую лодыжки, чтобы не мешала работать.

Она обычно дополняла наряды ярким изящным шарфиком, довольно скромным и привлекательным, но среди пыли и заносов ходила полусонной.

Вооружившись веником, она могла с застывшим взглядом устремиться в пустынную даль улицы, витая где-то далеко, что отражалось лишь в глубине её тёмных глаз.

– Грош цена твоим мыслям, Заира, – заметила ей галстучек и разглядывая круглое личико девушки и её мягонькие ладошки. – Они того не стоят.

– Больше всего желала бы родиться мальчиком. Мужчинам разрешено путешествовать и работать по-настоящему. Я бы не ограничилась Спрингсом.

– Может, ты выйдешь замуж и уедешь со своим мужем куда-нибудь.

Заира пожала плечами:

– Кому я нужна? Наши мужчины женятся на белых, но белые мужчины не берут в жёны таких, как мы. Разве что аборигены... Они ведь тоже цветные. Но тогда им придётся принять Ислам – в противном случае отец не благословит меня. Никогда.

Нэнси молчала, пока Заира не начала протирать пыль с мебели.

Обе знали, что всё сказанное – правда.

Но Ахмед бывал и в большом городе Мекке, не то что их посёлок Херготт Спрингс с низкими сараюшками, ему требовалось вкладывать деньги в путешествие его сына по необжитым районам на собственных верблюдах Ахмеда, гружённых различными товарами – индийским шёлком и хлопком, лучше которого не нашлось бы даже у миссис Эдисон, блузами и шарфиками, кухонной утварью – всё, что только можно было пересчитать и охватить взглядом одиноких белых женщин за сотни миль от ближайшего большого магазина.

Она решила уверенно внушить Ахмеду, когда увидит его снова, что на каникулы он может отправить дочь в Аделаиду.

Жалованье Заиры не тратилось – в городке много расходов не требовалось. На проживание бы скоро скопила.

Констебль Макдональд вернулся без заключённого. Он бы уехал на поезде после всего, но в пути до Уднаты его застала песчаная буря, и всю линию занесло песком, так что колёса забуксовали на повороте.

– Мы все вышли и взялись за лопаты, – рассказывал он Нэнси (Стэн находилась на кухне, помогая Заире с подносами), – И когда мы, наконец, освободились, на путях ещё оставался песок, в котором ещё буксовали колёса – хоть зубами цепляйся.

– А что с лагерем дорожных рабочих?

– Я не взял своего человека. Он надеялся успеть на поезд до Уднаты, и когда я телеграфировал, выяснилось, что он отправился на верблюде до Алис. Он мог пересечь край, так как

сбился с обычного пути. Но я телеграфировал констеблю в Алис Спрингс, чтобы арестовать его, окружив убийцу, как только он объявится. Если не погиб в пути.

Он говорил об этом так отчуждённо, что Нэнси пробила дрожь.

– Он ударил своего напарника лопатой по голове, – Может, для него лучше пропасть в пустыне, чем быть пойманным за убийство.

– Наверное... А Вы не останетесь на ланч? – как можно холоднее спросила его Нэнси.

– Нет, нет. Сейчас я загружен срочной бумажной работой. Но если не возражаете, я бы хотел увидеться с Вами вечером после заката.

– Пока что, мы не слишком заняты...

– Значит, жду вас через полчаса. У меня кое-что есть для одной из Вас. Потому я и не приглашаю сестру Стэн.

– Для одной меня?.. – заинтересованно спросила Нэнси, раздумывая, что же это он мог привезти из той мерзкой опустошающей поездки за озеро Эйр? Может, гладкие камушки или набор утвари? В высохших руслах находили рубины. – Эта вещь так тяжела, что у Вас нет её с собой?

– Напротив, легка, как пёрышко, – засмеялся Роберт, – Но хотелось бы вручить это Вам без свидетелей. Только Вам. Вечером увидите.

После раздачи пищи пациентам в полшестого вечера Нэнси умылась и переоделась в прохладную шёлковую бузу с юбкой.

Она предупредила Стэн, что пройдётся до полицейского участка, возьмёт кое-что и скоро вернётся.

Сердце её забило сильнее, когда она пересекала запылённую полосу, придерживая юбку, проходила она через барханы и высокие макушки пушистых кустиков.

Она находила Роберта Макдональда привлекательным и даже слегка заигрывала с ним, но теперь её что-то настораживало.

Что за подарок он ей приготовил? Неужели кольцо? От таких мыслей девушка смущалась ещё сильнее.

И разом начинала бранить себя за тщеславие.

Макдональду должно быть лет тридцать пять, и вряд ли он холост. К тому же, он ни разу не пытался поцеловать её.

От звука её каблучков звенел весь полицейский участок, и окружной констебль приоткрыл дверь, приветствуя её белозубой улыбкой на загорелом лице:

– Проходите, проходите! Я уж боялся, что вы не зайдёте.

– Я ненадолго. Скоро надо будет помогать Стэн раздать чай.

Тот провёл её в крошечный кабинет, бросил на стол свой отчёт и открыл его.

Потом подошёл к окну, из которого струился луч уходящего солнца и взял что-то цветное, сверкающее, как драгоценность... Пёрышко!

– Это Вам! – и он протянул ей пёрышко, – Это из хвоста какаду красно-чёрной расцветки. Я нашёл его в высохшем русле, поймав в вымершем буше.

– О-о! – Нэнси широко открыла рот от восхищения.

Пёрышко было будто разукрашено закатом: красный цвет оттенял рыжий, обрамляясь бледно-жёлтым и выброшено среди этого подобно полёту чернокрылой птицы в небе, колышущуюся косяками от чёрной до бурой окраски. А кончик был глянцевым, как чёрный агат.

– Роберт! Какая прелесть! Я видела таких какаду близ Этадунны, но ближе они не полетели. О-о! А их можно выследить?

– Конечно, может найду других где-то, я бы подарил Вам что-то, знаете.

– Я очень-очень Вам благодарна!

Он молча подошёл к ней ближе. Какой могучий человек! Хотя и сама она была не маленькой, а всё же чувствовала себя хрупкой и беззащитной рядом с ним.

– Я заслужил поцелуй?

– По-пожалуй...

В тот же миг он обрушился на неё, и земля ушла из под её ног. Раньше она пробовала целоваться на вечеринках со студентами-медиками и молодыми докторами, когда была чуть пьяной на вечеринках, но никогда её не целовали с такой силой.

Сердце Нэнси чуть не выскочило из груди, а сама она оставалась в кольце сильных объятий.

– Как давно я ждал этого! – вымолвил Роберт, – Даже, когда вы наступили на мою шляпу!

Нэнси затаила дыхание:

– Но мне пора. Ещё раз благодарю за пёрышко. Буду хранить его, как зеницу ока.

– Не уходите! Присядьте, пожалуйста, на минутку! Я хотел поговорить с Вами наедине, потому и просил зайти...

Солнце садилось, будто потушив свой огромный фонарь, внезапно исчезнув за линией горизонта. В кабинете наступил полумрак.

Набравшись храбрости от уходящего света, Роберт Макдональд начал:

– Знайте, Нэнси, я не целовал девушек открыто, пока всерьёз не увлеклся ими... И если вы согласитесь... Я был бы вознаграждён... если бы Вы стали моей женой!..

Взяв её ладошки своими огромными ладонями, он пристально заглянул её в глаза, но она прослезившись, отвернулась:

– Роберт, Вы же знаете, я отношусь к Вам, как к лучшему другу. Но я не люблю вас настолько, чтобы выйти за Вас замуж!..

– К несчастью, мои чувства более глубоки...

– О, Роберт! – «И это, кажется всё, что я смогу сказать ему», – мучительно думала Нэнси.

– Боюсь, мне будет трудно без Вас!

– Я думала... думала, что просто нравлюсь Вам... Да... и настолько, что мы стали добрыми друзьями. Но... но... я не ожидала разговоров ни о замужестве, не о помолвке. Я не настолько люблю Вас!..

Взглянув на сжатые им свои ладони, она перевела взгляд на его лицо, заметив, как сошёл его здоровый румянец, и переменилось настроение.

Глаза его были печальны, но чем она может привести его в чувство?..

Всё-таки нехорошо было бы обнадёживать его иллюзиями, зная, что её отношение к нему не изменится.

– Ну, как тебе сюрприз? Привёз тебе опал невероятных размеров? – спросила Стэн подругу по её возвращении.

Нэнси легонько помахала ей пёрышком какаду.

– Пёрышко! Какое прелестное! Однако ты не выглядишь счастливой. Ты разочарована?

– Ну что ты?!. Только, знаешь... Стэн, он сделал мне предложение...

– Святые Небеса! По-моему, он не слабо влип. И что же ты ответила?..

– Сказала, что не могу его принять.

– И как он это воспринял?

– Тяжело. Надеюсь, на нашей дружбе это не отразится.

– Ох, подружка!.. Ну, да твоя вина лишь в твоей привлекательности!

– Не только... Я слегка заигрывала с ним. Мне показалось, он не отличается от своих ровесников —мужчин здесь.

– Ох, Маклин! Надеюсь, это послужит тебе уроком!

Вечером, впервые за много месяцев Нэнси вспомнила о докторе Стемплтоне.

Этого человека она идеализировала, любя его на расстоянии. Да, она чуть не лишилась чувств от возбуждения, если видела его проходящим по коридору. Заворожённая, она наблю-

дала за ним из палаты во время его неспешного обхода, добродушно склоняясь над каждым пациентом, и сердце её замирало от сладкой истомы.

Кончено, она понимала всю безнадёжность своего положения: все медсёстры всегда влюбляются в представителей старшего медперсонала.

Но это не мешало ей краснеть во время разговора с ним и, затаив дыхание, чувствовать, как она окончательно теряет контроль над взбесившимся пульсом. Если бы её чувства были очевидны, он бы их заметил. Может, размышляя, она и мечтала о нём, а потом поставила фонарь и стала собираться ко сну.

Но вместо сна она погрузилась в кошмар про десятифутовую змею, которая каким-то образом заползла на кухню и которую она случайно убила, отрубив ей голову топором для мяса. Всё это казалось таким реальным, что Нэнси снова зажгла фонарь и обеспокоено огляделась вокруг. Стэн спала спокойно и крепко.

Проснувшись, Нэнси лежала, размышляя, и никак не могла уснуть, обеспокоенная предложением Роберта. Констебль ей нравился, и боль причинять ему не хотелось... Вот если бы он увлёкся Стэн! Интересно, что было бы, если бы Стэн взяла да и вышла замуж, скажем, за кого-нибудь вроде погонщика, которому оказывала помощь.

Нэнси не представляла работы без своей подруги и напарницы. Они так взаимно дополняли друг друга, воспринимали всё с одинаковым чувством юмора, да и просто понимали друг друга с полуслова – многолетняя дружба давала о себе знать.

Их дружба была сродни любви, хотя порой они сами не сознавали этого.

Нет, она никогда не выйдет замуж, будь даже Роберт Макдональд самым привлекательным мужчиной в мире.

Рассерженно поёрзав в постели, Нэнси перевернулась на другой бок и погасила лампу. И только теперь уснула безо всяких кошмаров о змеях.

Следующий день начался удачно, едва Нэнси вышла в кухню, как заметила перестановку шкафа-ледника и пришла в ужас. Но уже не из-за змеи, а из-за огромной пиренейской ящерицы, что заскочила туда, когда Стэн оставила дверь распахнутой настежь, выйдя из дома за помидорами и водой.

Ящерица мгновенно почуяла яйца, лежащие в шкафу.

Нэнси не чувствуя в себе смелости, схватила веник и размахнулась им, как могла.

А ящерица раскрыла свою уродливую пасть и стала как вкопанная.

Нэнси толкнула её веником, и ящерица внезапно отпрянула, смешно переваливаясь.

Стэн обнаружила Нэнси сидящей на кухонном стуле с веником на коленях, и охраняющей пудинг.

Стэн пообещала больше никогда не оставлять дверь открытой.

– Вспомни про коз, – говорила Нэнси, – Так к нам и змеи могли запросто заползти!..

Зима в Херготт Спрингс пришла неожиданно холодной, хотя и влажной. Небольшие одинокие холмы с уютными или острыми вершинами напоминали пирамиды, сереющие среди окаменевшей степи, где тяжёлые пустынные отполированные песком валуны казались тёмными пурпурными под лучами солнца.

Но с обратной стороны обожжённые солнцем поверхности оттенялись, переливаясь каждая своим цветом – от каштанового до безумно-розового или рыжего цвета.

И всё это на фоне изумительно голубых миражей.

Холодный сухой ветер шёл с территории пустыни Симпсона к северу.

Ветер завывал в проводах Оверланд Телеграф и сокрушительно метал хлопья бледно-рыжей пыли на дороге.

Он с грохотом срывал старые железные настилы, сваливая в кучу грязные бумажные обрывки напротив изгородей. Веранда потемнела от вычурно-ярких разрисованных полотен от некоторых прежних представителей, колыхаясь неряшливым флагом.

А старый Ули, в прошлом из племени Диери, что обитало к северу от этих краёв, был доставлен в общину с бронхитом. Это был первый чистокровный абориген из всех их пациентов, и по совету его родственников, для него разожгли костерок.

– У огня ему теплее. Старик перенёс лихорадку, так что даже ему огня не потребовалось

Сёстры показали им чудесный простой тепловой режим, который поддерживался керосиновой печуркой.

Нет, всех проблем это не решало. Свита юношей, которые принесли старика, объяснили, что он привык к огоньку без копоти, чтоб не мешал спать.

Потом пришла Стэн с раствором: стальные носилки были помещены на кирпичи на полу, а возле них соорудили маленький очаг.

Во время разговоров старика к тому же тошнило, но тихо постанывал и покашливал, лёжа в разорванной рубахе и штанах, пока его сородичи объяснялись.

Нэнси и Стэн подозревали, что он бы никогда не согласился перенести себя, если бы находился в лучших условиях.

В данный момент он был их единственным пациентом, и между ними, они намеревались переодеть его в чистое бельё, оставшееся от почтальона.

Ули слабо боролся против мытья, но даже это было совершено также, как и со многими пациентами, и наложили тёплый компресс на его грудь племенными рубцами, будто увеличивающими её.

Его было нелегко заставить есть, но когда аппетит всё же пришёл, он съел хлеб с маслом и сахаром и выпил чаю.

Про «сладкую белую прикуску» он узнал ещё в своём племени, куда приезжали немецкие лютеране – миссия из Купераманна после битвы с ранними белокожими поселенцами в дюнах Кунги, где как известно, истребили двести человек – мужчин, женщин и детей.

Диери прослыл таким свирепым, что чудесная земля, с чудесной чистой водой после приезда нескольких белокожих скотоводов оказалась уничтоженной.

Месть была лёгкой и ужасной. Будучи побеждённым уговорил его увести её привести в порядок его большую седую бороду, на которую в пути наложили горячую припарку.

Нэнси присела поговорить с Ули, чтобы завоевать его доверие.

Нэнси знала, что важным «местом» «цветных» является поддерживать духовное общение с ними об их стране, так же, чтобы старик осознал, что среди расы, где возраст даёт статус и стариков почитают.

– На Купере, где я родился, недалеко от Киллапамини я хранил в закромах взял в миссии. Отец Фогельсанд меня вырастил.

– А много вас теперь осталось?

– Куча. Вокруг озера Коппераманна сотни чёрных. Смеялись. Пели. Плясали. А сейчас все ушли. А я лежу здесь и вспоминаю о былом.

Ули натужно закашлялся. А его покрасневшие глаза прослезились.

Чтобы отвлечь его, Нэнси притворилась заинтересованной двойным значением местных названий.

– Коппераманна, Килал-панинна... Мой язык не справляется с такими длинными названиями. Что, бывают длиннее, Ули?

Тот на мгновение задумался:

– Близ Уривиланьи, – начал он, – Высохло озеро, которое называлось Нудлавандракура-кураатарранинья.

– Чушь!.. Неужели правда было такое название?

– Правда!

Вскоре они оба смеялись над попыткой Нэнси произнести или даже запомнить по слогам это экстраординарное слово, которое, по рассказам Ули было первым названием сумчатой крысы, которая народилась там, и которую аборигены убили с помощью бумеранга. Он рассказал, что Килалпанинна, куда спустя какое-то время прибыла вторая миссия за двадцать пять миль от Купера, была большим озером, где когда-то водились лещи, ныне засыпанное песком и превратившееся в пустыню.

– Но теперь вода в Коппераманне, – пояснил он, – Большой губастый белый дьявол, как аборигены называли белого человека, появился, подавая воду из-под земли.

Нэнси представила, что в Херготт Спрингс источники утекли на поверхности, для посёлка была с края Большой Артезианской скважины.

На следующей неделе Ули готовили к выписке.

Вся его семья пришла за ним с носилками, но тот настоял, что пойдёт сам.

– Пасибо, матушки, – поблагодарил он девушек, – Ну, что, Ули, есть ещё порох?

Все засмеялись; поговорки так и слетали с уст этого благородного старика, последнего в своём племени.

Его сородичи были полукровками, некоторые отличались более светлым цветом кожи, но все держались от белых подальше, путешествуя или работая в этом крае на протяжении пятидесяти лет.

Ули прихватил с собой бутылку с «откашливающим средством», которому доверял.

Глава десятая

Как-то один из афганцев, пересекших железнодорожный путь, пуступил в больницу решать все виды проблем.

Они могли бы и не заходить, у что их тошнило, но всё равно все были не в восторге от идеи быть осмотренными «неверными жёнами».

Они бы не ели мяса, ве что животных от убитых по предписанию. И они часто отказывались от переодевания и никогда не расставались со своими тюрбанами.

Когда уличный торговец Акбар, ведущий верблюдов за поводья, был допущен с ужасной язвой на голени, разьевшей её до кости, он, уцепившись за свою длинную голубую тунику и белые панталоны, но согласился закатать их до колена.

При нём был красивый, ручной работы, коврик для молитв, на котором он совершал свои молитвы на протяжении суток по пути в Мекку.

Стэн строго предупредила его не преклонять больное колено, но он всё же сделал это и растянулся, коснувшись лбом коврика, расстеленного на полу.

Магомет Али, старый мудрый афганец, попросил Нэнси удалить ему два зуба.

Обычно здесь зубы все до одного лечили в пивной с помощью пары порций рома или виски. Но мусульманин Магомет Али даже в таких случаях не принимал алкоголь.

Нэнси смазала его дёсны гвоздичным маслом, чтобы притупить боль.

По окончании операции старик поклоном благодарил её, пожав её руку на прощанье.

После рукопожатия Нэнси почувствовала что-то в своей ладони. Взглянув, она обнаружила, что это осколок опала.

– Подарок, – изрёк старик.

– Ох, в этом нет необходимости...

– Вам, – и он ушёл, молитвенно взмахнув загорелыми руками.

Стоматологической ловкостью Нэнси восхищались часто, хотя все её навыки не были систематичными. Но у неё была лёгкая рука, и порой пациенты смотрели с сомнением на то, как она удерживала огромные щипцы и шприцы.

Путешественник, подвыпивший гуляка пришедший за полдень просил выдрать пару зубов.

– Они превратят мою жизнь в ад, сестра, тока простите за волнение, – услышала та ещё с веранды.

– Проходите и садитесь в кресло, – спокойно говорила Нэнси, – Откройте рот.

Зуб чудесным образом оказывался удалённым и уже вскоре лежал в лотке с окровавленными корнями. Лишь один из них был двойным. Нэнси заложила ранку ватой.

– Вы – отличный зубной, чёрт возьми! – восхитился пациент и уже намылился в сторону пивного бара, обмыть это дело.

Порой запаздывал другой пациент. Изрядно набравшись, он едва стоял на ногах.

– Дружбан говорил, шо Вы отличный зубной!.. – шептал он, – Такая лапонька! Не успеешь глазом моргнуть – уже нет! Так и сказал... Принял... Принял... Немного немецкого для храбрости, понимаешь?.. Вырвите его как-нибудь!

Он открыл рот, источив на Нэнси весь свой неподражаемый аромат виски. Зубов у него во рту не было.

– Кажется, Вы не нуждаетесь в моих услугах, – заключила Нэнси, но его зубная боль отчего-то продолжала саднить.

– Так бывает, может, Вы поддались самовнушению. Но у Вас нет ни одного зуба, а значит, и повода для боли.

На другой вечер Нэнси занималась стряпнёй, а Стэн принялась за медицинские обязанности.

Охотник на динго привёз свою жену из лагеря неподалёку от озера Хэрри.

Миссис Бэйтс вот-вот должна была родить. Она сильно переносила плод, и здоровье её было подорвано. У неё распухли ноги, и поднялось давление. Взяв её мочу на анализ, Стэн сочла её чистой: после подогрева образца и пробы на азотную кислоту образовалось белое облачко, свернувшееся довольно быстро.

– Нянечка, я плохо вижу, – простонала женщина.

– Всё обойдётся, миссис Бэйтс. Успокойтесь.

Стэн просила Заиру пригласить из кухни Нэнси на помощь. Она предполагала осложнение в то время, как у миссис Бэйтс уже начались схватки, и стала развиваться эклампсия – форма позднего токсикоза.

Сжав кулаки, со вспенившимся ртом, она резко запрокинула голову, закатив глаза.

Медсёстры сдерживали её в нарастающей конвульсии, дав ей сжать зубами скалку, чтобы пациентка не прикусила язык.

Та стала приходить в коматозное состояние. Её напряжение спадало.

– Нам надо успеть перенести её до родов, и как можно быстрее, – говорила Стэн подготавливая инъекцию и дозу хинина.

Заира выглядела, чуть ли не позеленевшей. И Стэн увела её в кухню. Хотя после второго эпилептического припадка на второй стадии схваток, женщина снова погрузилась в коматозное состояние.

Стэн пыталась добиться вагинального расширения с помощью [‘sims’ – зеркала?] расширителя. Воды отошли, и Стэн заглянула в полость:

– Уже видна головка! Я постараюсь захватить щипцами, хотя и боюсь. Мать может не выдержать на протяжении родов.

Миссис Бэйтс проснулась.

– Тужьтесь сильнее! – пригрозила Стэн – Я помогу Вам.

Расширив матку, Стэн аккуратно погрузила в неё щипцы и зажала, стараясь не сильно давить, чтобы не повредить уязвимую головку. Она помнила, как действовал в таких случаях доктор, но ни разу не представляла себя в этой роли.

Вскоре показалась маленькая темная головка с пунцовым личиком, а за ней – маленькое тельце, всё в крови и слизи... Стэн победно взяла ребёнка на руки:

– У Вас девочка, миссис Бэйтс! Потом протёрла малышку маслом и, запеленав её хорошенько уложила в корзину рядом с постелью матери.

Миссис Бэйтс выглядела бледной и истощённой, но взгляд её прояснился:

– Можно посмотреть на неё?

– Минутку! – ответила Стэн и подняла кричащего младенца перед лицом матери, – А теперь Вам надо отдохнуть.

Стэн опасалась, что у миссис Бэйтс начнётся новый припадок до того, как отойдёт плацента. Она заботливо ожидала (матку?), изучая живот пациентки, впавший после родов, скользя как можно легче, чем вокруг головки ребёнка.

«Безусловно, – думала Стэн – Природа ошиблась, сотворив младенцев такими большеголовыми».

Девушку сильно тяготил пройденный курс акушерства, и потому она твёрдо решила, что сама никогда не захочет рожать. Может именно потому и не стремилась замуж.

Она дала миссис Бэйтс двойную дозу калия брома с надеждой на лучшее.

Припадок не повторился, но пациентка была истощена. Ей бы не помешало пару недель отдохнуть.

– Конечно, она не может возвращаться в лагерь, – решительно заявила Стэн – Надо, чтоб у неё сохранилось молоко для начального вскармливания, а ещё, чтобы она поправилась. Хотя давление после родов уже нормализовалось.

Полночи присидела Стэн с малышкой, давая ей тёплую воду,

Нэнси думала, что та была сверх озабоченной, и могла перенести детский крик. Но Стэн заявила, как важен отдых для миссис Бэйтс, а этого бы не случилось, пока та слышала бы плач собственного ребёнка.

Через пару дней малышка набрала лишь шесть фунтов в весе и начала бодро посасывать молоко. Стэн принялась за стирку, а Нэнси за медицину.

Всю ночь она дежурила около малышки, которая родилась недоношенной, а потому редко спала больше трёх часов. Однажды вечером, спокойно обходя палату, пока малышка собиралась уснуть, Нэнси почувствовала прилив бодрости и вышла на веранду полюбоваться небом, казавшимся усыпанным бриллиантами.

Взглянув на железнодорожный путь на востоке, девушка переключилась на звезду, переливающуюся то голубым, то алым пламенем, взошедшую над горизонтом, будто перевернув всю землю, как огромный мяч у её ног...

Мгновенье вечности ужаснуло её – настолько показалась непознаваемой сама вечность...

«Ладно, ты-то сама чего хочешь? – спросила Нэнси у самой себя, – Ты здесь, в необжитом районе, занимаешься любимым делом, вырывая жизнь у смерти!» Но что-то подсказывало ей недовольство собственным положением.

Огромная золотая луна и мерцающие звёзды, пронзительный визг динго вдали, каменистый изгиб с его странным зовом, звучащим так потерянно и одиноко.

Одиноко! Вот в чём дело! Нэнси остро ощутила потребность в какой-то родственной душе – мужской душе.

Может, не такой абсолютно положительный, как Роберт Макдональд это должен быть такой человек, который чувствовал бы то же самое, что и она сама, и который бы завладел её жизнью целиком и наполнил бы её новым смыслом.

Малышка заворочалась в своей постельке, закашлялась, и начала тихонько плакать.

Нэнси вернулась в дом и почувствовала облегчение от собственной замкнутости, дружескую и надёжную крышу над головой.

Грозовые раскаты прокатились вдоль трассы от Бёрдсвилля до Манджеранни и, по словам Волта Кромби, «показывали главный «стимулятор произрастания».

С восторгом свергнув власть барханов в краю, почва покрылась бордовой паракелией, голубыми зарослями и ежегодным солонцом, маргаритками и даже кое-где пиренейской травой, что часто растёт в Австралии. Склады начали перемещаться вниз по трассе к железнодорожной станции за Бёрдсвилль.

Стэн и Нэнси недолго устремляли свои взгляды в сторону погоняемого скота; в необжитых краях это не было редкостью.

Даже тяжёлая Стрзелецкая трасса использовалась из-за того, что русло Купера пересохло по всей длине, на весь район выпало другое, где годами не было дождя.

Стрзелецкая трасса, если не размывалась, была, в конце концов по общему мнению, залита водой.

Однажды после полудня, когда Стэн готовила еду двум голодным пациентам – кекс и лепёшки к чаю, потом прилегла отдохнуть, а Нэнси услышала шаги на веранде и, к её смущению, столкнулась там с Робертом Макдональдом, с которым не сталкивалась один на один с того злополучного вечера и чувствовала себя неуютно в его компании, пока тот оправлялся от её отказа, уязвлявшего самолюбие.

– А, это Вы, сестра?

Он склонил голову, проходя через дверь, и через миг снял свою широкополую шляпу цвета хаки:

– Сестра Нэнси, – поправил он себя, – Мне срочно нужны носилки – там раненый в живот защит волосом из хвоста своей же лошади.

– Конским волосом иногда зашивают раны. Как это произошло?

– Проезжал по Бёрдсвилльской трассе и как только миновал Мунгеранни и то ли упал, то ли лошадь сама его сбросила, пока гнал стадо.

Волт спустился на землю, и подобрал хвост лошади, вспомнив как абориген-проводник подобрал его на счастье.

Путник порядочно истощён.

Они поначалу обратились в полицейский участок, потому что тот оказался ближе.

– Я мигом приготовлю стерильную постель, – сказала Нэнси, забыв обо всём, кроме работы, – И приготовлю тёплую грелку.

– Наверное, мы сможем ему помочь. Жалко, что доктора нет. При нём увереннее лечить.

– Я доверяю вам.

Нэнси ждала долго, пока на носилках принесли пациента. Тот даже попытался улыбнуться белозубой улыбкой на загорелом лице:

– Добрый день, сестра! Надеюсь, Вы управитесь с иглой? Я пытался зашить себя сам той иглой, что ношу с собой. Но едва попытался проехать верхом, конский волос порвался. Эта уже вторая заплатка.

Нэнси сжала губы, когда пациент снял рубашку, и она увидела рану. Очень глубокую – около фута в длину, а вокруг неё морщинки от неловких чёрных стежков.

Нэнси принялась усиленно молиться.

Потом стала переодевать пациента в чистую рубашку из хлопка. Констебль Макдональд с аборигеном скисли:

– Такой крепкий парень! – говорил проводник, – нужно действовать незамедлительно, а то сбежит, когда поймёт, куда попал!

Стэн вышла на помощь. Она всё узнала о поступившем больном.

Это был Элдред Норман, двадцати девяти лет со станции Каппамерри близ Диамантины у самой границы со штатом Квинсленд. Он перегонял с фермы отца восемьсот голов скота через железнодорожные пути у Херготт Спрингс и собирался идти назад к Бёрдсвиллю, так как услышал, что здесь практиковали медсёстры. Он немного отдохнул у Этадунны и Дулканинны и осторожно поехал верхом дальше, преодолевая боль.

Его поддержал почтальон.

– Надо немного проветрить, пока я промываю и обрабатываю рану! – сказала Нэнси.

– Разве мог подумать о таком в последние минуты?! – шептал погонщик.

– Тем не менее, постарайтесь не шевелиться, мистер Норман, – важно заявила Нэнси.

– Зовите меня просто Элди.

Они расставили кабинетный стол, застелив его чистой простыней, и положили на него пациента. С другой стороны стола был заготовлен набор инструментов: зажимы, иглы, пинцеты и ножницы.

Стэн держала бутылку с эфиром над прокладкой у его лица, время от времени покапывая из неё.

– Нормально, – кивнула Нэнси, – Он в порядке.

Она разрешила ужасающие швы, кое-как наложенные конским волосом и удалила их пинцетом. Рана была открытой, но не так глубоко, как она опасалась, нагноения не было.

Промыв и обработав её, медсестра взялась за иглу с хирургической нитью. Она увидела, что могла бы (нарисовать) соединить вместе разъединённые члены так же ясно, как было. Недаром она когда-то препарировала животных.

Заметив некоторую дрожь в руках, Нэнси глубоко вздохнула и успокоилась и тут же принялась собирать открытую рану воедино.

Молодой человек дышал тяжело, но цвет его кожи оставался здоровым, а пульс ровным.

Когда всё было закончено, медсёстры завернули пациента в другую простыню и отнесли его в мужскую палату, где он проснулся, и его тут же вырвало.

Он попросил взглянуть, «что же там девушки натворили!» И Нэнси уверила, что теперь его рана в безопасности:

– Было столько инфекции – просто удивительно, как Вам крупно повезло!

– Я раскалил иглу, прежде чем шить конским волосом.

– А если бы рана так и затянулась?..

– А что теперь?

– В порядке. Я не слишком-то сильна в наложении швов, но постаралась, чтобы они хорошо удержались. А пока Вам необходим отдых и строгий постельный режим, чтобы не занести новых инфекций.

– Чёрт возьми! Я не могу оставаться в постели! К тому же... Мне может захотеться в... ну... понимаете?

Он выглядел таким раздражённым, что Стэн его успокоила:

– Ничего страшного. Мы принесём Вам больничное судно.

Элдред Норман отрешённо взглянул на неё. Его тошнило, и спорить не хотелось.

Вечером Нэнси без сна лежала в своей постели прислушиваясь к вещему, последнему плачу изгиба каменистой степи.

Она всё думала о пациенте. Тот был воплощением её представления об австралийских бушменах: худое загорелое лицо, отливающие на солнце волосы, бледно голубые глаза, как искорки, что могут мигом запалить всю ширь необжитых земель, с едва заметной загадкой в уголках глаз. В его сложении не было ничего лишнего. Он был подтянутым, но не тощим, крепким, мускулистым и здоровым.

Даже игра, затеянная его лошадей, с тем, чтобы ранить его в живот.

Все их заботы оказались преходящими. Следующий, мистер Беннет, станционный смотритель, плотный и тяжёлый был принесён с болью в животе. Похоже на обострение аппендицита.

– Я не практиковала с аппендиксом! – испугалась Нэнси.

– Я тоже, – отозвалась Стэн, – Отправим его в Порт-Августу следующим поездом. Как раз сегодня прибывает из Уднаты.

– А если обострится воспаление брюшины?

– У нас нет выбора. Мы не имеем права оперировать. Но одна из нас должна сопровождать его.

Когда подошёл поезд с севера, девушки попросили констебля справиться, нет ли доктора среди пассажиров.

Доктор, к счастью, нашёлся, он ехал поездом из Уднаты до Алис в составе научной экспедиции вместе с двумя геологами и этнографом из аделаидского музея.

Доктор Браун, откликнувшись на просьбу, согласился сойти с поезда и попробовать прооперировать, но сказал, что давно не практиковал, так как последние несколько лет является полу отставным.

Машинист на Афганской никогда не спешил, иногда останавливаясь где-нибудь в центре вскипятить чайку с охранником или пострелять жирных степных индюшек на просторе.

Он решил, что дождётся доктора.

Все пассажиры-мужчины вышли из поезда, чтобы зайти в гостиницу за пивком, вернувшись в поезд с бутылками, дожидаясь следующей засушливой станции Фарини.

Это было обычным для нескольких остановок, где продавалось спиртное.

Железнодорожная трасса от Порт-Августы до Уднаты была со всех сторон завалена пустыми бутылками, гордо и бессовестно поблёскивающими на солнце.

И снова кабинетный стол застелили белой простынёй, приставили к нему столик с инструментами.

Стесняться было нечего, но штаны во что бы то ни стало (?) были использованы как стягиватель и пара угловых щипцов (?).

Доктор, будучи не слишком молод, оставался невозмутимым, делая надрезы.

Стэн ассистировала ему, Нэнси ведала анестезией.

Всё шло хорошо, пока связки были целы, но внутри случился обрыв, и пришлось собирать и зашивать.

Доктор сделал отверстие слегка выругавшись в довершение. Случайная операция завершилась успешно, и пациента перевели в мужскую палату.

Стэн и Нэнси были поражены, что им удалось так точно поставить верный диагноз.

– Вы обратились вовремя, – подбодрил их доктор, – Ещё денёк, и всё бы разлилось.

После таких слов Нэнси и Стэн попросили осмотреть другого прооперированного пациента. Осмотрев, доктор похвалил швы, наложенные сестрой Нэнси.

– Поводов для беспокойства нет, – утешил он, – Но я бы посоветовал ему подольше соблюдать постельный режим. Эдред Норман застонал:

– Но, док, меня тошнит от постели!

– Чем раньше Вы этот режим нарушите, тем быстрее снова сляжете!

Нэнси поблагодарила доктора за осмотр, размышляя, что среди всех мужчин, встреченных ею на севере все были солидны и интересны – и констебль, и почтальон, и погонщики и даже их проводники.

Общественность была преимущественно полной, и станционный смотритель выглядел откормленным.

Но Эдред Норман был необычен с его точёным ястребиным профилем и ясно очерченными чертами лица. Казалось, он нравился Нэнси.

Было ли очередным знаком судьбы, что именно в ту ночь ей выпало дежурить, ведь Стэн вполне могла справиться с ним сама, пока Нэнси хлопотала с ужином. Обрадовалась ли она, когда пришла заправлять ему постель, переодевать и осматривать швы.

Молодой человек сильно смутился, когда она поднесла ему сосуд для мочи, и совсем сник, увидев больничное судно.

«Надеюсь, он не видит во мне врага?!» – подумала Нэнси, – Это же такой удар по его самолюбию!»

Но вскоре он смог сам добраться до комода.

Спустя десять дней швы начали заживать, рана выглядела чистой и незаметной.

Нэнси снимала швы, пока Эдред извивался, жалуясь на щекотку.

– Лежите спокойно! – строго предупредила медсестра, – А то отрежу что-нибудь не то!

Пациент замер, но во время её работы оглядывал её с загадочным возбуждением и живой улыбкой в глазах, что приводило её в замешательство.

Закончив дело, Нэнси собрала хирургический поднос и сложила его.

Долговязая загорелая рука потянулась к ней, схватив за запястье:

– Присядьте, сестра! Подойдите, я не кусаюсь! Поговорите со мной, немножко.

В какой-то момент Нэнси почувствовала панику. Дыхание её стало неровным, и она не смогла поднять на него глаз.

Пусти, старик, мне страшно здесь,
Холодная рука
И тёмный взгляд напомнил мне,

Что смерть совсем близка.¹

Эти строчки из стихотворения «Старый мореход» Кольриджа так и вертелись в её голове, хотя и не всё сходилось в этом месте, удалённом за сотни миль от океана, да и пациент вовсе не «из тьмы вонзил он в гостя взгляд».

Но было что-то в его пристальном взгляде сродни взгляду бывалых путешественников, привыкших смотреть за край земли.

Нэнси чопорно присела на край его постели.

– О чём Вы хотели поговорить? – почти холодно спросила она. – Прежде всего... Я могу встать?

– Да... Вы можете сходить в ванную или уборную. А завтра сможете сами переодеться.

– Ладно. И то, слава Богу! Надоело быть беспомощным.

– Расскажите мне о Вашей семье... Элди.

– Ладно... Мой папа – Элдред Норман-старший, а мама – Оливия... Я их единственный сын, у меня есть две замужние сестры, которые с нами не живут.

– И намного выше вас Элдред-старший?

– Слегка. Он посолидней будет.

– И Вы гнали скот с Каппамерри?

– Ага, расстались с нашими овцами. Большинству из них динго перерезали горло, да и шерсть попортилась песком. Вот так будущая баранина снова избежала участи бифштекса. Что напомнило мне... Сестра Стэн замечательно готовит.

– Вам повезло, что застали её смену. На будущей неделе моя очередь готовить, а я это делаю несколько хуже.

– Да, ладно, лишь бы мясо хорошо прожарилось да сосиски проварились. Обещаю доставить в вашу общину свежего мяса, когда соберу стадо. На это уйдёт пара дней.

– Благодарю Вас. Мне нужно к другим пациентам...

– Но Вы ещё не рассказали мне о себе!

– В следующий раз. В одиннадцать, после утреннего обхода подадут чай, тогда и увидимся. В тщательном уходе Вы больше не нуждаетесь, но лучше остаться, пока разбирают оборудование.

¹ Кольридж. Старый мореход. Вольный пер. автора

Глава одиннадцатая

– Просто не знаю! – отчаивалась Стэн.

Её прямые светлые пышные волосы электризовались от жары, то и дело, выпадая из-под шапочки. А щёки при этом заливались румянцем. Она выглянула из-за перил веранды проверить, как вьющиеся побеги помидор растут вопреки песчаной почве.

– Не знаю, зачем мы суетимся и зачем пьём горячий чай в такую жару.

– Теоретически, это повышает потливость, чтобы чувствовать себя прохладнее. Испарение.

– Как в леднике! – огрызнулась Стэн.

А Нэнси решила приготовить утренний чай для Элдреда Нормана в первый день выздоровления. Приготовив, она присела, когда началась лёгкая песчаная буря, и молоко в мгновение ока покрылось слоем песка, а хлеб с маслом будто покрылся жжёным сахаром. Также вмиг испачкалась и белая кофточка Стэн.

Девушки принялись за большую уборку, очищая от пыли каждую вещь. Они боялись настоящего урагана, но в ранний полдень показали облака, предвещавшие дождик – первый дождик с тех пор, как они вот уже год как прибыли в Херготт Спрингс.

Воздух наполнился тем сладким запахом дождя, которого ждала иссохшая земля, и Нэнси это напоминало весенние грозы дома.

На другой день пришедший из Каппамерри собирался обратно. Хотя Нэнси отговаривала его воздержаться от поездки верхом, но Эдред настоял на прогулке верхом сказать своему человеку.

– Они удивились, увидев меня разгуливающим, – обернулся он, – Подумать только, мне чуть башку не снесли, или что был на худой конец совсем окосел. Но такого как я долго не удержишь.

– Конечно, уход пошёл бы вам на пользу.

Эдред усмехнулся:

– Может быть.

Он принёс в общину свежую говяжью ляжку. Поблагодарив Элдреда, Нэнси спрятала мясо в погребе, в мусульманском мешке.

В тот полдень температура достигла 115° F в тени. Дождь не принёс собой ни капли прохлады, а тонкая сетка от москитов вскоре покрылась налётом пыли.

Настоящая засуха закончилась в 1910 году, а нынче в 1913 пришла с одной из пустынь.

Хотя ничто не говорило о том, что засуха была нормальным условием для дальнего севера Южной Австралии и дальнего запада Квинсленда.

Помощник станционного смотрителя из большого города был единственным человеком в посёлке, постоянно выглядевшим щеголевато и опрятно, одетый в свою форму.

Но этим утром Эдред Норман блеснул, облачившись в подержанную куртку, хорошо подогнанные рабочие брюки и ботинки на высоком каблучке со шпорами.

Он выглядел настоящим скотоводом по восторженному представлению Нэнси.

Эффект начинался уже с макушки, на которой ловко сидела фетровая шляпа. Парень забрал свои вещи из крытой повозки, проезжающей дальше, и появился в собственной новой и чистой одежде. Он пригласил Нэнси на прогулку, чтобы показать ей восемьсот голов скота, перегоняемых через железную дорогу на пастбище.

Нэнси и Эдред дружно оперлись, глядя на станционные перила, пока Эдред отмечал хорошие и плохие точки скотины.

– Единственная деталь – наше клеймо «Э.Н.» не миновала ни одну скотину.

– И что особенного?

– Да, ничего. Большинство бродячих растений обглодано несколькими заблудившимися по дороге животными – здесь огромная территория с маленькими загородками и несколько незаклеймённых животных смешались со своим стадом, и вам удастся их подобрать.

– А что если они смешаются с другим стационарным клеймом?

– Несколько типов могли попытаться и изменить клеймо, например, мягко подрисовать к «Э.М.», но я бы им не советовал, – улыбнулся Элдред обезоруженно, – Но если кого-нибудь и удивляло в волах так это, когда помышляете убить скотину ради пропитания, ладно бы, подхватил в пути пулю.

– А что, это не разрешается?

– Ага. Но это не клеймо на куске мяса...

– И это напоминает, что скоро обед. И на обед ростбиф. Вам и другому больному достанется по лучшему куску!

Очередь готовить была за Нэнси, и та старательно присматривала за жарким с обилием холодного ростбифа, готовым к употреблению.

– Здорово. Спасибо.

На другой день он попросил ей поменяться так, чтобы девушка смогла понаблюдать за прогоном стада к утреннему поезду. Элдред ехал верхом на каурой кобыле, как главный участник происходившего за изгородью.

– Вообще-то, Вам нежелательно ездить верхом, – заметила Нэнси, – Правда, Стэн?

– Ничего, выдержит, если проехал верхом, зашитый лишь конским волосом!..

– К тому же верховая езда улучшает аппетит, – и он с полным правом уселся за свою порцию мясного блюда, – Превосходно! – провозгласил он, когда тарелка опустела, – Кажется, сестра Нэнси, Вы говорили, что не умеете готовить?

– Я не говорила, что не умею. Я говорила, что Стэн готовит лучше.

– И всё же приготовьте для меня. Мы с трудом добыли отборный кусок мяса на жаркое. Сгодится на ху... на худой конец.

Он задержался на веранде, разглядывая Нэнси, её светло-голубые глаза и бледную, не в пример его загару, кожу.

– Могу я пригласить Вас вечером в гостиничное кафе, сестра?

– Обычно, мы не посещаем гостиницу, разве что на воскресные обеды.

– Может, тогда покатаемся вместе верхом при лунном свете? Вы ведь не боитесь лошадей?

– Нет. Но и не слишком искушена в верховой езде.

– Если так же, как и в стряпне, тогда сойдёт. Моя лошадка идёт рысью, как пашенька, когда нужно.

Задетая, Нэнси не знала, что возразить, но подумала: «Он ведь здесь долго не задержится и, может, потом я его больше не увижу! Почему бы и нет?»

– Хорошо, – смирилась она, – Я буду готова, когда приберу в кухне после чая.

Элдред пришёл пораньше и помог ей домыть посуду.

Пока Стэн раздавала пациентам вечерние дозы лекарств. Элдред бережно вытирал вымытые Нэнси посуду и приборы.

– Вот видите, какой я хозяйственный! – приговаривал он, приподняв над плечом чайник.

Нэнси расставила утварь по местам и приготовила подносы с ужином для пациентов – всего двоих, в том числе и стационарного мастера, который уже поправлялся. А его жена принесла к ужину домашней выпечки.

Вынося ужин из кухни, Нэнси поблагодарила её, нарезав пирог, пока миссис Беннет с любопытством рассматривала молодого скотовода:

– Да это же Элдред Норман! Мы с Вами уже знакомы. Вы же лежали в одной палате с моим мужем! Поначалу я вас не признала. Как Ваша рана?

– Зажила как на кошке. С лёгкой руки сестры Нэнси. Худое лицо миссис Беннет вытянулось:

– Вы, кажется, очень романтичны, не так ли? Могу поспорить, девушка Вас до этого не оперировала?!

– Н-нет, – замялся Элдред, – Разве что аборигенка. Хотите взглянуть на ирам? Он уже было взялся за брюки, но миссис Беннет остановила его:

– О, нет, нет, благодарю! Это, наверное, очень интересно, но мне пора к мужу...

– Через несколько дней можете забрать его домой, – сказала ей Нэнси, – Но не позднее дежурства следующей недели.

Они с Элдредом обменялись улыбками, когда жена станционного зрителя удалилась прочь. Возможно, миссис Беннет не хватало романтических настроений в её тусклой повседневности, ради чего она и выписывала ежемесячно журналы с юга или обращалась к услугам миссионерской библиотеки.

Элдред расхаживал по веранде. Нэнси пошла предупредить Стэн, что уходит и что ужин готов.

Как только она прошла сквозь широкую дверь, Элдред Норман взял её за руку и вывел на улицу. Они шли ослеплённые лунным светом – в тот вечер было полнолуние, и от того вокруг было светло.

Нэнси впервые вышла здесь на прогулку в ясный лунный вечер.

Помогая ей сесть в седло, Элдред давал указания, как ставить ногу в стремя, сам же шёл впереди.

– Обопритесь на меня.

– В этом нет необходимости!..

Элдред дёрнул поводья, и кобыла разом остановилась. Нэнси едва перевела дух, схватившись обеими руками за Элдreda.

Она сидела в седле боком, совсем не чувствуя себя в безопасности. Элдред успокоил кобылу словом и провёл её до конца улицы, после чего пустил её в лёгкий галоп.

Нэнси слегка обрадовалась, когда они проехали магазин миссис Эдисон, почти и водонапорную башню. Едва они выехали из Алис Спрингс, перед ними распростёрлась залитая лунным светом степь.

Нэнси всем существом ощущала гибкое тело Элдreda под тонкой курткой, каждый его сустав и мускул. К тому же она помнила это тело и как медсестра.

Показалась высокая ветряная мельница, и они двинулись к бассейну главного источника, где вода, освещённая луной, казалась ещё обильней.

Будто никогда и не иссякнет вовсе, и сохранять её нет надобности, а миллионы галлонов воды можно было использовать для орошения пастбищ.

Элдред остановился и соскочил лошади, держа кобылу за узду, а та стояла преспокойно.

– Не сбросит Вас? – задиристо спросила Нэнси. – Нет, она привыкла бродить ночами и не бросает меня, всё чувствует и ведёт, – и он помог Нэнси сойти, но мягко, так, что она соскользнула благодаря его сильным рукам сразу на землю.

Ничего постыдного не было – он просто держал её перед собой, давая ей придти в чувство и отдышаться. Пока та, наконец, не произнесла:

– Пошли!

– Уверены, что пойдёте со мной?

– Да!.. Нет.

Когда он поцеловал её, это показалось ей необыкновенным, будто душа её отлетела.

Нэнси будто воспарила над землёй. А время будто остановилось, как неподвижная луна на небе, и девушка даже не слышала журчанья воды.

Казалось, прошла вечность, когда он поднял голову и заглянул в её освещённое лунным светом лицо, мягко и заботливо оправил выбившиеся из-под шляпки локоны:

– Такие пушистые! – прошептал он, – Она и в самом деле каштановые или от чудесного освещения?.. Знаешь, я буду называть тебя Агния, Нэнси не очень тебе подходит, слишком по-мужски и режет слух. С тобой такое имя никак не вяжется – ты так женственна.

– И всё же я – медсестра, которой нельзя забывать о своих пациентах.

– Я тебе больше не пациент. Могу представить, сколько пациентов в тебя влюблялось, но...

Нэнси припомнила всех встреченных ей в Спрингс мужчин: мешковатый мистер Беннет, пара афганцев, молодой метис, пьяный щёголь... И она рассмеялась:

– Вряд ли!

– Уверен, я не первый.

– Не первый в чём?

– Не первый пациент, влюбившийся в медсестру!

– В самом деле?

– Да, с той самой минуты, как увидел тебя, так и подумал:

«Вот эта девушка для меня!» Да ты и сама поняла это по моему поцелую, правда?

– Д-да.

Он снова поцеловал её, закрыв в своих объятиях от воздушного потока с мельницы.

Нэнси почувствовала прилив умиротворения. Она склонилась головой к его плечу. Над ними простиралась огромная тихая ночь, а впереди была залитая лунным светом степь под усыпанным бледно-серебристым сиянием звёзд небом. Её заставил очнуться душе-раздирающий крик ржанки.

– Чёрные называют её птицей мёртвых, – пояснил Эдред, – Она летает от лагеря к лагерю, разнося вести о смерти.

Нэнси вздрогнула, но Эдред сдержал её.

– Я бы не допустила, что бы кто-то умер за время моей практики. Но среди моих пациентов была маленькая девочка с сильными ожогами... – и Нэнси принялась рассказывать про Мэри, и про то, какой она чувствовала себя потерянной после её смерти, – Если бы удалось довести её до большой больницы!..

– Ага. Здесь ты быстро поняла, что жизнь не так уж прекрасна. Природа – жестокая штука, а в этом краю жить трудно. Видала, падёж скота во время засухи?

– Я родилась и выросла в крупном городе Аделаиде. Ты бывал там?

– Ага. Школьник.

– Правда?!. Я начинала свою медицинскую практику в Северно-аделаидской больнице.

– А я был учеником пансиона имени принца Альфреда. Всего пару лет. А до этого прошёл домашние курсы, не слишком-то прилежно занимаясь. Мама давала мне задания, а папа возражал, что мне это не нужно, и я, конечно, предпочитал кататься на лошади, чем сидеть за книгами.

– Но ты жил в Квинсленде?

– В ближайшем к нам посёлке Бёрдсвилле и знаю там всё и всех, вплоть до почты, исколесил всю Бёрдсвилльскую трассу до Аделаиды. И отдалённый Брисбен. От Квинсленда у нас ничего, кроме края, прозванного Бетуттой и разделяющей Каменной пустыни. Так что Южная Австралия, по сути, мой родной штат. Да и границы-то особой нет, кроме полосатой изгороди.

– А как велик Каппамерри?

– О, почти три тысячи квадратных миль. Но используется лишь небольшая его часть, разве что после дождя или когда Диамантина выходит из берегов.

С 1910 у нас не было благополучного года, но мы продержались. Ураганы заставили нас удалиться от излюбленных для путешествиях дорог.

– Сейчас тебе тоже стоит воздержаться от путешествий!

– Это совет медсестры?

– Да... А с другой стороны...

– С другой стороны, мне бы не хотелось покидать Херготт Спрингс и тебя, которую лишь только я обрёл.

– Это нелепо! Мы же едва знаем друг друга!

Элдред стал серьёзней:

– Я знаю тебя достаточно, чтобы восхищаться тобой, ты нравишься мне и желанна, как женщина. А это для меня самое главное в любви.

– Элдред...

– Я не слишком романтичен и не умею красиво говорить, но... Ты захватила меня целиком!

– О, Элдред!

Они восхищённо смотрели друг на друга.

– Ты, наверное, перецеловал всех девушек по дороге домой?!. – вдруг опомнилась Нэнси.

– Ну, да... Но не одна из них не сравнится с тобой!

Когда они неохотно возвращались в посёлок, луна уже стояла высоко, и их собственные тени заметно уменьшились.

И вот Нэнси снова в седле, подсаженная туда заботливыми руками Элдреда.

Во время пути оба отдались сонно-ритмичному цоканью копыт по пыльной трассе.

Элдред остановил кобылу на углу центральной изгороди и проводил Нэнси в тень веранды.

– Нэнси... Милая моя Агния... Пойдём со мной, хочешь? Ты ведь хочешь? Пожалуйста, любимая!.. Никогда и никого я не желал так!.. – возбуждённо шептал он, скользя пальцами по её бёдрам.

Но она отпрянула, оттолкнув его руки:

– Ты желаешь лишь затащить меня в постель! А я пока что сплю в одной комнате с Стэн. Но даже если бы...

– Постель будет на веранде, – сверкнул в темноте белоснежной улыбкой Элдред.

– На веранде могут быть другие пациенты. Нет, Элдред! Нет! Я твёрдо знаю! Ты должен уйти, чтобы мы уснули и проснулись порознь.

И девушка проскользнула к себе, прошептала: «Доброй ночи!» и скрылась в дверном проёме, затворив скрипучую дверь.

Не зажигая лампы, начала она раздеваться, боясь разбудить Стэн и показаться ей ненароком с пылающими щеками и растрёпанными волосами.

На губах Нэнси ещё не остыл жар поцелуев Элдреда.

Но Стэн проснулась:

– Долго же тебя не было! Куда это ты запропастилась?

– Просто прокатилась до Спрингс.

– И что вас двоих туда занесло?..

– Ох, умолкни, Честертон! – бросила Нэнси, залезая в постель.

Ей не хотелось говорить. Хотелось удержать в памяти каждый миг наедине с Элдредом, чувствовать его худое тяжёлое тело, тесно прижавшееся к её собственному, смешение их одежд – всё это заставляло её умирать от желания.

Возможно ли удержаться от любовных порывов в такую уединённую ночь?!

Глава двенадцатая

Нэнси бродила у дома общины, как Заира, забыв о случившемся при каждом удобном случае сбегала из кухни, чтобы увидеться с Элдредом и его каурой кобылой.

Огромная волна счастья, захлестнув, разрасталась в груди девушки, в любой момент готовая взорваться. Нэнси чувствовала себя в эпицентре какого-то призрачного действия, на котором была лишь зрителем, будто посвящаясь в тайны любовной стихии и могла лишь пожалеть того, кто ещё не влюблён.

Стэн с насмешкой оберегала её, ни говоря ни слова. Будто ничего не подозревала о скотоводе.

Когда скотину бережно переправили, мужчины из Каппамерри нашли время испытать новые котлы для варки мяса в Херготт Спрингс, что были больше старых.

Спустя какое-то время все собрались обратно,

Элдред и Нэнси решили узнать друг друга получше, и чем лучше Нэнси узнавала Элдреда, тем больше он её удивлял и интриговал, и тем сильнее разгоралось её чувство.

В их последний вечер они разговорились во время ночного дежурства Нэнси.

Нэнси могла бы попросить Стэн подменить её – Стэн не слишком-то одобряла неопределённые отношения – и выходила, пока они сидели в маленькой гостиной на плетёных стульях, а Стэн собиралась ко сну, и тогда занимала один из стульев между ними.

Элдред страстно целовал Нэнси, погружая свой язык в её рот. Но когда тот снял рубашку, девушка со страхом поцеловала его сильное тело – а что, если их застанут вместе?..

К счастью, ночи становились холоднее, но Нэнси всё сильнее опьянённая мужским запахом, прятала своё лицо в его волосах, как он на её груди. Ей показалось, что он, как ребёнок ищет утешения.

Рука Элдреда скользнула под юбку Нэнси, сделав неосторожное трепетное движение, когда её нога оказалась в его объятиях.

– Элдред... Я не хочу...

– Нет, милая, нет. Я не сделаю тебе ничего дурного, обещаю. Мне бы не хотелось обижать тебя. Если ты не захочешь, я не коснусь. Радость моя, милая моя! Я люблю тебя, люблю...

Его тело склонилось над ней с шумным вздохом он соскользнул на пол и плюхнулся на противоположный стул. Не расстёгивая пуговиц на её кофточке, он ласкал её упругий сосок губами.

Большое дитя! Нэнси переполнили материнские чувства по отношению к нему.

Его ловкие пальцы скользили по её телу, возбуждая внутренний огонь, и Нэнси постепенно разгоралась под воздействием пробуждающейся чувственности. Дрожь и чувство колющей боли покинули её и, откинувшись в кресле, она переполнилась новой радостью и сознанием.

– Сестричка! – позвали из палаты.

Нэнси поспешно одёрнула влажную юбку и поправила в волосах выбившиеся шпильки.

– Что за мгновенье! – усмехнулся Элдред. – Ей, наверное, нужно подать «утку». Романтически, не правда ли?

Нэнси встала, чтобы выйти во двор, но её ноги ей не повиновались.

Сладость греха не покидала её даже на расстоянии.

Сестра Маклин на дежурстве! Запах спермы пока не выбивался из того чудесного испытания.

Но всё-таки физически она ещё оставалась девственницей. Лишь бы она сделала не почувствовала, как впервые.

На другое утро Элдред Норман пришёл попрощаться. На кухне он пожал Стэн руку, сказав:

– Благодарю за всё! – попрощался с Заирой, моющей овощи в раковине, потом в аптеке нашёл Нэнси.

Девушка держала в одной руке пипетку, а в другой – склянку, когда молодой человек обнял её. Она то и дело пыталась тыльной стороной ладони сбить мешавшие ей на лбу волосы.

Наклонившись, Элдред поцеловал её в лоб, пытаясь накрутить её мягкий локон на свой палец.

– Я вернусь, милая моя, – сказал он, – Не плачь, Агния, а то я тоже разревусь. Ты же знаешь, что это ненадолго. Я вернусь...

– Когда? Нам со Стэн осталось здесь работать ещё около года. И я не знаю, куда нас переведут потом. Напиши мне, Элдред!

– Письма – это, конечно, очень мило, но их всегда вскрывают при генеральной проверке. Ни малейшего шанса что-то утаить.

Нэнси не слышала его слов, пристально вглядываясь в его лицо с ясными, тонко очерченными чертами, на его крепкую загорелую кожу и выгоревшие брови, стараясь запомнить каждую деталь. Он поддерживал копну её волос, держа её голову у своей груди, другой рукой поглаживая её голубую поплиновую юбку, будто отражающий цвет его глаз.

Он поцеловал её сильно и страстно, крепко прижав к себе. Когда он помог ей подойти, она пошатнулась напротив скамьи, чувствуя на себе прикосновения его объятий.

– Я вернусь и заберу тебя отсюда!

Нэнси пыталась держать себя в руках, но поставила склянку на место и вышла провожать его.

Элдред с лёгкостью вскочил на свою лошадь, будто родился в седле. Потом вдруг при всех наклонился к ней и страстно поцеловал её.

– Читала Генри Лоусена? – неожиданно спросил он, сдвинув брови.

– Ну... да. У нас где-то были сборники его стихов. Они мне всегда казались тяжеловатыми.

– А я очень люблю его балладу «За загоном под откос». Может, знаешь?

– Надо будет запомнить.

– Так же, как я тебя. До встречи, милая!

На миг он приподнял свою мятую ветровую шляпу, а лошадь стала на дыбы и затем, рассыпая гальку.

Пошла галопом вдоль улицы, оставляя за собой лишь облако пыли, замечая след уехавшего всадника.

Нэнси уставилась в пустынную даль улицы, пока пыль не улеглась совсем. Стая розовых и серых какаду, скользила по волнистым железным крышам и, порхая и визжа на краю, походила на возящихся на горке ребятишек. Нэнси наблюдала за ними отчуждённо. Её охватила холодная дрожь.

«Я запомню тебя... До встречи!» – так и звенело в её ушах.

Но он ушёл за четырёста миль – увидятся ли они снова?

Нэнси бросилась в дом и упала на свою постель, свернувшись калачиком и сжав кулаки.

О чём же та баллада Генри Лоусена? Помнилось лишь: «Много добрых парней по прозвищу Джим...»

Элдред... Милый Элдред! Но действительно ли он добрый парень?

У Нэнси была возможность покинуть пациентов.

И уже вскоре она искала книжку Генри Лоусена. Нет ли в сборнике «Баллад буша» той самой «За загоном под откос»? В небольшой библиотечке аделаидской миссии, что привезли для поселковых жителей, книжки перемежались с зачитанными номерами журналов.

В полдень Нэнси отыскала эту коробку, лихорадочно перебирая «Бенбонуну», «Мостовую» и песни Банджо Паттерсона.

Где же Генри Лоусен? В волнении Нэнси высыпала всё содержимое коробки на пол. Но нужной книги не нашла.

За чаем она как бы ненароком спросила у Стэн:

– Ты не видела томика стихов Генри Лоусена?

– Может, «Пока кипит котелок»?

– Нет, это рассказы. А мне нужны баллады.

– О, по-моему, у мистера Беннета должно быть нечто подобное. Может, захватил из дома.

– Мне нужно найти одну. Мы с Элдредом говорили об одной цитате...

– Элдред Норман читает стихи? Не подумала бы, что он читает больше, чем амбарные книги и местные репортажи!

– Это доказывает, что ты мало его знаешь, – Нэнси поняла, что подруга не доверяет Элдреду, может, что-то вроде антагонизма ревности, которую Стэн никогда не обрушивала на Роберта Макдональда, – Надо будет зайти к старому Беннету после чая. Его жена сроду не читала ничего, кроме любовных романов.

– Да, и видела вас с Элдредом практически у алтаря!

Нэнси улыбнулась, пропустив это мимо ушей, но к горлу подступил комок.

А, заполучив желанную книгу у стационарного зрителя (который был переполнен заботами о мебели и безделушках), заторопилась к себе в комнату. Миссис Беннет, видевшая в окно сцену их прощания с Элдредом, остановила её с невинным вопросом:

– А что. Молодой человек уехал домой, да?

– Один из наших пациентов? Да, сегодня утром.

Нэнси быстро сбежала от дотошных бабьих расспросов. Теперь сидя на постели, Нэнси судорожно листала книгу. «За загоном под откос». Вот она!

Нэнси не припомнила, читала ли она её раньше. Да, повествование о двух влюблённых, и молодого наездника зовут именно Элдредом.

Вот они прощаются у загона:

...Один лишь дикий поцелуй – и снова за загон:

О, как прощаться тяжело тому, кто так влюблён!..²

О! Так вот что он имел в виду! Нэнси спокойно улыбнулась. Он «знал, что вновь сюда придёт...»

Нэнси дочитала балладу до конца, а в конце бедная покинутая Мэри украдкой поджидала возлюбленного в сумерках у загона, прислушиваясь, не стучат ли копыта его лошади, суеверно ожидая нелёгкого выбора Элдредом.

Нэнси застонала. Так он притворился влюблённым в неё, притворился, что произошло необычное, неповторимое? Какой же дурой она оказалась!

Девушка бросила книгу на пол, не жалея переплёта.

Стэн заметила, что с её напарницей творится что-то неладное. Та плохо ела и не находила себе места. Заира же напротив была более оживлённой и с воодушевлением, напевая и сбиваясь на монотонную мелодию, и двор удирала, и овощи чистила.

Подметив эту особенность, Стэн подвергла её допросу. Обе медсестры были ответственны за эту девушку. Но Заира так неожиданно повеселевшая, неожиданно же и отвернулась; и Стэн еле вытаскивала из неё объяснения. Нэнси тоже стала замкнутой и неразговорчивой.

² Генри Лоусен. За загоном под откос, вольный пер. автора.

«И всё из-за этой любви! – подумалось Стэн, – Избави Боже меня от неё!»

И беспокоясь за Нэнси она ждала беседы с ней.

Заира становилась рассеянной, то и дело останавливаясь у окна и вытирая ни с того ни сего набежавшие на огромные тёмные глаза слёзы.

Однажды Стэн всё-таки подкараулила её на кухне:

– С тобой всё в порядке, Заира? – побеспокоилась она.

– Ничиво.

– А почему же ты такая грустная? Может, поделишься? – и Стэн подошла ближе, пристально изучая девичью фигурку у раковины. Не поправились ли?

– Можешь доверять мне! Я – медсестра, а медсестёр не стесняются. Как ты себя чувствуешь?

– Меня... тошнило утром. До завтрака. Целых два раза.

– Гм. Других симптомов нет?

– Н-нет. Ой... Ой, сестра, мои месячные!.. Они прекратились! Я так испугалась, – и Заира заплакала, спрятав лицо за заварочным чайником.

Стэн села за кухонный стол:

– Иди, сюда, девочка! – Стэн было двадцать шесть, но она ощущала себя старше, – Сколько у тебя было периодов?

– Два. Один – на прошлой неделе.

– Да, дорогая... Похоже, ты столкнулась с настоящей проблемой. И что скажет твой отец?..

– Я ещё не говорила ему... Он убьёт меня!

– Кто же поставил тебя перед таким выбором? Рубен?

– Угу, – и Заира шмыгнула носом, – Он хочет жениться на мне, но отец никогда...

– Давай, я поговорю с ним?..

– Нет, не говорите ему ничего, сестра, пожалуйста!

– Конечно, пока мы можем не говорить. Но это скоро будет заметно. Утешься, это не конец света. Может, Рубен согласится принять ислам, и...

– Отец не любит аборигенов.

– Рубен только наполовину абориген, а на половину белый.

Может, Ахмед Али и примет его в качестве зятя, чтобы не оставить внука без отца. Я поговорю с Рубеном... Хочешь?

– Угу. Думаете, лучше оставить ребёнка? Или избавиться?

– Не говори так! – рассердилась Стэн, – Это же твой ребёнок, и ты полюбишь его, а если это будет мальчик, Ахмед даже может обрадуется!.. Когда будет всё ясно, я сама ему скажу. У тебя около трёх месяцев?..

– Наверное...

– Я осмотрю тебя на будущей неделе в своё дежурство. Можно в моей комнате, чтобы никто не узнал.

– Даже сестра Маклин?

– Ну, ей-то можно доверять. Но больше в общине никому.

В тот же вечер Стэн, застилая постели, рассказала Нэнси о случившемся с Заирой. Было ещё рано, и ни одного пациента не было, кроме проходящих переодеваться и того, кого Нэнси навещала на дому.

– Этого и следовало ожидать, – с сожалением добавила Стэн – Девочку, выросшую без материнских советов, упрекать не стоит. Но её отец может во всём обвинить нас.

– Да как уследишь за ней по дороге домой? Надо было предупредить Ахмеда. Бедная девочка!

Эта новость нарушила покой Нэнси. И глядя на вялые, поникшие плечи Заиры и её унылое личико с самого начала рабочего дня, Нэнси убеждалась, как её повезло.

«Слава Богу, я вовремя удержалась! – думала она, – А если бы поддалась Элдреду Норману, который „не коснулся“ её!» а как бы она обеспокоилась, оказался он понастойчивей!

Конечно, ему не хотелось чувствовать усталость или ответственность; без сомнений, он почему-то был так заботлив.

Нэнси чувствовала благодарность к нему за всё, пока не сказала себе, что он вовсе не так добр, а обыкновенный бабник, и у него, наверняка, есть по девушке в каждом городке по дороге, как у моряка в каждом порту по подруге.

Но это не мешало ей грезить о нём и болезненно желать новой с ним встречи.

Глава тринадцатая

По вечерам Нэнси с волнением ждала приезда почтальона из Бёрдсвилля.

От Элдreda ничего не было. Он не придавал значения переписке. А ей гордость не позволяла писать первой, но она его всегда оправдывала. В конце концов, благополучно вернувшись домой.

Мог бы вспомнить, с чьей помощью он вернулся невредимым. Нет, первой Нэнси писать не будет.

Но и огорчится, если не дождётся ответа.

Стэн, осмотрев Заиру, удостоверилась в своих предположениях, но не стала рассказывать её отцу.

Девушки отправили Заиру домой передать отцу приглашение на завтрашний дневной чай. А Заира даже своей сестре Шебиб ничего не сказала, до того была расстроена. Пришедший в гости Ахмед прошёл на веранду в своём педантично завязанном голубом тюрбане и свободной рубашке поверх белых штанов.

Девушки усадили его в плетёное кресло и угостили чаем с домашней выпечкой.

Нэнси припомнилась борьба с Элдredом, происходившая в этом кресле... Её положение было немногим лучше Заиры, просто больше повело.

– Ахмед Али! – официально начала Стэн, – мы считаем, что вы должны быть в курсе, что Заира вскоре не сможет у нас работать...

– Плохо справляется с обязанностями?

– Нет. Она хорошо работает, пока... но...

– К несчастью, она... – в отчаянии вставила Нэнси, – Кажется...

– Что? Больна?

– Простите, – холодно продолжала Стэн, – Но Заира в положении. Она боялась сказать Вам. Она на шестом месяце беременности.

После зловещей паузы Ахмед Али вскочил на ноги, выронив чашку:

– Что... вы... сказали?! – вскрикнул он, – Дочь моя! Дочь мою сгубил неверный! Где он? Я убью его!

– Заира сама расскажет Вам, кто отец её ребёнка. Этот юноша хочет на ней жениться. Но они боятся, что Вы не согласитесь.

– Так! Значит, не мусульманин?!

– Нет, – дипломатично кивнула Стэн, – Но он любит Заиру и готов ради неё сменить религию. И если Вы благословите...

– Никогда! Я убью его! А вы... Вам, белым сёстрам я доверил свою дочь!.. Отпустил из отчего дома, и вот, что получилось!.. Хвала Аллаху, что её мать не дожила до такого позора!

– Мы просим у Вас прощения, Ахмед, – вставила Нэнси, – Но нельзя было предвидеть этого. Заира молода, её трудно удержать.

– Всё кончено! У вас она больше работать не будет!

– Очень хорошо. Её скопившегося жалованья хватит, чтобы уехать в Аделаиду до рождения ребёнка. По-моему, вам всё же стоит благословить их на брак.

Но Ахмед лишь снова выдавил:

– Так! – и, развернувшись, зашагал к железнодорожной станции.

Девушки обеспокоено переглянулись. Им показалось, что он решил поколотить свою дочь. Но может и одумается.

Стэн попыталась перевести Заиру под надзор родных полукровок старика Ули, проживающих в посёлке.

Стэн и Нэнси опрашивали робких и неуверенных в своих способностях девушек, и, в конце концов, выбрали себе новую сменщицу – Элви, которая обещала стараться. У неё были чистые каштановые волосы и белозубая улыбка.

– Итак, Элви, договорись с родителями, и мы включим тебя в комитет общины.

К удивлению медсестёр, к их комитету отнеслись слишком формально, накладывая вето на помощь фондам общины и не спрашивали у них о необходимости нового оборудования или зданий для аделаидской миссии.

Председатель комитета, мистер Беннет, откашлявшись, начал:

– Вам вряд ли стоит брать аборигенку.

– А почему? – спросила Стэн.

– Ну, ладно, сестра, я предположил очевидное.

– Что же очевидно?

– Что пациенты не нуждаются в услугах чёрных! – не выдержал он.

Щёки Стэн вспыхнули, а Нэнси дерзко выпалила:

– Элви не чёрная. Её отец был белым.

– Ну, полукровка, и что? Уж мы то знаем, к чему приводит кровосмешение.

– Уж если Вы обратили внимание на кровосмешение, – с жаром продолжала Стэн, – Вы могли бы вспомнить, что в нём замешан европеец, вроде Вас. Вы же понимаете, что зачатие не было непорочным?!

Мистер Беннет вскипел, и тут спохватилась его жена:

– Да что Вы право, сестра Честертон! Богохульство здесь не к месту!

– Всё ясно, – подытожил третий член комитета – начальник почты.

Четвёртого члена комитета, констебля Макдональда, к сожалению, не было, и предложение Нэнси и Стэн отклонили.

Элви отказали в приёме на работу.

Хотя и понимали, что девушка вполне бы с ней справилась, некоторые даже одобрили её.

Обучая аборигенку на помощницу медсестры, Нэнси и Стэн могли бы доверить её лишь работу по кухне с еженедельным жалованьем.

Элви согласилась, но быстро потеряла интерес к хозяйственной работе.

Минуло два месяца, а от Элдreda Нормана не было никаких известий. Нэнси с отчаяньем ждала каждой новой почты. И уже начала ненавидеть раздражающе монотонный крик ржанки, парящей в лунные ночи.

– Противные птицы! – вырвалось у неё однажды ночью, когда она ворочалась в своей постели, пытаясь заснуть.

– Ржанки-то?! Вряд ли, – спокойно заметила Стэн.

– Ненавижу этих проклятых тварей! – и Нэнси устала в залитое лунным светом окно.

И тут Стэн заметила очевидное:

– Ты не переносишь их крика с тех пор, как он уехал?

– Нет! – Нэнси отвернулась, передёрнув плечами.

Ей ужасно не хотелось перекладывать свою боль на Стэн, чтобы не признавать себя обиженной, но всё было ясно и без слов.

О Заире тоже не было известий со времени последнего разговора с Ахмедом, но однажды Стэн увиделась с Шебиб в магазине: – Как Ваша сестра? – осторожно спросила Стэн, – Мы давно её не видели...

– Отец не выпускает её из дома. Бедняжка! Рубен приходил навестить её, но отец выгнал его, пригрозив кинжалом. Он теперь настороже, а Заира грустит.

– А как её здоровье?

– Она в порядке.

Нэнси и Стэн решили, что исправить ничего нельзя. Заира была совершеннолетней и, как мусульманка, имела кое-какие права, безоговорочно подчиняясь мужчине. Нэнси и Стэн всё же надеялись, что Ахмед Али позволит её выйти замуж.

Когда пришла очередь Стэн получать почту, пришла открытка.

Волт в то утро пришёл из Бёрдсвилля, а к полудню с юга пришёл поезд.

И Стэн вернулась с тремя письмами: одним для неё, одним – для Нэнси от её матери и маленьким конвертиком с бёрдсвилльской маркой.

– Тебе, – улыбнулась Стэн, передавая Нэнси её почту, – Наверное, от Элдред.

Нэнси схватила конвертик и умчалась с ним в спальню. Там она неловко разорвала его. Внутри оказалась открытка – чёрно-белый снимок пеликанов близ реки Диамантина в Бёрдвилле, а на обороте – пара строк ученическими чернилами: «Дорогая Агния! Всё думаю о тебе. Люблю. Элдред».

Пара строчек! Пара строчек за целых три месяца!

Первым желанием было – порвать это послание. Но она остановилась. Всё-таки, он всё время думает о ней. Не совсем забыл о её существовании, кажется.

Но мог бы написать хоть на страничку.

И Нэнси спрятала открытку в ящик под носовые платочки.

И лишь потом принялась читать очередное мамино излияние.

Похоже, отцу сильно не здоровилось. Доктор отмечал недомогания.

Отец нанял нового управляющего и больше не занимался сам мукомольнями.

«За эти годы ничего не изменилось, – подумала Нэнси, вспомнив старого управляющего, делавшего основную часть работы, когда майор Маклин ещё числился «хозяином», гораздо больше чем номинально. К тому же, он был далеко не молод.

И, наконец, мама перестала внушать ей, чтобы она вернулась домой.

Нэнси казалось, что она никогда не покинет Херготт Спрингс. Именно здесь, отрезанная от мира за четыреста миль.

Но в городе она была бы почти за тысячу миль отрезана от Каппамерри.

– Что пишет Элдред? – спросила Стэн, когда они уже запивали чаем холодные бифштексы с картофельным пюре.

– Гм, – Нэнси набила рот, не испытывая желания отвечать.

– Ну, что он пишет? Нормально доехал?

– Не знаю, – Нэнси проглотила кусок, не заметив вкуса, – Это... всего лишь открытка... Ох, Стэн, всего лишь пара строчек на картинке с пеликанами.

Она с шумом отложила прибор и закрыла лицо руками.

– В эпистолярном жанре он явно не силён! Утешься, Нэнси! Может, это самое длинное изо всех его посланий!

Нэнси отняла руки от лица. Из её нежно-голубых глаз текли слёзы:

– Прости, Стэнси. За последние месяцы я не слишком-то хорошо работала... Ты всё замечала, но из гордости ничего не говорила, а теперь... мне надо его забыть.

– Не ответишь на открытку?

– Нет! Хотя, может быть. Если смогу принять столь короткое послание, – она отодвинула тарелку, – кажется, я не хочу есть. – Надо изменить мнение об этом парне. Он слишком хорош, даже красив.

– Я поняла тебя. Но, к несчастью, от его прелести у меня «съехала крыша». Боже! Я должна его забыть. И не могу.

– Не теряй головы, старушка. Забудешь. Как только уедем отсюда. Ещё кого-нибудь встретишь.

– Никогда!

– Так и хочется поспорить!

– И всё же я постараюсь не думать о нём. С нынешнего дня сотру из памяти!

– Сильно сказано!

Но в лунные ночи под крик ржанки она не могла сомкнуть глаз в своей постели, вспоминая мгновения, когда они были вместе, и боялась забыть его.

Для ответной открытки же сложила такие строки:

«Благодарю за ничего! О тебе не думаю! Чернила не кончились? Открытку получила».

Но ни одна из этих строк не выразила её боли и обиды: «Ненавижу. Нэнси», – хотелось приписать ей, но это было неправдой. Такого она заявить не могла.

В конце концов, он хоть что-то написал ей, да ещё с обратным адресом: «м-ру Элдреду Норману. Обл. ст. Каппамерри. Округ Бёрсвилль.»

Она выбирала открытку с витрины магазинчика миссис Эдисон с аляповатыми видами источников и на её обороте написала: «Как твоя рана? Моя зажила. Нэнси.»

После чего запечатала открытку в конверт, также, как и он свою. Он ведь в конце концов не послал своё сообщение открытым, чтобы каждый смог прочесть.

И девушка не торопилась отправлять ответ. Её послание было чистым, пока: «Не так у далеко всё зашло, а работы много».

Работы, к счастью, хватало. Она заступила на дежурство, поступили новые пациенты и среди них сын Волта Кромби с бронхитом. Доставили также мужчину с чирьями и ещё одного с заражением пальца.

Констебль Макдональд повредил плечо и локоть, упав с верблюда, хотя уверял, что не падал, а лишь «неловко соскочил».

На его разодранном локте вскочил огромный синяк.

Нэнси обложила его всевозможными компрессами, стараясь держаться независимо, пока Роберт пристально рассматривал её ярко-очерченный профиль и сентиментально вздыхал. Она развязала одну из запасных форменных шапочек для неприкрепленной части, что подвязывалась вокруг головы и держалась сзади, была теперь частью одежды вместо накрахмаленных шапочек, в которых они работали на стажировке. Но мягкие кудри Нэнси выбивались и из-под неё.

– Ну, что же, – начал он, поддерживая повреждённую руку. – Кажется, всё в порядке.

– Хорошо, что кость не задета. Не напрягайте её, пока не спадёт опухоль.

– Думаете, больше ничего не надо? – и огромный человек стал похож на малыша, который готов отказаться от лишних процедур.

– Это очень болезненно, в следующий раз я наложу Вам новый холодный компресс. На будущей неделе дежурит Стэн, а она – специалист по вывихам.

– А Вы? – прошептал Роберт.

– Просто исполняю обязанности, Роберт, – тепло успокоила его Нэнси.

Он взял её руку свою неповреждённой правой рукой:

– Нэнси, у меня нет надежды? Я всё ещё думаю о Вас...

– Боюсь, что нет, Роберт...

– Вы увлечены тем молодым погонщиком, – заметил он, – Но прошло несколько месяцев.

И я подумал, что у меня ещё есть шанс.

Нэнси снова погладила его руку:

– Простите, Роберт. Правда, простите.

И тут прониклась к нему симпатией. Этот человек не был таким ветреным, как Элдред, и по-настоящему любил её.

Нэнси подогрела немного антифлогистина в жестянке, разложила полученную кашицу на белой хлопковой повязке, отрезала и наложила на шею молодого Кена Кромби, сына Волта.

– Скажешь, когда будет горячо, – предупредила она, закрепляя повязку и коснувшись уголком его груди.

– О-ой!

– Ладно. Сделаю похолоднее. Горячее поможет твоей больной груди.

Стоял запах антисептика, а ткань, разрезаемая ножом, поддавалась как масло.

Миссис Бэйтс прибыла на повозке мужа, запряжённой хилой лошадёвкой, за своей малышкой. Ребёнок был обезвожен и страдал от дизентерии.

Опасаясь «летней диареи», от которой часто страдали дети, Нэнси проконсультировалась со Стэн, и они перенесли кроватку в погреб, где было прохладней. Там было полуподвальное окошко. Они завесили влажной тканью противоположную сторону, защищая малышку от возможного заражения.

Юный Кен пошёл на поправку, что было очевидно, и миссис Бэйтс находилась пока порознь со своим ребёнком (ей предложили вымыться, если она останется в общине со своим ребёнком), когда удаляющийся всадник пришедший со станции по направлению к озеру Эйр на полпути между железной дорогой и Уднатой и трассой на Бёрдсвилль.

В Матуринне жена станционного смотрителя находилась в отчаянном положении, так же занедужив в пути: её родовые схватки продолжались около двух дней, с каждым часом отнимая силы.

– Пройдено лишь около шести миль, – говорил молодой стокмен, приехавший на помощь, – Хозяин беспокоится, что вы не подоспеете на помощь к его жене.

– Если только шесть миль, почему он не доставил её в общину до родов? – заволновалась Стэн.

– Ну, знаете, не сразу. Поначалу всё было нормально. Стэн и Нэнси переглянулись.

– Ехать верхом шесть миль? – не выдержала Нэнси, – Что-то не верится.

– Нет. Верблюжья упряжка? Надо попросить Роберта Макдональда, но дело срочное, а у него и своих забот хватает.

– К тому же Роберт и сам сейчас болен, и ему нельзя шевелить рукой.

Миссис Бейтс с интересом слушавшая их беседу вставила слово:

– Можете одолжить нашу повозку, – предложила она, – Берите, если справитесь. Транспорт для этой местности подходящий. А я пережду здесь...

– Я провезу вас по трассе, – порывисто сказал молодой человек, – Так что вы даже не почувствуете, как доберётесь к пойме озера Фром.

– Там есть вода?

– Сейчас нет. Надо взять с собой запас. На станции хороший колодец. В зелёной воде из скважин много соли и её нельзя пить.

– Ладно, – живо отрезала Стэн, – Нам лучше наскоро упаковать медикаменты, пока не поступили новые пациенты. Миссис Бэйтс и сама может присмотреть за своей дочкой в наше отсутствие. Значит так... Надо взять морфий, хлороформ, гиацинит гидробромида, и наверняка понадобятся щипцы и расширители. Но ситуация мне не нравится.

– Я возьму лошадь и запрягу коляску, – сказал молодой человек, которого звали Люком, – как только всё будет готово, поедем.

Когда констеблю Макдональду поведали о предстоящем путешествии, он расстроился:

– Хотелось бы сопровождать вас, – отозвался он, – Отсюда выезжать лучше как обычно, а то заблудитесь, да ещё по такой жаре. Обещайте, что при малейшей проблеме будете делать

остановки и старайтесь не выходить без надобности, а то раньше времени израсходуете всю воду.

– До Матуринны нас будут сопровождать, а потом мы будем следовать привычной трассой, – пообещала Нэнси, – не беспокойтесь, Роберт.

– Как долго вы задержитесь?

– Трудно сказать, – вступила Стэн, – если начнётся жар или лихорадка, можем задержаться и дольше.

– Если вас не будет больше десяти дней, я организую поиски. Пополнить запас воды можно на буровой у озера Летти, так что можете быть спокойны. Но не вздумайте её пить, она солёная.

– Мы запомним.

Они выехали рано утром, день обещал быть жарким.

Нэнси правила лёгкой двуколкой, крепко сжимая вожжи в нежных руках.

Дома она частенько просила у матери разрешения везти повозку.

Молодой человек ехал верхом впереди, то и дела поджидая их и поглядывая в их сторону из-за песчаных насыпей.

Трасса по большей части была каменистой, заполненной причудливой галькой с озера Эйр от ядовито-розового до багровых оттенков.

Трасса была узкой, в аккурат для верблюжьих упряжек одиноко перевозящих шерсть из Матуринны до железнодорожной станции.

Тощий жеребец, которого они прозвали Горацием, бежал крупной рысью по грубой местности.

Солнце поднялось выше, жара усиливалась, и Нэнси со Стэн всё чаще прикладывались к деревянной фляжке с водой, пристроенной в центре их двуколки. Фляжка вмиг опустела.

Они остановились и извлекли из четырёх двухгаллоновых фляжек, которыми снабдил их Роберт.

Пришлось остановиться у колючих зарослей с печальным исходом, так как большая часть пути занимала бледная растительность, и они решили, что коню пора передохнуть

Тут же мелкая чёрная мошकारа тучей налетела на них, залепляя рот и глаза. И девушки поспешили снова запрячь коня, повернув туда, где их ждали, держа одной рукой поводья, а другой отбиваясь от назойливой мошकारы, прощальным салютом хлопая себя по щекам.

Конь плёлся из Матуринны целые сутки, но вопреки спешке, Стэн и Нэнси остановились на закате у озера Летти, чтобы напоить коня, попить самим и поджарить мяса, в общем утолить жажду и голод. Коню задали торбу соломы.

Уже полпути было пройдено, и около полуночи они проложили путь по прохладной ночной пустыне. Луны не было, но они ориентировались по теневым силуэтам наездников (пути было совсем не видно) при свете звёзд слабо ограждающихся в земной гальке. Звёзды горели призрачно-голубоватым светом, а Млечный путь причудливо пересекал всё небо.

Утром они подъехали к краю песчаных барханов. Ряды красноватых и розоватых барханов были направлены в разные стороны – с севера на запад, возрастая ближе к станции, обдаваемые ветром, а самые дальние тонули бледными островками в голубых миражах.

Барханы, длинные и низкие, но не более чем двести футов в высоту. Когда один из них попадался им на пути, они обнаруживали, что его лучше объехать в диаметре, и решили попробовать пересечь вершину, которая чаще разносилась ветром.

Сбавляя скорость, с которой они ехали, выпив вчерашнюю воду, пока ещё могли бы умываться тёплой солёной водой озера Летти, они запаслись лишь другой водой к завтраку, умыться и почистить зубы, и протирали лицо и руки влажной тряпкой.

Вода во второй фляге была предназначена для чая. В двадцати милях от центральной изгороди можно было заметить фермерскую усадьбу, если успеть к ней до полудня.

В Матуринне не держали другого скота, кроме овец, но так далеко они не видели ни одной.

А теперь Стэн обеспокоено подумала: «У бедной женщины уже третий день схватки... если она ещё жива.»

Глава четырнадцатая

В усадьбе стояла зловещая тишина безо всяких признаков жизни. Беленький небогато крытый домик терялся за садовой изгородью и зеленеющими неподалёку кустами и пальмами, даже огород орошался сверху. Но за пределами забора было пусто, изрытая пустынная глина, пыль да камни.

В сотнях ярдов то забора тянулись убогие горбики, груженные тюками и флягами, держась вместе. Тёмная фигура отделилась с одной стороны и предстала полненькой аборигенкой из племени лубра с светлом хлопковом национальном платье.

– Хосайке совсим худо, – заговорила она, подходя и поддерживая лошадь под уздцы, – я сказала Молли. Мы стараемся ей помочь. Ребёнок не выходит.

Ещё одна тёмная фигура отделилась от построек назад, и абориген-полукровка в штанах в обтяжку и рубашке открыл ворота и повёл лошадь к его не распряжённой.

Стэн подхватила свой чемоданчик с их телеги], а Нэнси с аборигенкой перенесли сумки на другую сторону.

Роженицу они обнаружили в сумрачной спальне, при ней дежурил её муж, протирая лицо влажной тряпкой.

Её жидкие каштановые волосы прилипли ко лбу, а глаза смотрели отрешённо, потемнев от боли. Из груди вырывался слабый стон.

Едва осмотрев опытным взглядом выпуклый живот и бледное измождённое лицо бедняжки, Стэн чуть не выронила чемоданчик из рук.

– Миссис Джексон... мы здесь, чтобы помочь Вам, – утешила она, – Это – сестра Маклин, а я – сестра Честертон.

Пациентка раздражённо повернулась на влажной подушке.

Мистер Джексон встал. Он был высоким, темноволосым, широкоплечим, а его давно не бритое лицо украшала иссиня -чёрная поросьль.

– Кажется, её боли прекратились, – прошептал он, пожимая сёстрам руки, – всё без изменений.

– Где можно помыть руки? – спросила Нэнси, – Мы сделаем всё, что в наших силах!

В тёмную спальню с закупоренными окнами напротив центра мистер Джексон принёс жестянку с горячей водой и кувшин с холодной, поставив всё рядом с расписным фарфоровым тазиком для умывания.

Стэн оскалилась на Нэнси:

– Может, ребёнок уже мёртв. Схватки прекратились, и если не возобновятся, малыш сгниёт в полости матки. Тогда неизбежно и заражение матери.

Пятеро ребятишек Джексона в возрасте от трёх до одиннадцати лет в неоднократно перешитой одежде играли на веранде, зная, что их мама больна.

Осмотревшись, Нэнси заприметила, что старшая девочка прихрамывает. Все детки с мягкими как солома волосами были худы.

– По-моему, всё может прояснить только кесарево сечение. Если перевезти в больницу, – бросила она в сторону.

– Да, но это уже...

Стэн переделась в чистую белую форму, принесённую с собой в клеёнчатой сумке для журнала и не казалась запылённой.

Только вытерлась, и девушка, сжав зубы, расправляла её:

– Ладно, пошли! – скомандовала она.

В течение непрекращающейся борьбы Нэнси остановилась, чтобы стерилизовать инструменты, принесла кипяток в чайнике и смочила им тряпки.

Когда Стэн попыталась надавить на выпуклый живот, женщина очнулась и вскрикнула. Она уже приготовилась к смерти.

– Миссис Джексон, Вы должны помочь мне. Потужьтесь как можно сильнее...

– Нет! Снова заболит, – снова заплакала она.

– Ну, чуть-чуть. А если будет неважно, мы дадим Вам немного хлороформа, – и она принялась массировать тугой живот.

– О-ой! Ай! Пресвятая Дева, Матерь Божья...

Схватки возобновились двумя сильными толчками. Миссис Джексон стонала:

– Боже, помоги мне!

Стэн кивала, а Нэнси подавала ватку с хлороформом, но едва заметно.

– Она переутомилась. Надо подтолкнуть, – констатировала Стэн

Схватки больше не повторялись. Стэн, введя расширитель, заметила, что матка повреждена, и лишь тогда взяла в руки щипцы.

Нэнси придвинула хлороформ, но миссис Джексон была в обмороке.

Стэн приготовилась использовать все возможности, как в случае с миссис Бэйтс в Херготт Спрингс.

И как только показалась головка младенца, она знала, что сделала всё возможное.

Личико младенца было иссиня-чёрным. Зажав щипцами, она помогала малышу идти. Головка была слишком большой.

– Я надрежу промежность, – сказала она, – Надо будет наложить швы...

Когда всё было позади, они оставили миссис Джексон под хлороформом, пока Нэнси (которой в этом не было равных) наложила несколько швов, используя кишечные ткани животных.

Стэн позвала мистера Джексона, держа его младшего сына завёрнутым в тёмную тряпку.

– Он умер, сестра?

– Да. Советую похоронить его, пока Ваша жена его не увидела. Он умер уже в утробе.

– А жена?

– Поправится.

Женщина была так слаба, что Стэн пришлось убирать плаценту вручную. Оставалось только всё очистить.

Открыв глаза, миссис Джексон спросила о ребёнке.

– Простите, уважаемая. Он не выжил. Роды слишком затянулись.

– Он? Значит, был мальчик? Знаете, я так тяжело носила его, – и она закрыла глаза.

Нэнси умылась и вымыла руки. Вроде они не изменяли ей, пока она перестилала постель и передевала забрызганную кровью сорочку.

Пришло время мистеру Джексону увидеться с женой. Если не брать во внимание её бледное лицо и тёмные круги под глазами, то ничего в спальне не напоминало о смертельной схватке с природой, результатом которой были покойный и раненая.

Вечером они пообедали с мистером Джексонем, отведав горячей бараньей ножки, приготовленной аборигенкой Джуди, которая первой встретила их здесь.

А хозяин, как они заметили, до сих пор не побрился. После того, как пошла по второму заходу,

Джуди малость приуныла, разнося по хижинам аборигенов горячий чай и кухонную утварь.

– В этих хижинах должно быть ужасно жарко, – заволновалась Нэнси, – Комната располагается внутри.

– Я бы так не сказал. Я никогда не был внутри ни одной из них. Но без сомнений в таких хижинах нелегко.

– А жалованье аборигенки получают?

– Не всегда. Им выдают чай, сахар, табак, продукты для них и всей их семьи, по куску мыла и по комплекту своих платьев на год. Вот и всё, что им нужно.

– А мужчины-аборигены? – встала Стэн, – Полагаю, им-то Вы по-хозяйски оплачиваете их работу?

– Иногда. Им выдают штаны, рубашки, ботинки для верховой езды, табак, лакомства и кусок парной баранины. О большем здесь и мечтать нельзя. Мы кормим их отродье как надо!

– Но ведь они хорошие работники?

– Ага... в седле, кажись, хорошо держаться. А полукровки так вообще отлично, чего не скажешь про черномазых. Их так и тянет уйти и оставить хозяйство.

Нэнси заметила, как зарделось лицо Стэн, которая с шумом отложила прибор. Подруге захотелось сменить тему, но Стэн уже заговорила с угрозой в голосе:

– Вы в Австралии, мистер Джексон!

– Что? Что такое?

– Я о «черномазых». По-моему, австралийские аборигены не являются негроидами. Но даже если и так...

– Чёрт возьми! Но ведь и не белые же?!.

Нэнси тактично отвела разговор:

– А сколько овец приходится на один акр? – спросила она.

– Не больше десяти акров на овцу, – сухо усмехнулся мистер Джексон, – Здесь и одна овца на акр – роскошь. Не то, что прежде. Мы еле держались в ожидании дождя. После сильной засухи 1902 года.

Он впал в угрюмое молчание, и Нэнси, и Стэн больше ни проронили ни слова, а лишь как можно скорее расправлялись с фруктами и пудингом.

Покончив с обедом, они предоставили грязную посуду на утро молодым служанкам-аборигенкам.

– Хорошо, что мы успели, – говорила Стэн на другой день за утренним чаем, который подала им Молли, застенчивая, слишком полная аборигенка в оранжевом платье, – Но мне бы хотелось...

– Ты же сохранила жизнь матери, – встала Нэнси, – Ребёнка уже нельзя было спасти. Было уже поздно...

– Да... Тут уж ничего не поделаешь. Никогда не выйду замуж, – выпалила вдруг девушка.

– Думаю, что со временем ты изменишь своё мнение. Когда-нибудь. А нынешние события только присказка. С мистером Джексоном я согласна лишь наполовину.

– Но они абсолютно ни в чём не уверены. И я не думаю, что было бы лучше...

– Ладно, я после поговорю с ней об этом.

Она перекинулась предварительной беседой с пациенткой. Миссис Джексон, ещё слабая после недавних испытаний, натянута улыбнулась.

– Да, я многое могла предположить. И заикнулась однажды об этом мужу... Но он решил, что во-первых, это противоестественно, а во-вторых, противоречит религии.

– Противоестественным для Вас было рисковать своей жизнью и жизнью ребёнка, не осознавая другой возможности, да и семья ваша не так мала. Такие препараты можно выписывать по почте из Аделаиды.

– Тогда бы и скорой помощи не потребовалось. Только почта приходит всего раз в месяц с небольшим до Херготт или Финисс Спрингс.

– А нужно как можно скорее. А то надолго останетесь инвалидом, даже если швы заживут.

– Хорошо, сестра. И передайте мою благодарность за всё сестре Честертон. Без неё меня бы уже не было.

– Разумеется, Вам следует поблагодарить сестру Честертон. Она очень умелая.

– Да. Я хочу преподнести её небольшой подарок. В верхнем ящике... в отделении носовых платков.

Нэнси выдвинула ящик с рукоделием и принесла его на кровать.

Миссис Джексон вытащила платочек, расшитый по последней моде крошечными розовыми бутончиками и голубенькими незабудками в уголке.

– Не могли бы Вы передать ей вот это?.. А Вам...

– Нет-нет, ничего не нужно. Я отчего-то всегда теряю носовые платки. А Честертон по достоинству оценит Вашу работу. Она немного устала, и я предложила ей прилечь. Ведь завтра утром нам надо выехать до жары.

Но жара на следующий день стояла уже с утра. С северо-востока дул ветерок, не приносящий никакой прохлады, не спасала даже испарина.

Мистер Джексон наполнил их бурдюк и флягу свежей колодезной водой и попросил Люка сопровождать девушек.

Нэнси и Стэн подумали, что он проводит их дальше за озеро Летти, но Люк, проскакав за последнюю неделю дважды по скучной трассе, отказался пересекать её снова.

– Теперь вы в порядке? – спросил хозяин, невзначай стягивая поводья, когда они невзначай проехали по центру Матуринны в поле зрения поймы Фрома.

Тут с противоположной стороны путь обрамляли розоватые барханы, располагаясь как попало.

– Вот так вам и ехать обратно, – показал он, когда всё стихло – вам – на юго-восток. Держитесь правой стороны Фрома, только не перепутайте с другими руслами, а то попадёте в зыбучие пески, но если ваш путь сложится удачно, увидите разветвления русел.

– Да, наверное... – уверенно начала Нэнси.

– Нам трудно заблудиться, – закончила Стэн.

– Трудно. Только направляйте коня позади, и он вспомнит путь. А когда сильно обеспокоитесь, поднимитесь на ближайшую вершину холма и увидите пойму озера Летти. Её и держитесь до самого Херготта.

Стэн и Нэнси осмотрелись.

Обеим хотелось доказать, что женщина способна выжить в пустыне так же, как и мужчина.

– Мы сделаем, как нужно, – кивнула Нэнси.

– Всё будет в порядке, – подтвердил Люк, разворачивая коня назад, – Трасса спокойная.

Нэнси подобрала поводья и направила Горация. Казалось, тот шёл с неохотой, хотя и неплохо отдохнув на станции. Прижав уши, конь вскинул голову, оглядываясь на лошадь, которая шла рядом.

Нэнси подогнала его. Стэн ещё чувствовала себя утомлённой после напряжённой ночной смены, так что они устроили привал среди розоватых и желтоватых барханов, как только день обернулся жарким полднем.

Отдохнув в слабой тени и накормив коня, они чувствовали, что надо поделиться с ним и водой, хотя и прошли не так далеко.

Они наскоро перекусили холодной бараниной с хлебом домашней выпечки, захваченной со станции и несколькими спелыми помидорами. О масле в такую жару и говорить не стоило.

– Знаю, что настоящие бушмены всегда кипятят воду, – сказала Стэн, – Но я предпочитаю холодную. По-моему, в такую жару не до костра.

– По-моему, тоже. – Интересно, какова температура воздуха?

– Наверное, около 115° F в тени. А уж на солнце... И думать нечего.

Оправившись от сборов, они заметили небольшие норки, теряющиеся в песках, проделанные тушканчиковыми мышами или ящерицами, а может – и это наводило на беспокойство – ядовитыми змеями.

– Надо отправляться, как можно скорее, – сказала Нэнси, – День будет жаркий.

Они увидели, как рыжее солнце садилось над высохшей поймой южной части озера Эйр. Небо было ясным и чистым, а его голубизну слегка оттеняли рыжеватые оттенки, сходясь в зените в серый цвет. Первые звёзды озаряли эту гладь сияющими точками.

– Мы могли бы путешествовать ночью, ориентируясь по Южному Кресту, – заявила Нэнси, – Меня этому отец научил. Надо представить длинную линию от Креста, разделив точки и представить линию в правом углу, там, где две линии пересекутся, и есть Южный Полюс.

Когда расположились под походными простынями, и сияющее ночное небо распростёрлось над ними, Нэнси добавила:

– Правда, романтично? Будто мы в центре Вселенной, и всё это наше!..

– М-да... Только мне больше по душе огни нашего жилища.

– Слушай, где твой неутомимый дух? – вознегодовала Нэнси.

– Не знаю... Мне почему-то не по себе...

Гораций застучал копытом и жалобно заржал. Его не запрягли, но и не спутали ему ноги, привязав к маяллу, где он мог попасться. Ночью поднялся сухой ветер, а на утро верхушки барханов «закурились», дымя тут и там с востока на юг.

– В конце концов, ветер и нас настигнет, – говорила Стэн, помогая Нэнси с упряжью и погрузкой повозки.

Они попили, протёрли влажной тряпкой запylённые лица.

Нэнси хотела напоить и коня из второй фляги, но Стэн решила, что разумнее подождать с этим, так как запас воды невелик, да и до источников добраться можно лишь к вечеру.

– И тогда наконец мы сможем искупаться в тёплой воде... И даже без одежды.

Не успев расцвести, утро обожглось зловещим облаком, выглянувшем на путниц: грозно надвигалась оно по небу волна пыли, разрастаясь как дым, и шла прямо на них.

– Чёрт! Песчаная буря!

Они уставились друг на друга покрасневшими глазами. Конь всё ещё плёлся по дороге, вытянув голову. Но внезапно путь закончился, оказавшись полностью погребённым под слоем рыжего песка. Конь остановился.

– Лучше переждать бурю, – сказала Нэнси, – Дороги всё равно не различить.

Нащупав позади флягу с водой и переполненный бурдюк. Она притянула их к себе.

Первое, что взбесило девушек, это песок, забившийся даже в рот.

– Дать бы хоть галлон воды бедному старому Горацию. На него все наши надежды.

– Можно... Наверное, стоит отвязать его.

– Дёргается на привязи. Ничего не поделаешь.

Лучше снять с него хоть часть упряжи.

Тогда он сможет прилечь, защищаясь от ветра. Потом они загородили заднюю часть повозки огромной простыней, спасаясь от колющего песка. И тут же откуда-то на них обрушился рой мелких мошек.

– Вот негодные! – проворчала Стэн, – Вас только здесь и не хватало! Но больше обе не проронили ни слова.

Их рты пересохли и обессилили сразу же после нападения на них мошкары.

– Неужели, это когда-нибудь закончится, – еле вымолвила Нэнси, – Может, нет? Только бы добраться!

Стэн ничего не ответила. Лишь её крупные зубы выдали усмешку.

Глава пятнадцатая

В ту ночь они спали беспокойно. Горячий удушливый ветер затих к полуночи, и прикрывавшая их простыня на время успокоилась, мерно покачиваясь.

Казалось, воздух в мгновение ока очистился. Стэн достала две кружки изумрудного цвета и принесла обеим воды. Девушке показалось, что влага не пройдёт сквозь их пересохшие от пыли рты, всё ещё заставляя испытывать жажду.

Ветер снова поднялся.

Почуввав воду, Гораций жалобно заржал. Ему тоже хотелось пить. Но кружки воды ему бы не хватило. Оставалось лишь ждать.

– Надо выехать засветло, – сказала Нэнси, – Тогда напоим его у озера Летти.

В воздухе царил гробовая тишина. Сам воздух был мягок, но в нём дышалось пылью. Поначалу казалось, что солнце никогда не взойдёт, но, выйдя по малой нужде за тележку, Нэнси заметила его выплывающим с востока. Бледный призрак солнца выглядел мутнее луны из-за пелены коллоидной пыли. Гораций оставался спутанным.

– Стэн! – еле вскрикнула в волнении Нэнси, – Конь пошёл!

Обе выскочили из укрытия с дикой скоростью. И причиной тому была вовсе не жажда.

Горация снова потащило по мягкому песку, в котором увязли колёса двуколки, как раз по пути к озеру Летти.

Весь дальнейший путь полностью завалили новые барханы.

– Он может порвать поводья, – заметила Стэн, – И направится к источнику, где когда-то была вода. Пожалуй, это далеко.

Они уселись, внезапно почувствовав, как их ноги свело от холода, а это представляло угрозу в данной ситуации чуть позже и фляга с водой опустела, а пополнить её можно только в ближайшем источнике, а тот далеко.

Девушки скудно позавтракали, вяло прожевав чёрствый как камень хлеб.

Едва они закончили, ветер поднялся снова. И уже вскоре их занесло непроницаемым облаком песка и пыли. Они просочились под телегу за последней флягой воды, защищая свои спины от колющей атаки.

Воздух был раскалён как в топке, должно быть и температура его превысила сто градусов, а ведь день только начался.

– Может, Гораций завернёт в Херготт, и нас найдут?.. – предположила Стэн.

– Да, Роберт предупреждал, что бы мы приостановились, если что. В конце концов, хоть в какой-то тени переждём.

– Видел бы он тебя сейчас!.. Волосы – как у рыжей ведьмы, а рот вымыт лишь питьём из кружки, а всё лицо до глаз покрыто пылью...

– Никогда не думала, что так долго его не увижу. Если бы он появился теперь, я бы поцеловала даже его верблюда!

Лицо Стэн расплылось в улыбке под рыжим налётом пыли. Они как могли, утешали друг друга, чтобы не поддаваться панике. Чуть погодя, Нэнси тихонько произнесла:

– Гораций сюда больше не вернётся. Может, найдёт источник? Там и подкрепится.

– И мы выйдем. Как только поутихнет.

Девушки протёрли губы и лица уголком влажной тряпки. Кожа казалась пересохшим пергаментом. А волосы наэлектризовались.

Ветер не утихал всю ночь и половину наступившего дня. Оставалось совсем немного воды на ночь и утро, не больше кварты. Две пинты. Четыре чашки.

В полдень путницы вострепнулись и выползли навстречу солнцу.

Небо побледнело, слегка припорошённое голубой дымкой. Намётённые барханы запылили следы коня. Не сбиться с пути можно было только по солнцу. Отличая восток от юга, высохшую пойму Фрома и поросль вокруг него. Но как надолго? Ночью снова можно сбиться с пути. Сколько им ещё двигаться по этой жаре?

– Роберт предупреждал о привале.

– Он придёт на поиски не раньше чем через десять дней после нашего исчезновения.

– А если Гораций вернётся домой?..

– А если нет? Мы загнёмся здесь без воды.

В полном изнеможении они снова уставились друг на друга. Пустой горизонт, безлюдная степь, несколько еле живых, обломанных ветром деревьев, чуть приукрашавших этот край и бесконечные розоватые барханы, один из которых наводил на них тоску, сливаясь с холодным голубоватым миражом.

На западе одиноко выделялась вершина холма – «шатрового холма», холма «прыг-скок», как его здесь прозывали – остаток древней долины, ныне совсем исчезнувшей, от уровня существующей долины до уровня моря.

– По возвращении Люк рассказывал, что, если подняться на холм, можно обнаружить источник, – вспомнила Стэн, – В конце концов, мы знаем, сколько до него идти. Побудь здесь. А я попробую взобраться на холм. Я успею до заката, если доберусь до воды.

– Пойдём вместе, – предложила Нэнси, внезапно испугавшись остаться одной в этом жутком пустынном месте.

Нет, не жутком. Просто равнодушном. Человек здесь вроде жалкой букашки становится жертвой неизвестно чему живым или мёртвым. Землю это будто и не трогало вовсе.

– Нет. Оставайся здесь среди песков, аукнешь мне. Если что.

Стэн выпила полкружки воды через шёлковый шарфик, повязанный вокруг шеи, и присела. Через мгновение шарфик был сухим.

Нэнси рассматривала фигуру Стэн, скрытую длинной юбкой, мелькающей среди барханов и её соломенную шляпку; тогда ещё колдобины были удобнее, пока та подбиралась к вершине холма.

Вот она поднимается.

На полпути Стэн споткнулась и присела на выступ скалы. Эти скалы не были отвесными, они опоясывали вершину пышной оборкой.

Должно быть, Стэн тяжело было подниматься из-за жары. Надо было дожидаться утра. Но каждый день убавлял силы.

Можно было идти вечером, ориентируясь по звёздам, если бы они знали дорогу.

«Наверное, уже выше ста двадцати градусов, – подумалось Нэнси, – Жаль, что термометра нет».

Измученная жаждой, она всё же ждала возвращения Стэн с надеждой на лучшее, на последний глоток.

Стэн прошла колдобины, увязая в мягком песке. Внезапно она изменилась в лице и напряглась.

– Стэн! – вскрикнула Нэнси, но вернулась и схватила флягу, испугавшись света.

Она подхватила распростёртое тело Стэн и приподняла с песка её голову.

Глаза были широко раскрыты, а лицо пылало, открытый рот забился песком.

Нэнси выплеснула часть драгоценной воды ей в лицо и рот. Стэн вздрогнула, и сознание вернулось в её взгляд.

Она попробовала поднять руку и указать, но не смогла.

– Скважина – не так далеко.

Ее глаза снова остекленели. Нэнси нащупала ее пульс. Учашённый, но слабый, а кожа высохла и горела огнём.

«Перегревание организма с крайне высокой температурой тела, – припомнились ей слова из полузабытого учебника, – В таких условиях температура тела может повыситься к 107° F... полное прекращение потоотделения; при 95° F; потоотделение становится единственным средством спада высокой температуры тела... В серьезных случаях, смерть часто...»

– О, Боже, не дай ей умереть!

Она сняла голову Стэн на коленях:

– Честер, скажи что-нибудь, поговори со мной. Ты меня слышишь?

При такой температуре следует ограничивать физическую деятельность...

Конечно! Она ни за что не должна была позволять Стэн подниматься. Стэн лежала неподвижно, шумно и быстро дыша.

Ее глаза оставались открытыми, но невидящими. Она что-то бормотала. Похоже, что «Голова болит...»

– Стэнси, ты можешь встать, если я поддержу тебя? Я попытаюсь помочь тебе.

Песок всё ещё горел от дневной жары, поскольку солнце спустилось за ясный горизонт.

Под двуколкой попрохладнее.

Она подхватила Стэн за плечи и потащила её, пытаясь постановить на колени. Но ноги той не сгибались, а Нэнси безудержно шатало.

Девушка набрала полный рот воды от фляжки и в отчаянии выплеснула на подругу. Она поняла, что не сможет перетащить её. Протащила бы чуть-чуть, но не до конца.

А утром сверкающий рассвет увеличит жару.

Нэнси вернулась к двуколке и собрала их плащ-палатки. По крайней мере, мошки исчезли.

Примостившись позади двуколки, чтобы кое-как поддержать убежище для Стэн, она нашла помидор с огорода миссис Джексон, который, должно быть, выкатился из ящика с провизией ещё вчера.

Не раздумывая, она набросилась на него, ощущая с каждым куском его тёплый сок. Это помогло восстановить силы.

Истощение от жара – нехватка соли – обезвоживание. Она помнила все стадии. Но Стэн, казалось, страдала от лихорадки.

Нэнси пошла назад по горячему песку, волоча за собой необходимые простыни и деревяшку, чтобы сделать носилки.

Сбросив с плеч ношу, девушка стянула с себя блузку, свернула её и положила под голову Стэн.

Стэн так ничего и не ответила.

Глаза её оставались открытыми, а сама она будто впала в кому.

Словно в насмешку ветер, принесший беду, решил закончить своё дело. Ни глотка свежего воздуха из-за жары вперемешку с песком, даже небо стало ещё темней.

Нэнси упала рядом с подругой, должно быть, получив свою долю истощения. Очнувшись она увидела скользящие по небу звёзды – одинокие, неподвижные. Тут она осознала эту тишину. Тяжёлое дыхание Стэн прекратилось.

– Нет! – вскрикнула Нэнси и, вскочив на колени, прислушалась к сердцу подруги.

Всё кончено. Воздух становился прохладнее, руки Стэн похолодели. Нэнси взялась за её запястье. Пульса не было.

Нэнси с воплем уронила голову на песок. Теперь она одна, одна в это мёртвой глуши. Подруга, с которой они были вместе столько лет, умерла.

Умерла. В голове не укладывалось. Стэн всегда была такой сильной. Приласкав остывшее лицо, Нэнси закрыла потухшие глаза Стэн.

Ей не хотелось спать, но пустынный холод убаюкал её сам собой.

Она отпила теперь уже холодной и несвежей воды.

Линия горизонта на востоке померкла, будто золотой луч посинел от холода между унылыми тучами.

Тучи! Может, теперь они принесут дождь. На мёртвое тело рядом смотреть не хотелось. Можно было попытаться добраться до источника.

Но не хотелось оставлять тело Стэн здесь под солнцем, на добычу насекомым и динго... Куском деревяшки Нэнси пыталась вырыть в песке могилу.

Казалось, сама почва сопротивлялась этому.

Встав на четвереньки, девушка начала по-собачьи разгребать песок руками. И вот могила готова.

Только не хотелось хоронить Стэн прямо в песок, даже не закрыв лица. Обернув тело подруги в простыню, всхлипывая и рыдая, Нэнси уложила его в яму и обломком деревяшки засыпала его песком.

И креста нет, чтобы пометить. Если удастся добраться до Херготт, Стэн можно будет захоронить достойнее. Долго ли до источника? По последним словам Стэн, не так далеко.

Нэнси ушла от печального холмика к жизни, олицетворённой двуколкой. Она крепко привязала шляпку шарфиком и достала флягу, в которой теперь оставалось почти полпинты воды. Хотелось смочить блузку, перед тем как надеть, но каждая капля воды была на учёте.

Солнце, изредка проглядывающее сквозь тучи, теперь скрылось в дымке.

Враг, оглоушивший на пути, смягчился, дождь из тонких неподвижных туч не намечался. Всё вокруг потеряло окраску, казалось серым и неприветливым.

Нэнси еле шла, утопая в песке. Справа она заметила ряд высохших деревьев – одна из примет поймы Фрома, но девушка знала, что воды там нет. Теперь она шла потрясённая, с каждым футом всё тяжелее передвигая ноги. Её губы слиплись, и она остановилась выпить половину оставшейся воды, что становилась тёплой.

Солнце скрылось, воздух, хотя и был удушливым. Но всё же не так, как вчера. Но рисковать, теряя влагу, не стоило, и Нэнси продолжала путь начатый Стэн, переживая оставшееся за двоих.

Девушка знала, что с новой бурей ей самой придёт конец. Воздух окончательно успокоился, скрытое облаками солнце давало возможность идти дальше; на той стороне можно было передохнуть в тени двуколки, пока вода утекла, и она погибла.

Ясно вспомнилось наставление Роберта «не отходить от двуколки». Простирающееся лоно озера Летти вселяло в Нэнси только надежду. Обезвоженная кожа девушки обгорела сквозь шифоновый шарфик, повязанный вокруг лица. Нэнси решила отдохнуть в тени чахлого деревца. Она выпила оставшуюся воду – больше утолять жажду было нечем – и выбросила пустую флягу.

Дальше идти сил не было. Дорога впереди выравнивалась. Путница и сама это чувствовала. Однако ей начало казаться, что путь слишком длинный и пологий. Казалось, чем дальше, тем труднее.

Действительно, подъём был опасным, и теперь она поднималась, кряхтя; песчаная кромка, угадываемая вдали. Отбрасывала живительную тень.

Девушку охватила радость. Прохладная вода уже недалеко. Озеро, как она знала, высохло и обмелело.

Нэнси еле плелась вверх, так же и еле поторапливаясь – пересохшее горло давало о себе знать. Вот она и в высохшей пойме.

Вода! Зеленоватая сладкая водица!.. Остановившись на холме, Нэнси почувствовала великое наслаждение, до того она представила сама себя высохшей пустынной ящеркой.

Посреди сухости вода время от времени испарялась, чтобы в жару выйти из земли благодатью. Нэнси никак не могла напиться. Вода была ужасной, тёплой и минеральной. Но какая влага!

Если скотина пьёт такую, почему бы и человеку не отведать?.. Нэнси потащилась назад за бурдюком, в котором оставалась лишь провизия. Кусок чёрствого хлеба ещё с Матуринны.

Нэнси смочила его в источнике и сдавила полученную массу пересохшими губами.

И тут её осенило.

Там остался связанный Гораций. Канал с водой остался внизу. Возможно, ему удалось добраться до Херготт Спрингс, может, эта вода помогла ему добраться.

В завершении, зажав плечом колючий кустарник, густой и колючий, и даже не зелёный, но создающий уверенность, что земля не так пустынна.

Глава шестнадцатая

Нэнси спала, и ей снилось море. Живя в пятнадцати милях от него в Аделаиде, она не сознавала его отсутствия. Во сне Нэнси снова почувствовала себя маленькой девочкой, барахтающейся в хрустально-чистом мелководье у прибрежной станции, где миссис Маклин снимала на лето коттедж.

Её напарница, молоденькая англичанка Рэйчел, приехавшая прямо из Ливерпуля, с трудом верила в прогретый солнцем песок и голубую ширь моря под летним облачным небом. Она устроила лежак из вороха высохших водорослей, что валялись на берегу, как сидящий на мели бурый кит. Их обработали в широком пруду после отлива.

Нэнси топала ножками, рассыпая хрустальные брызги. Песок под её ногами был гладким, извивающимся причудливыми волнами.

Вода так и манила, и девочка набрала её в рот и проглотила.

– Не пей морскую воду, – вскрикнула Рэйчел, – А то с ума сойдёшь!

Нэнси разревелась. Она ведь уже выпила, значит, может сойти с ума!.. Тогда её отправят в закрытый серыми стенами пансион для душевнобольных...

Проснувшись, Нэнси ещё чувствовала солёный привкус во рту и пережитое за последнюю неделю показалось просто страшным сном. И лишь отсутствие Стэн напоминало об этом.

Казалось, что Стэн вот-вот вернётся. Пошёл уже восьмой день с тех пор, как они выехали из Херготт Спрингс.

Небо умылось в безжалостной безоблачной лазури. От голода Алекс почувствовала слабость, да ещё от минеральной воды её прохватил понос. Девушка не бредила, но её охватили странные видения при полном сознании их реальности.

Сначала Нэнси будто вошла в зеленоватое мелководье той оставшейся далеко прибрежной станции, в расступившиеся после отлива прозрачные волны.

Она спорила со своей матерью о погоде, что они могли пойти в Матуринну к оставшимся...

Миссис Маклин возмущалась, что это неразумно, что это «типичное невежество и просто опасно и глупо».

– Но, мама! Эта женщина могла умереть от агонии!..

– Зато умерла Стэн Честертон.

– Д-да...

Миссис Маклин исчезла. Нэнси пристально рассматривала бледно-голубое, в пустынной дымке небо, и вспоминала, как неоднократно молилась в опасности, непроизвольно повторяя: «Господи! Не дай ей умереть!», сидя на песке рядом с Стэн.

Но Стэн всё-таки умерла, и Нэнси почувствовала, что, наверное, уже никогда не сможет молиться.

Вскоре после того, как она пошла за водой, она почувствовала слабость и головокружение.

Тёплая волна охватила её, но не холодом, а горячей водой, вытекающей из раструба, а ещё долго пришлось идти до источника, пока это была прохладная для купания и питья в одиночестве, да и. на вкус вода была ужасной. Начинало саднить горло.

С рассветом проснулись птицы. Поток зелёных волнистых попугайчиков звенел в воздухе, на все лады верещали малюсенькие австралийские птички рыжеватых оттенков.

Да уж, будь Нэнси птицей, голодать бы ей не пришлось, вон как они вьются вокруг. Да даже и ящерицей...

И тут снова вспомнились слова Роберта Макдональда: «Если вы не вернётесь через десять дней, я организую поиски».

А десятый день сегодня или завтра? Мелькнувшая мысль вселила надежду. Девушка задремала под кустом и проснулась от крика. Она привсталала, подумав, что это опять галлюцинации.

Но это было наяву. В повозке запряжённой двумя верблюдами ехал Роберт, а на верблюде рядом ехал Микки. Шеи верблюдов были увешаны бурдюками.

И вот сладкая влага освежила горло Нэнси, а её голод был утолён сырным сэндвичем. И она уже сбивчиво рассказывала, как отпустили Горация, и что Стэн теперь зарыта в могиле.

– Не оставлять же её здесь, – сказала она, – В этой мёртвой пустыне.

– Нет, нет, – утешал её Роберт, – Сейчас мы уедем, а потом вернёмся с гробом на двуколке Бэйтсов и доставим тело в Херготт Спрингс для достойного захоронения.

Нэнси разрыдалась:

– А что с Горацием? – в последний раз всхлипнув, спросила она.

– Он вчера явился в Херготт Спрингс слегка потрёпанным. Ему бы остаться здесь до того, как обнаружили воду и оставался корм. Я был начеку, так как предполагал сильную песчаную бурю. Но все думали, что вы переждёте на её станции.

– Нет, мы не знали. А Стэн в жару поднялась на холм, чтобы поискать источник... и... и...

Роберт взял девушку за руку и погладил её ладонь:

– Не надо сейчас об этом, милая... – и Нэнси благодарно положила вторую ладонь поверх его сильного рукопожатия.

Милый Роберт! Сильный, надёжный!

Рассматривая его статную выправку, она почувствовала к нему что-то похожее на любовь.

И вот она вернулась в Херготт Спрингс. Страшные события были позади, а впереди ждала больничная рутина.

И Стэн никогда больше не откроет своих глаз, и не устремит к ней свой светлый взгляд. Её взгляд потух, а рот навеки закрыл песок.

В прошлом году лениво копаясь на аделаидском пляже,

Нэнси наблюдала, как густо песок забивался ей под ногти и теперь вспоминая об этом, чувствовала тошноту.

О случившемся сообщили по телефону аделаидской миссии. Нэнси не хотелось видеть кого бы то ни было на месте сестры Честертон, она бы и одна доработала, пока их не сменят.

Ей ответили, что преподобный Джон Флайн, организатор и вдохновитель общины аделаидской миссии отправился северным поездом до Херготт Спрингс и Уднатты, может, и в Алис Спрингс заедет проведать общину. В Уднатте собирались организовывать новую, и всё должно было быть под контролем. Оттуда он мог проехать по железной дороге и на почтовом экипаже до Изгиба Подковы, а потом добрых сто двадцать миль на почтовом верблюде до Алис с больной скотиной.

Узнав, сколько он прошёл, Нэнси затаила надежду, что он найдёт время и для погребальной церемонии Стэн...

Нэнси посмотрела вперёд и заметила незаурядного человека, который реально организовывал медицинскую помощь в необжитых районах, построив первые общины миссии, возглавляемой им с 1912 года.

Пока он ехал поездом, девушка познакомилась со скромным вежливым человеком лет тридцати, волосы которого уже начали слегка редеть, с завитком, будто в насмешку вокруг рта и глаз в его исхудалом лице. Он ей сразу понравился. Но Роберт не вернулся из миссии, Нэнси сама спросила Джона Флайна о погребальной церемонии.

– Конечно, уважаемая! Теперь это единственное. Что я могу сделать для той смелой девушки. Мне поговорить с её родителями в Аделаиде?

– У неё только отец. Я уже написала ему. И по-моему, ему будет неприятно услышать это от Вас.

Потом Нэнси рассказала священнику о проблеме Заиры. Пресвитерианец всё же служил Богу, и пообещал поговорить с Ахмедом Али.

Вернувшись, он рассказал, что её отец согласился на брак Заиры с Рубеном, но по канонам ислама.

– Рубен вырос в миссии. И теперь ему придётся сменить христианскую веру на ислам, – грустно улыбнулся Флайн, – Но, думаю, Господь милостив, и юноша сохранит в душе Христа.

Мужская палата была свободна, и Флайна устроили там.

Он любил беседовать, и после чая поведал Нэнси о своих проектах, о создании «Службы милосердия» в необжитых районах, где не хватает докторов и больниц на помеченных на карте станциях и одиночных поселениях.

Священник планировал общины в стратегических точках Западной Австралии, Северных территориях и Квинсленде таких же, как и в Южной с самого начала.

Организатор подумывал об аэропланах и радиосвязи.

Нэнси смогла уснуть лишь около десяти и уже собиралась ко сну, но, пробыв одну ночь до полуночи, она заметила свет в гостиной.

Джон Флайн сидел за справочником и писал. Он говорил, что редко ложится раньше часа или двух ночи, но это не мешает ему вставать рано утром.

Вечером он облачился в жакет, днём ему мешала в этом лишь местная жара, но на нём были жилет и тёмная рубашка с длинными рукавами; карман жилета был увенчан золотой цепочкой его часов.

Миссис Бэйтс забрала свою малышку и вернулась домой на озеро Летти, чувства Нэнси обострились.

Хорошо ещё, что за больничной работой время идёт быстрее, и пациенты приходили толпами, из-за того, что медсестёр не было больше десяти дней.

Но был лишь малыш с большим горлом да старый путешественник с заражением ступни, поступивший утром на смену ушедшим пациентам.

Когда подъехал катафалк с телом Стэн в гробу, Роберт, оставив свою двуколку на улице, пришёл к Нэнси.

– Похоронить можно прямо сейчас, – сказал он, – Учитывая обстоятельства... Я уже дал распоряжения двум могильщикам на кладбище.

Нэнси еле держалась на ногах от слабости. Роберт Макдональд приобнял её:

– Держись, подруга... Хорошо что удалось уберечь её тело от динго. Они порой роются в зыбких могилах...

– Я... не знала...

– По-моему, пора... я произведу прощальный салют, но...

– Замечательно, Роберт. Здесь по делам миссии в необжитых районах преподобный Джон Флайн, служитель пресвитерианской церкви. Он согласился совершить церемонию.

Роберт переменялся. Он решал всё разом: и судебную экспертизу, и регистрацию рождений и смертей, и захоронения умерших, проверял склады, регулировал выполнение закона, помогал аборигенам...

Пожав друг другу руки, они со священником уселись за чай, поданный Нэнси.

Сама же Нэнси ушла в посёлок собирать людей на похороны.

Она обошла всех, кроме Волта Кромби, уехавшего за почтой, начальника почты и начальника станции, встречавших в это время поезд.

Перед свежевырытой в этой жёсткой земле могилой собралась небольшая толпа людей в чёрных шляпах, защищающих также от солнца.

Джон Флайн коротко и отчётливо говорил о погребении.

– Это – первая потеря в нашем рискованном начинании, – говорил он, – Тяжёлая утрата... Но без помощи сестры Честертон и её коллег умерло бы гораздо больше людей.

Священник прочёл ритуальную молитву и при словах: «Пепел к пеплу, прах к праху», Нэнси вспомнила, что зарыла тело Стэн именно в прах, в песок...

Но Джон Флайн предварил погребение чудесной цитатой из Книги пророка Исаяи: «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветёт как нарцисс [...] укрепите ослабевшие руки и утвердите колени дрожащие; скажите робким душею: будьте тверды, не бойтесь... [...] Тогда хромым вскочит как олень, и язык немому будет петь; ибо пробьются воды в пустыне, и в степи – потоки. И превратится призрак вод в озеро, и жаждущая земля – в источники вод; в жилище шакалов, где они покоятся, будет место для тростника и камыша.»

В посёлке не было цветов (а если и были, их погубила бы буря, и Нэнси достала белые маргаритки, высохшие как бумага, некогда украшавшие обеденный стол.

Вместо свежих цветов девушка положила вышитый миссис Джексон платочек с яркими розочками и незабудками, она бросила его на крышку гроба, когда могилу стали закапывать.

После чего отвернулась, скрывая слёзы. Джон Флайн, поддерживая её за локоть, убрал под руку Библию и молитвенник.

Глаза здорового Роберта Макдональда увлажнились, и он подошёл к Нэнси, мягко сжав её ладонь.

Говорить было нечего.

Глава семнадцатая

С каждым возвращением в общину, Нэнси острее чувствовала отсутствие Стэн.

Она просто возненавидела это место за последние две недели. И хотя срок работы подходил к концу – вот-вот должны были приехать новые медсёстры на смену, Нэнси с головой ушла в работу, стараясь передать им больницу по весеннему чистой, несмотря на приближение осени.

Времена года здесь не сильно отличались, были одинаково сухими и ясными, только время от времени чуть холодало.

Нэнси приглашала Макдональда к столу, так как не выдерживала обрушившегося застольного одиночества. Роберт заходил, когда не было дежурства, и всё время осторожно, не назойливо, она понимала, что он надеется вернуть её расположение за это время, поддерживая её в беде и одиночестве.

– Я так виновата, – жаловалась Нэнси, – Не от того, что осталась жива, а её нет. А от того, что как медсестра я могла бы предотвратить ужасные последствия. Стэн всегда была такой сильной... Вот уж не думала!

– Не вините себя, Нэнси, – он сменил полуформальное «сестра» на обращение по имени.

– А как же!.. Уеду из этой глуши, где всё напоминает о её гибели. Вернусь в Аделаиду.

Лицо констебля помрачнело:

– Полагаете, оставаясь в крупном городе, вы сможете оказывать медицинские услуги необжитым районам?

– Нет, не думаю, что останусь там. Но, возможно, я перебралась бы в место, где было бы отлаженное водоснабжение и зелёные деревья. Даже, когда найду новую напарницу. Ведь медсёстры всегда работают в паре.

– А не хотите ли в Алис Спрингс? – предложил Роберт, – Меня туда переводят, – и он взглянул на неё, сдвинув брови и через стол вял её за руку, – Нэнси, хотите поехать туда со мной в качестве моей жены? Подумайте? Это гораздо дальше, но там в достатке воды и деревьев, и более умеренный и ровный в течение года климат.

– Ах, Роберт! Не знаю. Я всерьёз не задумывалась о замужестве.

– Хорошо. Обещайте, что подумаете. Я не тороплю вас. Съездите домой. А если меня переведут в Аделаиду, я навещу Вас.

– Я дам Вам адрес. Но ничего не обещаю.

Упаковав свои вещи, Нэнси собрала вещи Стэн, чтобы отправить их мистеру Честертону в Аделаиду. Как раз с приехавшим из Бёрдсвилля со свежей почтой Волтом Кромби.

Он же передал девушке письмо от Элдред Нормана с Каппамерри. Увидев знакомый почерк и бёрдсвилльскую марку, Нэнси заторопилась в дом, что дрожащими руками вскрыть конверт.

Аккуратные, гладко линованные полстранички обращались к ней бледно-синими буквами: «Милая моя Агния! Очень сожалею о трагедии, которую тебе довелось пережить. Сестру Честертон запомнили многие. Я собираюсь перегонять стадо буйволов и надеюсь застать тебя в течение того месяца, который остался тебе до отъезда. Я понял, что мне тебя не забыть. Судя по твоему посланию, тебе меня тоже. Мы должны увидится. Твой Элдред».

«Ну, ладно! – и Нэнси почувствовала дрожь во всём теле, будто всё забурило внутри. Значит, Элдред Норман не может забыть её!»

Неистово злорадствуя, девушка призвала весь запас гордости и злости. Думал, легко отделается после месяца разлуки?!

Но через несколько дней поезд увезёт её, и он так и не дожждётся её ожидающей его «у загона»:

И – Ах! – дрожит уже слеза
От взгляда за окно...³

Нэнси холодно поблагодарила его за соболезнования в ответном письме, заявив, что немедленно уезжает на Юг, и, может, больше не вернётся. «Не хочу больше видеть это место!» («И тебя!» – хотелось ей добавить).

Проигнорировав его уменьшительное прозвище, девушка подписалась важно – Агнесса Маклин. При этом твёрдо решила покончить с этим пройденным этапом в её жизни.

Хотя и не чувствовала гордости в его прикрытых шлем холодности словах. Но что написано – то написано. Девушка старательно заклеила письмо, так как в этом небольшом сообществе всех про всех знали всё, в том числе и о них с Элдредом. И вышла за маркой, которой не оказалось под рукой.

Проходя по пыльной дороге на почту, она подумала, что могла бы изменить мнение.

Возвращаясь по бесплодной равнине. Минуя великолепные хребты Рэнджерса в узких проходах, пробитых для железной дороги, она остро обдумала их путешествие со Стэн, в противоположном направлении, их первые робкие воодушевлённые порывы на Север страны.

Кто же думал, что возвращаться ей придётся одной?

Стэн похоронена на местном кладбище под каменной плитой, вдали от своего отца, которому теперь придётся ехать к ней поездом из Аделаиды.

Мысли Нэнси прервал на товарный поезд из Порт-Августы, и она принялась рассматривать голубые от дельфиниума горные хребты Лофти, скрывающиеся за горизонтом.

Родители ждали её на станции в Аделаиде. Едва шагнув на платформу, девушка упала в объятия своей матери. Казалось, после всего случившегося произошло много времени, а мать совсем не изменилась. Может, только чуть поправилась, но ни капли не поседела, а открытые голубые глаза сияли как и прежде.

Отец нежно сжимал её в своих объятиях, прижимаясь своими колючими бакенбардами к её щекам.

Родители оставались прежними, но сама Нэнси изменилась, стала старше и опытней той девочки, покинувшей Аделаиду два года назад. По дороге домой в автомобиле они говорили отрывками о трагической гибели Стэн.

– Нам не давала покоя мысль, что и наша дочь могла оказаться на её месте, – взволнованно начала миссис Маклин.

Но Нэнси коротко остановила её, сказав, что не хочет говорить об этом.

– Мне боязно встречаться с её отцом, чтобы передать её вещи, а ведь придётся, – расуждала Нэнси уже дома, глядя на собранные вещи Стэн.

Все вещи, казалось, возвращать было бессмысленно – одежду Стэн она отдала юной аборигенке из посёлка, оставив лишь рабочую форму и головные уборы сестёр миссии. Одна из которых была впору именно Стэн.

Нэнси вспоминала, как они приходили за вещами Стэн, она выходила в своём испорченном костюме из хорошей шерсти: большой трижды обгорелый кусок юбки превратился в пелёнку для младенца, у матери которого не было на это средств.

В духе Стэн было отдать Заире в утешение яркую цветную ленточку, которой та во время дежурства порой подвязывала волосы.

Сидя у постели дочери, Августина Маклин пыталась представить себе, каково это столкнуться в пустыне со смертью и копать могилу для подруги голыми руками...

Содрогнувшись, она изрекла:

³ Цитата из баллады Генри Лоусена «За загоном под откос» (пер. автора)

– Что ж поделаешь? Тебе нужно отдохнуть от этого путешествия. И вообще...

– Не хочу отдыхать! Мне нужно что-то делать, чтобы не думать, уставать за день так, чтобы сразу заснуть.

В противном случае, я, кажется, не смогу заснуть спокойно. Перед глазами так и будет её лицо...

Именно, именно, – упрекала себя Нэнси, падая в объятия матери.

– Бедная моя девочка, – и Августина погладила нежные кудри Агнессы.

Казалось, разлука с дочерью ещё сильнее размягчила материнское сердце, – Что тебе пришлось пережить среди песков и зноя! Как я вижу, ты и телом стала крепче, закалилась, а вокруг глаз вроде и морщинки стали появляться?.. Пока что мелкие... надо регулярно пользоваться холодным кремом, ты скоро придёшь в себя...

– Но я хочу вернуться к работе как можно скорее, как только найду что-нибудь подходящее.

– Что? Снова вернуться туда, где ты никогда не найдёшь приличного мужа?..

– Я не собираюсь искать мужа. Я хочу лишь работать по специальности.

Августина поджала губы и не ответила ни слова. Нэнси не распаковывала вещи.

За окном её как и прежде окружали знакомые аделаидские холмы.

Вон, вершина Осмонд, где она давала клятву медсестры... Как будто полвека прошло.

Нэнси достала чёрно-рыжее пёрышко.

– Какое красивое! – восхитилась мать, – Откуда оно у тебя?

– Пёрышко?! О! Это – подарок! От местного полисмена. Это из хвоста какаду.

– Подарок? Он твой поклонник?

«Да, маменька! – раздражённо подумала Нэнси, – У тебя прямо нюх на подобное. Ну так всё равно не узнаешь ни об Элдредде Нормане, ни о предложении констебля! Вообще ничего.»

– Просто друг.

Через неделю пришло письмо из Херготт Спрингс.

Чувствуя, как загорелись глаза матери, едва та взяла в руки неразборчиво надписанный конверт (Роберт не любил бумажной работы, постоянно откладывая её в долгий ящик),

Нэнси удалилась с письмом в свою комнату и закрыла за собой дверь.

«Драгоценная Нэнси, – писал Роберт; он надеялся написать из Херготт Спрингс, но беспокоился, что будут сложности с переправкой через этот поселок, но городскому полицейскому передать не доверил. Иначе, тот, кто будет служить после меня, будет «связан».

Однако мне скоро уезжать, чтобы прибыть в Аделаиду. Тогда и надеюсь получить ответ на моё предложение, дорогая.»

Нэнси замкнулась, ведь он единственный, кто знал, что ей пришлось пережить, и не только потому, что он её спас, и ей вдруг захотелось связать с ним жизнь. На него можно положиться: он милый, добрый, и она чувствовала себя обязанной полюбить его. Она могла бы подождать и испытать свои чувства по его возвращении. Алис Спрингс стало бы совсем новым и другим местом, и в качестве жены констебля у неё было бы больше возможностей и медицинской практики в необходимых случаях.

Но что – то в её сознании настороженно замолкало.

Нэнси ответила на письмо холодно.

Наслаждаясь мягкой солнечной осенью, с её безветренными днями и едва заметными ночами, девушка почувствовала себя лучше.

Она остановилась в пригородном саду, обрывая перезревший мускатный виноград, выглядывающий из-за забора.

Ягоды были и золотисто-коричневыми и зелёными, а на вкус напоминали кишмиш. Большинство ветвей онемело от пересыхания коры, опустело от птиц и пчёл.

Совсем как она поначалу, вернувшись из поездки опустошённая и жаждущая, как душевно, так и физически.

Хлопнули ворота, послышались шаги по крытой гравием тропинке и поворот задней двери. Нэнси с болезненным страхом реагировала на добродетельных посетителей. И тут услышала давно знакомое:

– Агния!

Она обернулась. Эдред Нормана собственной персоной Нэнси меньше всего предполагала здесь увидеть.

– Ты? – чуть не задохнулась она.

– Да, я. Я не писал и не звонил, так как ты не хотела встречаться. А когда по приезде в Херготт Спрингс узнал, что тебя нет, сел на первый же поезд. И вот я здесь. Девушка остолбенела, не в силах шевельнуться.

Бессознательно выплюнула она непрожёванную виноградную шкурку...

И вот она уже в его объятиях, ощущает себя под напором его мужской силы.

Мгновенье, страстный поцелуй, и она уже не могла сопротивляться, вся её настороженность притупилась.

Эдред довёл её до садовой скамьи в тени изгороди. А что если мама выглянет в окно...

Но Нэнси это не беспокоило. Её переполняла радость, о которой она чуть не забыла.

По традиции крупного города Эдред не носил шпор, но всё же умудрялся выделяться из толпы в облегающем жакете и светлыми узкими брюками. И кажется, приобрёл новую широкополюю шляпу.

Миссис Маклин была очарована этим представительным бушменом.

Высокий, широко улыбающийся, тот поведал ей о собственной скотоводческой станции отца, и в глазах Августины он обрёл чуть ли не аристократический статус.

– Полагаю, ваше состояние одно из крупных, мистер Норман, – спрашивала она, разливая чай.

Шляпа Эдред в этот миг целомудренно скрывалась под креслом. А слишком длинные ноги даже подогнутые под столом не портили его облика.

– Здоровенное. Около пяти тысяч квадратных миль.

– Квадратных миль? Сколько же вы держите скота?

– Тысяч тридцать голов, но из-за засухи пришлось зарубить многих. Сейчас скот слаб для перегона, и его лучше не трогать.

Я, знаете ли, ещё ни разу не перегонял стадо по-настоящему, – взглянул он на Нэнси, представив, что мог бы отдать себя совсем) – Возьмите хоть поезд, нагруженный шкурами.

– Овцами вы так же занимаетесь?

– Не совсем. В крупную засуху пятьдесят тысяч потеряли. В засуху даже кролики дохнут.

– Мама, Каппамерри – край каменных степей и песчаных дюн, – вставила Нэнси, – На одну скотину много акров не нужно. Не догадываешься, что за опустошение, пока не увидишь берег канала... Говорят.

Это самая обширная засуха с 1902 года. Но если бы ты видела край после дождя! Просто – расцветает «как нарцисс»! За каких-нибудь три-четыре дня каждый бархан покрывается цветами красными, розовыми, жёлтыми, лиловыми... И все каменистые степи покрываются солонцом и маргаритками.

– Но дождя приходится ждать по три года...

– Кроме новых песчаных бурь. Но там, где Кунинбиенга впадает в Диамантину – природная вода. И на все оставшиеся кулабы и низкорослые эвкалипты прилетает тысяча птиц. Усадьба на холме поднимется над этим уровнем.

– А что бывает, когда Диамантина выходит из берегов?

– Тогда мы становимся отрезанными от Бёрдсвилля и обычно держим связь через Бету. Хотя вода широко разливается.

Нэнси знала, что эта живописная деталь была ей на пользу.

Ей показалось странным добавление «Хотя...»

Это казалось квинслендским диалектом.

– А как надолго Вы в город, мистер Норман?

– Называйте меня Элдредом. Я тут ровно настолько, сколько потребуется, чтобы уговорить Нэнси выйти за меня.

Нэнси уставилась на него. Однако отметила, как он выигрывал в глазах её матери. Миссис Маклин готова была принять его как сына, которого у неё никогда не было.

– Вполне достойный выбор, – рассказывала она мужу наедине (тот уезжал по делам, и не смог встретиться с молодым человеком, просящим руки его дочери), – Я всегда говорила, – наигранно добавила она, – Что в отдалённом районе Нэнси скорее найдёт себе мужа. Там не так уж и много привлекательных девушек.

– Гм. Приберегу благословение, пока сам не увижусь с этим парнем.

Сама Нэнси сначала отвергла предложение Элдреда, но не смогла забыть его, и лишь после жесточайших разборок, понемногу оттаяла.

Но тот знал, что ужасы края, всё-таки притягательны своей необъяснимой красотой, и понимал, что пришлось пережить девушке в её нелёгком путешествии.

А что если бы они не встретились в саду, он бы представился матери, разговаривая на банальные темы в мастерской.

У неё было бы больше времени противостоять ему.

– Ты слишком много на себя берёшь, – не унималась Нэнси, – С чего ты решил. Что я готова к замужеству?

– Да я же давно спрашивал... Я подметил впечатления местных... И что дружбан положил на тебя глаз. И так сэкономил время.

– Но ты потерял его в прошлом году.

– Знаю. Я обезумел. Знаешь. У меня всегда был какой-то жуткий страх оказаться под каблучником, быть повязанным на всю жизнь. Девушек люблю, а связываться боюсь.

– Заметно.

– Когда я получил твою открытку, подумал, что всё-таки нехорошо. Но я не смог выкинуть тебя из головы. Хотел было снова написать, но мне и это не слишком даётся.

– И это заметно.

– А потом услышал новости. Все были поражены. А я испугался, что и ты могла умереть. И понял, как много ты для меня значишь... Агния, прошу тебя, скажи «да».

– Л-ладно...

– Этого мне достаточно. Милая моя девочка. Ты не пожалеешь. Обещаю.

И он закрыл ей рот поцелуем так, чтобы она не отвертелась от своего «да».

Отец согласился, мать была в восхищении и начала готовиться к пышной свадьбе.

Нэнси сдержанно бросила ей:

– Маменька, я буду на церемонии в кремовом костюме прямого покроя и обыкновенной шляпке. Думаю, что и Элдред оденется скромно. Много хлопотать не нужно. Если хочешь гостей, пригласи лишь родственников.

Тяжелее всего для Нэнси было не покинуть родную семью, а разрушить надежды Роберта Макдональда.

Она начала было: «Дорогой Роберт!..»

Но так и не смогла продолжить.

Дорогой Роберт!..

Он ведь и был дорогим, искренним другом, и ей страшно не хотелось причинять ему боль.

Нэнси решительно обмакнула перо в чернила и принялась писать.

Глава восемнадцатая

– Мой старик – чистое золото! – хвастался Элдред Норман по дороге домой «в афганце» после их медового месяца на побережье, – Ты, наверняка, ему понравилась. Он немногословный, спокойный, крепкий. Остаётся загадкой, как они сошлись с матерью. Та выросла в городе, и как все женщины склонна к болтовне.

– А кто у вас готовит?

– Повар. По прозвищу «Ща-уйду». Когда кто-нибудь критикует его стряпню, он говорит: «Ну, и ладно, ща уйду! И готовьте сами!» Но это он только грозитя.

– А аборигенки помогают по кухне?

– Да, к маминому неудовольствию. Ведь это единственные женщины в усадьбе, с которыми можно хотя бы на их местном наречии словом перекинуться.

– Я бы их с малолетства обучила хорошему английскому...

– Может и так. Да кому это надо!.. Здесь и белокожим детям тяжело образование получить!..

– Так чёрных никогда не учили чтению?

– Зато они читают мысли скота да и буквы на ящиках с керосином.

Нэнси представилось, как она может принести просвещение этим диким детям природы. А их, безусловно, стоило выучить.

Элдред и Нэнси выехали из Херготт Спрингс на север с экипажем Волта Кромби, потом – с почтовым на Бёрдсвилль.

Нэнси волновалась перед предстоящей ей встречей с Робертом Макдональдом, который так и не ответил на её последнее письмо. Она лишь утешала себя тем, что месяц службы констебля истечёт, пока они уедут.

Девушка остро чувствовала, что её лицо, светящееся счастьем, сильнее резанёт его незажившую рану...

Во время стоянки поезда Волт отлучился, и Нэнси решила навестить сестёр в общине.

Даже, несмотря на боль, это доставило кучу счастливых воспоминаний.

Девушка взяла с собой миссис Эдисон со склада, предоставив Элдреду возможность выпить в мужском обществе.

Нэнси понимала, что женщинам строго – настрого запрещено заходить в бар, если только они не работают там официантками.

Знакомую кухарку ныне сменила худенькая, тёмненькая женщина с таким кислым лицом, будто его замариновали.

Нэнси дошла до кладбища за час, защищаясь от палящего солнца широкополой шляпой.

Сухо оглядела она последнее пристанище Стэн. Свежий холмик среди пыльных надгробий завершала могильная плита с выгравированной надписью:

«Вечной памяти Станиславы Августы Честертон, единственной дочери Джеймса и последней Августы Честертон из Аделаиды, умершей 22 февраля 1914 года в возрасте 26 лет.»

Нэнси разровняла на холмике высохшую землю и украсила холмик белыми ракушками, привезёнными с побережья. Растения бы здесь не прижились.

Девушка оглянулась на безжалостную небесную лазурь и заброшенную земную твердь.

Уходя, она прикрыла ворота, защищая кладбище от бестолковых коз.

И так она закрыла ворота своей девичьей жизни, открывая для себя новую – рядом с Элдредом.

Вспомнив о нём, Нэнси заторопилась, так как уже успела соскучиться после недолгой разлуки.

Ночь им пришлось делить с незнакомыми попутчиками в вагоне: Нэнси – с двумя женщинами, а Элдреду – с тремя оставшимися мужчинами.

У большого каменного здания гостиницы, отделанного балконами, Нэнси заколебалась.

Насколько хорошо она знает своего мужа? А что если он перебрал в баре и вернётся «в стельку» пьяный?

При такой мысли юная дена похолодела. Из сравнительно прохладной гостиной Нэнси посматривала на окошко бара, пока не обнаружила там своего благоверного, облокотившемся на прилавок: рукава его синей рубашки были закатаны, шея обнажена.

Свободной рукой он держал узкий бокал с пивом, перекидываясь словом с парой неряшливых субъектов.

Взглянув наверх, Элдред заволновался:

– Я вмиг буду у тебя, дорогая! – крикнул он, – Допью только!

– Я подожду в гостиной, – кивнула Нэнси чувствуя истому от того, что не может быть с ним рядом прямо сейчас.

И не может насладиться холодным пивом. Да, это – мир мужчин!

Нэнси поднялась по лестнице, зашла в «дамский» и прошла по коридору с высоким потолком.

Она прошла сквозь их сумерки и открыла комнату с двуспальной железной кроватью, по полу из мелкого линолеума вышла на широкий балкон.

На улице одинокая лошадь устало топталась у порога да собака дремала в тени оцинкованной водосточной трубы.

Ну, где же Элдред? Нэнси уже решила одна идти к обеду. Солнце ещё не скрылось за горизонтом, но эта часть гостиницы была в тени уже после полудня и не было необходимости в восточном бризе.

Но вот знакомые шаги. И вот уже загорелые руки мужа обнимают её. Элдред поцеловал Нэнси в затылок.

Она жадно повернулась к нему, и оба замерли в долгом объятии.

– Прямо как принцесса в рыцарском замке. Заждалась? – спросил Элдред, – Целых две ночи мы не были вместе! Не будем же терять время, – он взял её за руку и повёл за собой.

Элдред выбил пробку из бутылки с газировкой и подал Нэнси.

– Мог бы и пивом угостить, – заметила та.

– Не знал, что ты любишь пиво...

– Не то чтобы... Но тот бокал в твоей руке отливал янтарём и выглядел заманчиво.

А с другой стороны – от тебя так несёт!

– О, прости! За обедом откроем бутылку пива.

И он начал расстёгивать её белую батистовую кофточку...

Волт организовал прогулочный поход на три дня туда, где всю дорогу была вода.

Некоторые слабые барханчики засыпало, и лошади шагали уверенно.

Всадникам захотелось сойти и размяться, Элдред помог откопать забуксованные в песке колёса повозки. Становилось прохладней, с тех пор как Нэнси покинула Юг, и путешествуя с двумя опытными бушменами не чувствовала ужаса перед бескрайней, безжизненной землёй, имея возможность вернуться назад.

В Этадунну она вступила давно желанным другом, когда они заехали туда за почтой и освежились там холодным лимонадом.

Миссис Смит, мать сгоревшей Мэри выглядела похудевшей, но, казалось, начала поправляться.

Коппераманна, Уривиланьи, Манджераньи, Мирра Митта – эти звучные исконные названия ласкали слух Нэнси своей музыкой.

Было что-то в этом крае даже в засуху, в этой пустоте и широте горизонта, что заставляло скучать по ней в уютной Аделаиде с её приветливыми зелёными холмами. Вместе с чувством подавленности Нэнси ощущала и подъём духа.

В течение всего последующего дня они пересекали громадное пространство близ холмов Клифтона, развозя почту по небольшим почтовым ящикам на пути.

После полудня, когда вся равнина вдоль и поперёк покрылась мелкими камушками из «крабовых норок» от некоего продолжительного потопа, подходящих к великолепному миру.

Впереди степь стала кобальтовой, посреди лилового озера, окаймлённого тёмно-синими деревьями, которые, казалось, плывут над водой и возвращаются к высоким розовым скалам, а те колыхались и видоизменялись, едва к ним приблизишься.

Тогда всё исчезало, будто выключили волшебный фонарь, и остался лишь горячий песок.

У лагуны Гойдера, теперь высохшей и поросшей бакаутом, они свернули к востоку, избегая зыбучих мест русла, что вывело их к краю Каменной пустыни Стёрта.

Лошади срезали путь, продвигаясь вдоль слабо обозначенной дороги среди огромных красно-лиловых валунов, блестящих как отполированное железо под лучами солнца. Это замедляло ход.

Они разбили лагерь по дороге у подножия одного из барханов, направленного к северу и югу, в зависимости от хода движения.

Теперь до Бёрдсвилля оставалось немного – миль тридцать пути.

На другой день они прошли сквозь ворота широкой сетчатой ограды, покосившейся, будто пьяная.

– Граница между штатами Южная Австралия и Квинсленд, – прокомментировал Элдред, – Полагают, что это защищает от кроликов.

Когда они направились к Бёрдсвиллю, предвещавшему конец пресловутой Бёрдсвилльской трассы, лошади понеслись по пересохшему руслу Диамантины неслабым галопом.

Вниз по направлению к посёлку часть канала направлялась свежей водой.

Посёлок даже казался меньше и глуше, чем Херготт, к которому вели рельсы, и линия Оверланд Телеграф выглядела внушительно.

На западе курился высокий бархан. А за ним – бесконечная череда барханов пустыни Симпсона.

По всем остальным направлениям простиралась бесконечная покрытая валунами степь, огромные пространства каменных обломков, среди которых изредка попадались полувысохшие побеги солонца, видные полностью. Только улица была забита песком.

Но правление Квинсленда предусмотрело правление школы.

Сначала они остановились у здания почты, однокомнатной сторожки с окошком посередине и позади, что позволяло проветривать, когда дул свежий воздух и закрываться, защищаясь от песчаных бурь.

Небольшое крытое крылечко, заполненное толпой народа, ожидающего сортирующей почты – кто-то ничего не получил, кто-то – не больше пакета с медицинскими указаниями из Аделаиды.

В целом весь путь в более чем восемьсот миль преодолевали из-за нескольких дорогих сердцу открыток и писем и больших посылок со всем необходимым.

И при словах: «Волт едет!» или: «Почта приехала!» казавшийся вымершим посёлок снова оживал.

Отовсюду слышались поздравления Элдреду и его невесте.

Каждый, посетивший королевскую гостиницу – одноэтажное здания из местных пород камня с волнистой железной крышей, высящейся в центре мансардой, замечал редкую для этих

мест длину постройки. Эта гостиница ничем не напоминала внушительного здания в Херготт Спрингс.

Кровати маленькие и мрачные, столовая длинная и узкая, как колея.

Но молодая чета остановилась здесь всего лишь на ночь, пока Элдред собирал повозку, оставив позади пивной повозку с двумя лошадьми, которых вволю накормил дорогим сеном, привезённым поездом и почтовой фурой с юга из Кворна.

Открывая посёлок далеко за полдень, Нэнси подошла к будто манящему зелёному пруду, первый прохладный водоём с неиссякаемым источником.

Ей казалось, что можно было побарахтаться, сняв белые башмачки и чулки.

Она окунула в воду, к счастью, лишь одну ногу. Вода была почти горячей, будто соперничая с воздухом. Только что пар не шёл. Но обманчивая вода казалась чистой и прохладной. Пальцы на её ноге покраснели, будто ошпаренные.

Смешение голосов водяных птиц, хриплые крики какаду предвещали свой вечерний водопой, являясь перед Нэнси длинным зелёно-голубым потоком.

Путешественница оцепенела от восторга. Красный от глины берег, запруженный алой ярской выгодно оттенял бирюзовое мелководье с плывущими по нему бумажными корабликами.

Зеленеющие арники буша и поднимающиеся островками стволы кулаб, окаймляя берег тростником и камышом.

Ожил оазис с выплывающими пеликанами, с шагающими белыми и серыми цаплями, с ибисами и журавлями – ожил многоголосьем птичьих голосов, к которому присоединились... лягушки! Казалось. Чудесная благодать после затянувшейся засухи в этом месте, они выжидали.

Теперь-то Нэнси поняла, почему это посёлок на краю пустыни назвали Бёрдсвиллем. Город птиц по-английски оправдывал своё название.

Они выехали рано утром, после весёлой и беспокойной ночи, в продолжение которой Нэнси выпал из узкой растяжки, в которую они все забились, а Нэнси совсем провалилась куда-то вглубь матраца. Элдред решил перенести постель.

Огромные номера Королевской гостиницы не были приспособлены для жизни.

Покидая Бёрдсвилль, путешественники пересекали высохшее русло «в сторону Каппамерри к реке», остановившись среди валунов в степи.

С необычайным волнением и удивлением присматривалась Нэнси к своему новому дому, а особенно настораживала предстоящая встреча со свекровью.

Но рядом был Элдред, с которым ей всё ни по чём. Они расположились на ночлег неподалёку от дороги.

С севера на восток по пути к Диамантине перед ними высились мёртвые деревья, отмечённое одно из них каналами. Означало конец пути. А ещё избыток сухих дров.

Элдред развёл яркий игривый костерок и повесил котелок на треножник, замесил и испёк в золе пресную лепёшку, добавив в муку соль и холодную воду с щепоткой стёртого в ручную порошка.

Агнессе показалось, что она может привыкнуть к крепкому бушменскому чаю – чёрному и сладкому, основному освежающему напитку в буше, спасающему после долгого засушливого дня.

Элдред и Нэнси подкрепились пресной лепёшкой с холодной жареной говядиной и куском желтоватого жира, к удивлению Нэнси, оказавшемся ничуть не хуже сливочного масла.

После ужина оба отдались своей любви под покровом звёздного неба. Луны не было, и небо сияло незнакомым бледно-голубым пламенем.

– Какое яркое! – прошептала Нэнси, но мелкие камушки, забившиеся в её спальный мешок начали покалывать спину.

И тут ей подумалось, что мужчинам в буше всё-таки привычней.

Но и она была не в счёт, жалуясь, как очередная невеста. Нежно прозвенели колокольчики лошадей, когда прихрамывающие лошади потянулись к сухому корму.

Одна из лошадей путешествовала с упряжью, другая в сбруе «со шпорами», которые свисали с другой стороны, готовые опуститься над телегой, когда ведущая лошадь уставала.

До Бёрдсвилля было восемь миль; первой среди грязных «дорог», что вела в небольшое поселение Бегута, и тогда сворачивала на север среди запасного маршрута до Каппамерри.

Степные валуны оставались неизменно рыжими от степной пыли, а в потрясающе рыжих барханах поднималось напротив голубое небо, когда на второй день Элдред объявил:

– Вот мы и в Каппамерри. Видишь череп на пустом пне? Это знак для нашего почтальона. Нэнси оглянулась.

По другой стороне пути отчётливо выделялись кости дохлых буйволов, а чуть дальше, в крайне запустевшем и начисто обглоданном месте вокруг источника, валялись иссушённые жарой скелеты, готовые стать мумиями с мёртвыми глазами, уставленными в никуда.

Нэнси вспомнила про Стэн, и её чуть не стошнило:

– Элдред, подожди минутку! Кажется, мне нехорошо.

– Извини, милая. Это из-за жары?

Ехали они с ветерком, и жара не так была заметна, но Нэнси прошептала:

– Да... Наверное.

Элдред дёрнул поводья, и лошадь, прошедшая за день двадцать миль с перерывом на ланч, остановилась с благодарностью за передышку.

Рыжий бархан с другой стороны пути блестел от зноя, но без взросшего в горячем песке пустынного дуба с тёмным стволом и тонкими игольчатыми листьями, среди черноты в пестроты против сияющего рыжего песка и заброшенного густой тенью, будто в прохладном пруду.

Нэнси пошатывало, и Элдред поднялся и смочил его в воде из фляги под телегой носовой платок, быстро покрывшейся слоем рыжей пыли, но вода оставалась прохладной от испарения.

Нэнси уселась, спрятав руки под колени, удерживая голову.

Элдред заботливо вытер пот с её лба. Жену больше не тошнило, и та постепенно приходила в себя.

– Хочешь попить?

– Нет, спасибо. Сомневаюсь, что вода долго удержится.

– Тебе будет легче, если ты немного отдохнёшь в тени. Утешает, что Каппамерри уже близко. Там ты сможешь помыться и отдохнуть.

Светло-каштановые локоны Нэнси топорщились вокруг её лба, едва она откинула назад широкополую шляпу с тонкой вуалью.

– Ты ещё заботишься о своей красоте, с обгорелым носом и запалённым лицом? – спросил Элдред.

Нэнси натужно улыбнулась:

– И как здесь выживает скот?! – сказала она, – Жестокий край!

– Да. Есть поверье, что этот край проклят. Когда видишь увязшего в болоте вола. Ещё живого, а глаза уже выклеваны воронами...

– Замолчи! – испугалась Нэнси, а потом спросила, – Много ли пало в эту засуху?

– Да. Падёж скота зависит от нехватки воды и своевременного корма. А весь корм в округе пропал. У скотины не хватало сил дойти до пастбища и вернуться к воде – так и дохла с голоду.

– А я и не задумывалась об этом, когда наслаждалась ростбифом.

– Несомненно. Это одна из крупнейших засух на нашем веку.

Но мой старик не теряет оптимизма и в лучшие годы запасается впрок, а в период засухи отбирает ту скотину, что не в силах прокормить и выгрузить. Но засухи неизбежны.

В былые времена говорили, что без них пустыня не пустыня, что источники пересыхают, покрываются илом.

– Мистер Джексон говорил, что это спасение от кроликов.

– Ага. Частично. Правительство тратило тысячи, устраивая заграждения, но их не уменьшалось с обеих сторон границы. А ещё динго. Мне даже думается, что в спокойное время они плодятся в пустыне Симпсона, а в засуху обрушиваются на наш овечий край.

Нэнси откинула со лба влажные волосы и встала:

– Теперь я и, правда, в порядке.

– Правда?

– Да. Пошли.

Элдред осторожно поцеловал её и помог взобраться в двуколку.

Нэнси ещё долго чувствовала привкус солёного пота с его губ.

Глава девятнадцатая

Тем утром они миновали первые ворота за много миль. Широкий забор простирался слева направо.

– Лошадиное пастбище, – пояснил Элдред.

Всё это было похоже на большую ферму, вроде хозяйств около побережья.

Теперь путь проходил ближе к восточной пойме Диамантины, широко разливающейся здесь с севера на юг.

Путешественники миновали стадо беломордых волов, неподвижно оставшихся и тупо глядящих, также равнодушных к скачущим мимо в испуге.

Бегущая река яркой лентой сопровождала ряд зелёных деревьев.

– Это проток Варраварра, – объяснил Элдред, – Мы в конечном итоге прозвали его так. Аборигены говорили, что старейшина, придя сюда в первый раз, сначала назвал его Варравар-рапирралеллиалулламуллакупалани.

– Верю, – засмеялась Нэнси, – Но не понимаю, как ты не сломал язык, произнося это.

– Папа играл с нами в него, понимаешь, чтобы мы выговаривали это слово на одном дыхании, а не по слогам. Сестрёнка всегда плакала, когда у неё не получалось...

Ну, вот мы и в «резиденции», – заключил Элдред чуть погодя.

Перед ними открылась группа сооружений с железными крышами и усадебным зданием в центре.

Когда они подобралась ближе, Нэнси рассматривала во все глаза. Она была напугана и немного шокирована.

Окаменевшей местностью, но они преодолевали сквозь череду барханов.

Поднимающихся как волны. Вызывающе большая каменная усадьба располагалась между двумя стыдливо зардевшимися барханами, среди которых простирался голубой водоём, открывающийся зарослями кулаб и белоствольных эвкалиптов с тонкой корой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.